

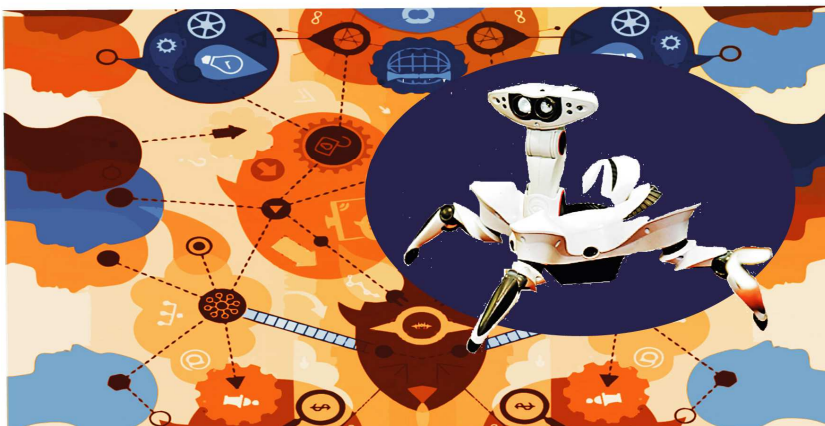
РОБОТЫ ЗАЯВЛЯЮТ О СВОИХ ПРАВАХ

РОБОТЫ

ЗАЯВЛЯЮТ О СВОИХ ПРАВАХ

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЕК ЦИФРОВИЗАЦИИ
И ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ВИРУСНЫХ ЭПИДЕМИЙ**

Коллективная монография

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса (ВГУЭС)

РОБОТЫ ЗАЯВЛЯЮТ О СВОИХ ПРАВАХ

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЕК ЦИФРОВИЗАЦИИ
И ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ВИРУСНЫХ ЭПИДЕМИЙ**

Коллективная монография

Под редакцией
А.Ю. Мамычева, Г.В. Петрук

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2020

УДК 340:004.89

ББК 67.0:32.81

P58

Монография издана при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-22065/20)

Авторский коллектив:

Апольский Е.А., Берёза В.В., Берман А.М., Беспалова Т.В., Ветренко И.А., Гребнев Р.Д., Давиденко А.С., Енакиева Э.В., Исаев А.А., Каримова Ю.И., Кирьяченко О.И., Кравченко А.Г., Лихова А.Б., Любецкая О.С., Мамедов И.Б., Мамычев А.Ю., Мартьянов Н.Р., Матюк Ю.С., Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В., Перепелица Е.В., Петрук Г.В., Платонова Н.И., Пургина Ш.А. Смольянинова Е.Н., Фуенсун А.Д., Яковенко А.А., Слян М.Ю., Шестопал С.С., Шейко А.Е.

P58

Роботы заявляют о своих правах : парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий : коллективная монография / под ред. А.Ю. Мамычева, Г.В. Петрук; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2020. – 216 с.

ISBN 978-5-9736-0622-0

Монография подготовлена по итогам проведения II Дальневосточного международного форума «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий», посвященного обсуждению ключевых трендов, меняющих ландшафт социально-экономической и политико-правовой организации, трансформирующих формы и стиль мышления людей, характер взаимоотношений в обществе. Рассмотрены проектируемые «образы будущего», связанные с развитием и повсеместным внедрением сквозных цифровых технологий. Обсуждались фундаментальные проблемы современности и их связь с двумя ключевыми «драйверами» социально-экономического и политико-правового развития – цифровые и пандемические тенденции в современной общественной организации.

Для специалистов в области юриспруденции, политологии, философии и других направлений социогуманитарного познания, а также всех интересующихся цифровой трансформацией.

УДК 340:004.89

ББК 67.0:32.81

ISBN 978-5-9736-0622-0

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», издание, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Часть 1. Цифровой и поствирусный тренды трансформации правопорядка и политической системы в России .....

1.1. Основные траектории общественно-политической динамики в цифровую эпоху развития. <i>Мамычев А.Ю.</i>	15
1.2. Дигитализация гуманитарных стратегий государственной власти. <i>Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В.</i>	21
1.3. Цифровизация государственного управления и бюрократизация системы: теоретико-правовой аспект. <i>Кравченко А.Г.</i>	27
1.4. Цифровизация и трансформация общественно- политических отношений: взаимосвязь и взаимовлияние. <i>Берман А.М.</i>	33
1.5. Искусственный интеллект в современных военно- политических и социокультурных процессах: проблема национальной безопасности России. <i>Беспалова Т.В.</i>	38
1.6. Правовые морально-этические аспекты цифровизации правосудия. <i>Гребнев Р.Д.</i>	45
1.7. Планетарная парадигма мирового развития: проблемы и вызовы современности. <i>Мамедов И.Б.</i>	53
1.8. Искусственный интеллект в юридической практике: проблемы внедрения и эксплуатации. <i>Матюк Ю.С.</i>	57

Часть 2. Цифровизация социально-экономических процессов или цифровизация социально-экономических систем.....

2.1. Система социального кредита в Китайской Народной Республике: история вопроса. <i>Ветренко И.А.</i>	71
--	----

2.2. Сетевые коммуникации – «дрейфующий» объект исследования. <i>Перепелица Е.В.</i>	76
2.3. Дистанционные технологии обучения как средство повышения академической мобильности. <i>Апольский Е.А.</i>	84
2.4. Цифровизация системы здравоохранения в период пандемии. <i>Платонова Н.И.</i>	91
2.5. Вызовы эпохи цифровой экономики, тренды, новые компетенции. <i>Петрук Г.В.</i>	95
2.6. Человек как робот. <i>Исаев А.А.</i>	104
2.7. Информационные технологии, как инструмент совершенствования взаимодействия таможенных органов и субъектов внешнеэкономической деятельности. <i>Смолянинова Е.Н., Енакиева Э.В., Лихова А.Б.</i>	110
Часть 3. Исследования молодых ученых	123
3.1. Правовые основы деятельности электронного правительства: практика зарубежных стран. <i>Давиденко А.С.</i>	125
3.2. К вопросу о российской модели электронного правительства. <i>Давиденко А.С.</i>	135
3.3. VR-технологии в образовании: правовой аспект. <i>Каримова Ю.И., Яковенко А.А.</i>	142
3.4. Анализ социально-правовых подходов к формулировке понятия «робот». <i>Каримова Ю.И., Мартьянов Н.Р.</i>	149
3.5. Проблемы деформации права. <i>Кирьяченко О.И.</i>	157
3.6. Международно-правовое регулирование киберпреступности. <i>Кирьяченко О.И.</i>	162
3.7. Проблемы повышения правосознания и правовой культуры общества в современной России. <i>Фуенсун А.Д.</i>	173
3.8. Особенности электронных форм правоприменения в договорных обязательствах. <i>Береза В.В.</i>	178
3.9. Информация как объект гражданского права: понятие, признаки и свойства. <i>Любецкая О.С.</i>	184

3.10. Политическая коммуникация в современном обществе: основные акторы, формы и тенденции развития. <i>Пургина Ш.А.</i>	192
3.11. Общественное мнение в политико-правовой сфере цифровизирующегося общества. <i>Шейко А.Е., Шестопап С.С.</i>	201
3.12. Государственный режим как аспект политического: понятие и признаки. <i>Слоян М.Ю.</i>	208
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

II Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий» в этом году прошел в дистанционном формате. Таковы были условия и возможности для проведения международной дискуссии на достаточно актуальные и значимые темы государственно-правового, общественно-политического и социально-экономического развития.

Пленарное и секционные заседания, все площадки и мастер-классы были в виртуальном режиме: *с одной стороны*, это позволило подключить разные (далекие и близкие) научно-исследовательские центры, лаборатории, научные школы, а также ученых, исследователей, экспертов и аналитиков из разных городов и стран; *с другой* – сохранить данное научное событие не только в памяти и заметках, которые мы активно делали в ходе дискуссий и обсуждений, но и в видеоформате.

Форум был посвящён обсуждению ключевых трендов, меняющих ландшафт социально-экономической и политико-правовой организации, трансформирующих формы и стиль мышления людей, характер взаимоотношений в обществе, а также рассмотрению проектируемых «образов будущего», связанных с развитием и повсеместным внедрением сквозных цифровых технологий.

Проблематика прошедшего форума преемственно связана с крупномасштабным событием прошлого года, прошедшим при поддержке РФФИ: I Дальневосточным международным форумом «Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов», который позволил обеспечить устойчивый контакт ученых, исследовательских лабораторий, научных школ Дальневосточного федерального округа, Центральной России и ряда зарубежных стран.

Между тем настоящий форум не только продолжает обсуждение фундаментальных проблем современности, но и связывает

это с двумя ключевыми «драйверами» социально-экономического и политико-правового развития. В рамках форума обсуждались взаимодействие цифровых и пандемических тенденций в современной общественной организации. При этом последние рассматривались в качестве «равнозначимых» и взаимовлияющих тенденций, меняющих социально-экономическую и политико-правовую реальность.

1. В рамках обсуждения современных процессов цифровой трансформации общественной организации, отдельных сфер и отношений главный упор делался на то, что «цифровизация» – достаточно сложное и многоуровневое явление, которое имеет разные смысловые и содержательные аспекты. Данный феномен рассматривался по пяти относительно разных, но взаимосвязанных аспектов.

Во-первых, цифровизация как система исходных кодов и начальных алгоритмических решений, на которых строятся те или иные системы машинного обучения или автономные роботизированные аппараты. Это так называемый базисный уровень цифровой трансформации, где изначальные цифровые коды и алгоритмические решения закладываются в системы машинного обучения и спроектированные интеллектуальные системы (более известны в качестве популярного, но далекого от реальности понятия – искусственный интеллект). Именно последние формируют перспективу развертывания отдельных цифровых систем, а также траекторию развития различных инновационных технологий.

Во-вторых, цифровизация, связанная с переходом в общественном взаимодействии от аналоговых технологий к цифровым. Этот аспект затрагивает инструментальный характер цифровизации, поскольку здесь разворачиваются процессы, связанные со сменой основных инструментов и технологий в человеческой жизнедеятельности. Другими словами, современные изменения в общественной жизнедеятельности рассматриваются в качестве очередного этапа совершенствования инструментов человека, продолжающих и (или) функционально его (человека) замещающих. При этом допускается автономность данных технологий на совещательном, вспомогательном, обеспечивающем уровнях, т.е. функционирующих в инструментальном режиме. В то же время за человеком остается «фундаментальное право» на принятие решений и реализацию распорядительных функций.

В-третьих, цифровизация исследуется в отношении к институциональным практикам, их изменениям под воздействием «оцифровки» социальной коммуникации и общественной организации. Данный аспект цифровизации связывается с траекториями развития и противоречиями, возникающими в процессе взаимодействия формируемой цифровой реальности и интеркоммуникативной реальностью. Именно на этом аспекте разворачивается целая серия противоречий между традиционными общественными основаниями порядка и новыми институциональными изменениями, вызванными политикой внедрения цифровых форм и алгоритмических решений в разнообразные социальные практики. Здесь преимущественно анализируются устойчивые практики, формируемые в контексте внедрения и применения сквозных цифровых технологий в различных сферах и общественных институтах, которые ориентированы на изменение характера социальной коммуникации, стиля восприятия реальности (в ее различных взаимосвязях между intersубъективной и виртуальной/цифровой реальностями), форм публичного и частного взаимодействия.

В-четвертых, цифровизация связывается с кардинальными институциональными изменениями, т.е. цифровой трансформацией действующих институциональных структур (экономических, политических, юридических, культурных). Здесь можно выделить статистический срез – совокупность и конфигурация различных институтов, структур, институциональных связей и т.д., а также динамический срез – институционально-нормативная активность государства (законодательная, правоприменительная, судебная и иная социально-правовая активность, связанная с реализацией функциональной направленности конкретного института, органа, учреждения), а также институционально-нормативная активность граждан и различных общественных институтов и структур.

В-пятых, обсуждение процессов цифровизации разворачивается на уровне действующих ценностно-нормативных, культурных и этических основ современной общественной организации. В настоящий момент в отечественной и зарубежной практике нет общей модели (она находится пока на стадии формирования, появляются лишь отдельные фрагментарные проекты, доктринально-правовые положения и нормативно-правовые акты) регулирования и идейной основы правовой доктрины в части взаимодействия цифровых технологий и общественных процессов, но уже

явственно вырисовываются базовые аксиологические принципы такого регулирования, сформулированные с учетом действующего права и закрепленных в нем ценностей.

Данный аспект связан главным образом с обеспечением в целом национальной безопасностью, с этическими стандартами и социокультурными требованиями, которые сегодня слабо разработаны в сфере создания программного обеспечения, внедрения и применения цифровых технологий и автономных алгоритмов в политической (например, контроль, учет и обработка социальных запросов, мнений, ожиданий и проч., выступающих основой для принятия управленческих и юридически значимых решений) и правовой жизни общества (электронные и автоматизированные формы правосудия, алгоритмические системы контроля и обеспечения правопорядка).

2. Период пандемии закрепил выше обсуждаемые цифровые трансформации и изменения. Цифровые технологии получили новый «драйвер» и магистральную траекторию развития: использование цифровых технологий в моделировании развития вируса, возможных сценариев его распространения, социально-экономических, политических и других последствий, а также с целью обеспечения режима самоизоляции, карантина, публично-властного контроля и т.д. В период пандемии расплывчатыми становятся некогда устойчивые границы государственного вмешательства в частную жизнь, свободу передвижения и т.д.

Если системно посмотреть на ключевые проблемы современности, которые обсуждаются в публичном пространстве, на решение которых направляются значительные ресурсы и управленческая активность государственных органов и различных институтов гражданского общества (политических партий и движений, общественных организаций, профессиональных ассоциаций, органов муниципальной власти и т.д.), то становится очевидным, что политико-правовой и социально-экономический процессы в обществе изменяются качественно и количественно. В чем эти принципиальные изменения?

Прежде всего, в политическом пространстве современного общества, кроме действующих традиционных акторов (политические субъекты, субъекты права), появились и инновационные акторы (цифровые актанты, цифровые личности, автономные роботизированные алгоритмы и технологии), которые не только вы-

ступают цифровыми агрегаторами (т.е. посредством которых в настоящее время организуется и реализуется большая часть публичных отношений, разворачивается целое разнообразие общественного взаимодействия, функционируют современные системы политической коммуникации), но и являются значимыми, активными элементами (цифровыми и виртуальными актантами), поскольку действуют согласно своим цифровым стратегиям и траекториям машинного обучения.

При этом во многих сферах последние реализуют не только совещательные/экспертные функции, но и функционал распорядительного характера (например, в сфере обеспечения общественного порядка цифровые алгоритмы не только маркируют традиционных политических субъектов, выставляя им индексы криминогенности или социальный рейтинг благонадежности, но и представляют список адекватных мер реагирования и действия властных структур или самостоятельно принимая решения: блокирование доступа, изменение представляемого списка полномочий, возможных вариантов действия и проч.). Здесь важно зафиксировать, что новые актанты: активно оказывают воздействия (иногда даже существенно сильнее), с одной стороны, на мыследеятельность традиционных политических субъектов, на характер взаимодействия и направления развития публично-властных отношений в системе личность – общество – государство; с другой – на выработку стратегий как в публичной, так и в индивидуальной (частной) сферах. Сегодня любой прогноз, любая стратегия будет неадекватна, если в них, кроме поведенческих и иных социальных факторов, не закладывается моделирование развития цифровых форм и технологий. Говоря иначе, современное общественно-политическое прогнозирование и публично-правовое управление уже не закладывает только «социальное» в качестве основополагающего элемента и доминирующего тренда.

Традиционные социальные формы организации, социально-политические технологии управления, социальные тенденции развития являются значимыми, но не единственными факторами в динамике современных обществ.

Период пандемии, развернувшийся в глобальном пространстве, сформировал (или скорее акцентировал внимание) совершенно иную реальность развития общества, политики, властных отношений (ранее обсуждаемую, но на периферии научных изы-

сканий), а именно особый виталистский режим функционирования политической системы. Виталистский режим представляет собой такой период, при котором доминирующим фактором и основополагающей проблематикой выступают не только общественные или групповые интересы, но также факторы биологического характера, где вопросы противодействия «вирусным стратегиям», природные риски и экологические угрозы становятся ключевыми на политической повестке дня, оттесняя иные проблематики – социально-экономические, культурные и проч.

При этом в современной политической и правовой теориях только разрабатываются исследовательские стратегии, в которых признаются и определяющее влияние нечеловеческих элементов, так и «власть материального» в политико-правовом пространстве. Методологические интуиции современных философско-политических и социологических подходов ориентированы на попытку «втянуть» в исследовательское поле и описать роль и влияние биологических, природных, материальных факторов на динамику и характер государственно-правовой организации и отношений. Преимущественно это осуществляется через представление особых сборок, ассамбляжей, т.е. группы разнородных и разносущностных элементов, взаимодействующих и взаимовлияющих, но не объединённых одной системой или сетью отношений и правил. Здесь доказывается, например, что вирус может выступать в качестве квазиактора (биологического актанта) с собственной траекторией развития, которая существенно влияет на развитие публично-властных отношений, политическую повестку дня и функционирование различных политических институтов, а политические стратегии вынуждены учитывать (или «вести переговоры», – метод, описываемый М. Каллоном) стратегии развития самого вируса.

Другими словами, источники действия, факторы развития политической и правовой систем или изменений конкретных политических или юридических институтов, стратегий, доктрин могут быть одновременно человеческими и нечеловеческими. Социальная организация не просто не образует отдельного региона или автономной искусственной среды жизнедеятельности человека, но и самое главное – человек не способен полностью контролировать и управлять собственным регионом без осознания связанности и взаимодействия с другими регионами (биологическими, экологическими, цифровыми и т.д.). Однако главная

проблема здесь состоит не только в признании последнего, но и в разработке соответствующей и адекватной категориально-понятийной структуры и методологического арсенала, позволяющих концептуализировать это взаимодействие и взаимовлияние.

В настоящем издании представлены различные позиции относительно цифровой трансформации общества и точки зрения на роль вирусной пандемии в современной общественно-политической, правовой и социально-экономической динамике.

Благодарим всех участников прошедшего Форума, поскольку именно Ваша научная и экспертная активность сделала возможным это научное событие.

С уважением и надеждой на новую встречу в рамках III Дальневосточного международного форума,

Алексей Юрьевич Мамычев,

доктор политических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права

Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
Председатель II Дальневосточного международного форума
mamychew@yandex.ru

Галина Владимировна Петрук,

кандидат педагогических наук, доцент, директор департамента научно-исследовательской работы Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, заместитель председателя II Дальневосточного международного форума,
pigenko_galina_8@mail.ru

ЧАСТЬ 1

**Цифровой и поствирусный
тренды трансформации
правопорядка и политической
системы в России**

1.1. Основные траектории общественно-политической динамики в цифровую эпоху развития*

Мамычев Алексей Юрьевич

«Организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать Генеральный штаб и правительство...

Мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все пункты»

В.И. Ленин

Марксизм и восстание [1]

В своё время Ленин четко уловил ключевые тенденции XX века и сформулировал практическую инструкцию, ориентированную на революционные преобразования действующей институциональной структуры и мировоззренческих практик. Центры принятия управленческих решений и основные производственные ресурсы, мобильность повстанческих отрядов, скорость коммуникаций и быстрота перемещения в пространстве – эти общие принципы, сформулированные и практически обоснованные им, не только обеспечили успешность советского революционного проекта, но и стали ключевыми в многих политических теориях и доктринально-программных положениях различных политических сил в двадцатом столетии.

В приведённых словах «главного революционера эпохи» как раз и обозначены эти моменты, которые стали основополагающими «драйверами» (как это сегодня принято маркировать)

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-31760 «Цифровые, биологические и социокультурные тренды эволюции публично-властной организации и отношений в современной России: проблемы моделирования и прогнозирования общественно-политической динамики».

общественно-политического развития. Главное, что ленинские идеи создали определенные «приквелы», или ключевые предубеждения, в политической мыследеятельности XX века, которые и разворачивались вокруг арены проблематизации и публичного обсуждения общественных проблем:

1. «Окружить Александринку» – место проведения демократического совещания и легитимации, с одной стороны, публичных решений, а с другой – новой политической силы, «двигающей» или творящей историю. Примечательно, что проведение демократического совещания представляло собой еще и символическое политическое действие, это была политическая сцена, посреди которой размещался стол для президиума, вокруг была целая инсталляция театральных декораций, политических лозунгов, на фоне которых *оформлялся новый «субъект политической истории»*: «В фойе и на лестницах мелькали штатские костюмы и военные гимнастерки. Помещение театра постепенно заполнялось делегатами» [2, с. 210], представителями различных, *доселе разрозненных социальных групп*, которые затем собирались и институционализировались в качестве отдельного класса – рабочих и крестьян.

Примечательно, что такой взгляд на политику как сцену или арену, на которой проблематизируется и определяется статус «публично говорящих существ», воспроизводит известный французский политический философ Жак Рансьер: «Политика – прежде всего конфликт по поводу существования общей сцены, существования и качества тех, кто на ней присутствует... Политике есть место потому, что те, у кого нет права быть учтенными в качестве говорящих существ, заставляют себя таковыми счесть и устанавливают сообщество» [3, с 52].

2. «Занять Петропавловку, арестовать Генеральный штаб и правительство» – революционная атака на институциональные подпорки системы, ее центры принятия решений, легального и легитимного насилия и контроля, за которой следует переструктурирование властных отношений, смена пространств, где власть концентрируется, в итоге это ведёт к смене политико-правовой жизнедеятельности общества. Сама атака ориентирована не столько на слом действующих властных институций, как показала практика, на слом прежнего государственно-правового образа жизни общества и сложившуюся систему публично-властных

практик. Как отмечал классик, государственный строй исчезает именно в нашем мышлении и в нашем действии, исчезнув там, он перестает в миг существовать в реальности.

Обратим внимание на то, что любая радикальная ломка общественно-политической организации общества ориентирована, главным образом, не на смену властвующей элиты, политического режима, правовой системы и т.п., все это вторично, а на изменение политико-правового образа мышления и действия. Без изменения последних ни одна цель революционных практик не будет достигнута, да и называться тогда эти практики будут иначе. Другими словами, значимые революционные действия направлены, прежде всего, не на слом политических институтов, структур, отдельных органов, а *на слом государственно-правового образа жизни, его единства и целостности*. Основной целью революции является «не отмена прежнего государственного строя, а радикальная трансформация мышления людей... Основной внутренней целью революции была не отмена прежнего государственного строя, а радикальная трансформация мышления людей» [4, с. 135].

3. Формирование «повстанческих групп». Здесь формируется и обосновывается теория сопротивления, адекватная современным условиям, создание сетевых мобильных групп сопротивления. Благодаря этому в XX веке и сегодня повстанческие гражданские группы (хотя и военные повстанческие группы, и мобильные вооруженные отряды – значимый ресурс в ходе военных переворотов) становятся ключевыми «инструментами», с одной стороны, в «борьбе за контроль над спорным политическим пространством» [5, р. 188]; а с другой – общественно-политических и социально-экономических изменений [6].

4. «Занять сразу» центры социально-политической коммуникации (телеграф, телефон) и гражданской мобильности (вокзалы), а также ключевые общественные ресурсы (заводы, фабрики).

Ленин не только сформулировал основные драйверы и ресурсы индустриальной эпохи, но и практически показал, как все эти центры, драйверы, ресурсы могут быть переструктурированы и подчинены общему идеологическому проекту с его ценностно-нормативной системой и новыми мировоззренческими установками.

Вспомнить ленинскую революционную теорию сегодня можно, по крайней мере, по двум причинам. Первая, современная

общественно-политическая трансформация общества во многом связана новым прочтением и применением, а также переструктурированием вышеобозначенных принципов. Вторая, кардинальная смена индустриальной эпохи на постиндустриальную или цифровую эпоху кардинально меняет:

1) политическую арену противоборства интересов и артикуляцию значимых потребностей, а также проблематизацию статусов как традиционных политических субъектов (государство, партии, организации, профсоюзы и т.д.), так и статуса новых драйверов эпохи, которые пока сложно обозначить традиционным понятием «субъект» [7] (цифровые личности, цифровые платформы, цифровые алгоритмы и другие действующие цифровые актанты [8; 9]);

2) институциональные структуры, институциональную политическую коммуникацию и публично-властные отношения в обществе, которые под воздействием цифровизации теряют свой традиционный ресурс легитимности и социальной значимости, а большинство итеракций реализуется через цифровых посредников (платформы, алгоритмы и проч.). При этом реальная власть и центры принятия управленческих решений смещаются с публичного пространства в новую пространственную сферу – «цифровые лаборатории» (разрабатывающие, внедряющие и эксплуатирующие сложные цифровые алгоритмические системы [10]). Речь идёт о теневом пространстве разработки исходных кодов и первоначальных алгоритмических решений при создании конкретных информационно-коммуникативных систем, роботизированных технологий, автономных цифровых программ, цифровых технологий, систем слабого и сильного искусственного интеллекта и т.д. [11]. В настоящий момент вся эта деятельность находится «за пространством» нормативного правового регулирования, общественного контроля, не нормируется ни этическими кодексами и нравственными стандартами, ни иными ценностно-нормативными и идеологическими регуляторами. Это сфера полного волюнтаризма и произвола. Необходимо учитывать тот факт, что разработка вышеобозначенных сквозных цифровых технологий осуществляется в теневом пространстве и сегодня общество не имеет механизмов контроля и влияния на данный процесс;

3) формы и технологии гражданского (цифровой активизм, цифровое гражданское общество и проч. [12]) и военного сопро-

тивления (удаленное, дистантное проецирование власти, силы, авторитета [13]). Очевидно, что современные сквозные цифровые технологии позволяют транслировать и проецировать как материальное, физическое, так и символическое воздействие значимого и определяющего характера не только на сферы и отношения в рамках традиционных относительно автономных и структурированных политических пространств (например, в рамках суверенного политического пространства или локального этнополитического пространства), но и далеко за пределы последних;

4) переструктурируются ключевые центры мобильности, формы и технологии социальной коммуникации, изменяются и ключевые ресурсы социальной организации, важнейшими становятся данные, которые продуцирует население, организации, механизмы, алгоритмы [14]. Именно данные становятся основой для постоянной циркуляции информации, контентов, базисом современной «цифровой формации».

В этом плане есть опасность, что все интенсивное развитие алгоритмических систем может девальвировать смысл и ценность публично-властного взаимодействия между личностью, обществом и государством. Причем развитие автономных экспертных систем, автоматический сбор информации, машинная обработка социальных запросов и формирование ответов могут не только поставить под сомнения необходимость специализированных профессиональных знаний и навыков государственных служащих, но и увеличить дистанцию между органами управления и населения, снизить потенциал легитимности в целом властно-управленческих структур в глазах общественности.

Список литературы

1. Ленин В.И. Марксизм и восстание (Письмо Центральному комитету РСДРП). 1917 год. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin005.htm> (дата обращения: 12.11.2020).
2. Старцев, И.В. Демократическое совещание / И.В. Старцев // Вопросы истории. – 1967. – № 9 (Сентябрь). – С. 210–212.
3. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер. – Санкт-Петербург: Machina, 2013. – 192 с.

4. Пятигорский, А.М. Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций / А.М. Пятигорский. – Москва: Европа, 2007. – 180 с.
5. Kilcullen, D. Counterinsurgency / D. Kilcullen. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 272 p.
6. Каливас, С. Логика насилия в гражданской войне / С. Каливас. – Москва: Изд-во «Пятый Рим»; Фонд «Историческая память», 2019. – 784 с.
7. Мамычев, А.Ю. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий / А.Ю. Мамычев, О.И. Мирошниченко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 125–133.
8. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: коллективная монография / под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. – Москва: РИОР, 2020. – 349 с.
9. Бруно, Л. Политики природы. Как привить наукам демократию / Л. Бруно. – Москва: Ад Маргинем, 2018. – 336 с.
10. Гринфилд, А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / А. Гринфилд. – Москва, 2018. – 424 с.; Деланда, М. Война в эпоху разумных машин / М. Деланда. – Екатеринбург: Кабинетный ученый; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 338 с.
11. Pasquale, F. The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information / F. Pasquale. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.
12. Баранов, П.П. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и перспективы / П.П. Баранов, А.Ю. Мамычев // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 3 (30). – С. 357–361.
13. Шамаю, Г. Теория дрона / Г. Шамаю. – Москва: Ад Мааргинем Пресс, 2020. – 280 с.
14. Срничек, Н. Капитализм платформ / Н. Срничек. – Москва: Высшая школа экономики, 2019. – 128 с.

1.2. Дигитализация гуманитарных стратегий государственной власти

**Мордовцев Андрей Юрьевич
Мордовцева Татьяна Васильевна**

Трансформация жизни человека и общества, государств и мировой экономики в условиях длительной пандемии 2020 года привела к осознанию острой необходимости в дигитализации большей части сфер жизнедеятельности людей в условиях вынужденной изоляции и локализации непосредственных коммуникаций как единственного способа противостояния угрозам и рискам неконтролируемого распространения заболевания. Дигитализация в условиях изоляций становится альтернативной зоной реализации человеком своих общественных обязанностей, интересов, досуга, а также выступает пространством нового типа персонализации гражданственности по смоделированным государственной властью образцам предпочтительной формы поведения. Дальнейшие риски распространения пандемий в мире обуславливают поиск эффективных методов и методологий сбережения человеческого ресурса, оптимизации его полезной значимости в условиях перехода на цифровой (дигитальный) формат деятельности.

Данное исследование направлено на решение научной проблемы, связанной с преодолением методологической междисциплинарности цифровой гуманитаристики в сторону разработки философской методологии дигитализации гуманитарных стратегий, что выступает и главной гипотезой исследования. В качестве научного предположения выступает утверждение о том, что разработка философской методологии цифровой гуманитаристики позволит концептуализировать разрозненность, междисциплинарность знаний в этой области, обеспечить ее структурирование в системе философского знания и вывести на уровень научного базиса построения гуманитарных стратегий в обществе, в том числе, гуманитарных стратегий власти в условиях длительных пандемий.

Научная новизна исследования заключается в обосновании философской методологии сферы междисциплинарности дигитальных способов реализации гуманитарных стратегий государственной власти в условиях длительных пандемий, в разработке

дигитальных моделей персонализации гражданственности, стимулирования социальной активности граждан в условиях рисков и ограничений, вызванных изоляцией, как ответной модели реагирования на изменение привычных коммуникаций.

Если зарубежные исследования цифровой культуры [6; 9], дигитальных технологий в гуманитаристике имеют определенную академическую традицию изучения, начиная с 70-х гг. XX века, преимущественно со стороны научного экспертного сообщества, аналитиков, специалистов IT-сферы, то в России данное направление вошло в тренды фундаментальных исследований в последние пять-семь лет, а в свете контекстуального решения задач дигитализации гуманитарных стратегий в условиях пандемии, вообще еще не было публично заявлено.

К тому же, с распространением интернета, увеличением компьютерных мощностей, развитием электронной коммерции, «интернета вещей» и других областей человеческой жизни, сопровождающих «информационное общество» или «общество знания», повышается спрос на исследования в данном направлении, а также расширяются области применения цифровых гуманитарных наук. Если применение новых «цифровых» методов работы с текстовыми и визуальными данными уже не является существенной новацией [1; 2], то исследование методологии дигитальной гуманитаристики как технологии создания модели «человека» в соответствии с конкретной ситуацией, например, в условиях повышенного риска и угроз, изоляции и локализации контактов непосредственной коммуникации еще не имеет массовых научных разработок и поэтому является актуальным и новым.

Исследование дигитальных форм репрезентации гуманитаристики, включая все виды культурных практик, использующих язык SoftMedia: компьютерный дизайн, редактирование, создание баз данных (текстовых, библиотечных, онлайн-энциклопедий, средств коммуникации в виде чатов, мессенджеров, социальных сетей и др.), моделирование информации, цифровых социологических исследований, цифровых исследований этносов и народов и т.п. получило широкое распространение уже в конце XX века, а в настоящее время актуализировано в рамках направления Digital Humanities [8].

Интерес к точным методам в гуманитарных областях связан с появлением новых возможностей: доступностью электронных

текстов, развитием методов их автоматического анализа, новыми мощностями хранения и обработки информации, новыми инструментами работы с данными, что привело к созданию новой отрасли гуманитаристики – Digital Humanities в США и Британии еще в середине XX века. В крупных университетах США, Западной Европы, начиная с 1970-х годов создавались специальные центры и лаборатории, занимающиеся теорией и практикой т.н. «культурных софтов», понятийный статус которых одним из первых определил Лев Манович (Lev Manovich), профессор факультета визуальных искусств Калифорнийского университета в Сан-Диего. Автор впервые ввел в оборот понятие «Software Studies», позже перенес его в культурную среду («культурный софт»), тем самым уравнивая понятия «цифровая культура» и «современная культура». Помимо Л. Мановича значительный вклад в развитие Digital Humanities внесли такие исследователи, как Б. Браттон, Р. Китчин, М. Додж, М. Фуллер и др. [5; 7].

В 2016 году в нашей стране была создана Российская ассоциация цифровых гуманитарных наук (партнер Европейской ассоциации Digital Humanities), которая призвана объединить исследователей в этой сфере. Основные направления деятельности Ассоциации [10; 11; 14] ориентированы не только на работу с цифровыми данными и обслуживанием ресурсов гуманитаристики, но и с направлениями в области цифрового искусства, архитектуры, музыки, театра, образования. В России Digital Humanities Russia выросло из европейского международного сообщества. Его создание было инициировано Сибирским федеральным университетом, где специалисты цифровых гуманитарных наук [3; 4] проводят исследования с помощью средств цифровой коммуникации и работают с электронными данными. Они создают компьютерные приложения в литературоведении, лингвистике, культурологии, истории и в междисциплинарных отраслях знаний, развивают цифровое искусство (архитектуру, музыку, театр, цифровые игры в образовании и связанные с ними направления), занимаются созданием, обслуживанием и продвижением ресурсов в цифровых гуманитарных науках. Кроме того, они внедряют цифровые гуманитарные науки в образовательный процесс и открывают новые возможности, решая вопросы и трудности, возникающие при разработке и использовании новых «цифровых» методов работы с текстовыми и визуальными данными.

Специалисты цифровой гуманитаристики [12, 13] находят практическую реализацию в работе с электронными данными, например, путем создания компьютерных приложений в музееведении, литературоведении, лингвистике, культурологии, истории, развивают цифровое искусство (архитектуру, музыку, театр, цифровые игры в образовании и связанные с ними направления), занимаются созданием, обслуживанием и продвижением ресурсов в цифровых гуманитарных науках.

Цифровые каналы кодирования социально и культурно-значимого знания, обеспечивающие обработку, трансляцию, хранение культурного опыта, осуществляющие перевод культурного артефакта в «цифру», не достаточны для институционального закрепления гуманитарных стратегий государственной власти, стремящейся использовать цифровизацию для укрепления национальной целостности, сохранения этнокультурной самобытности народов, обеспечения конституционных прав и свобод граждан, гармонизации общественных и государственных интересов, а также в целях координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и их взаимодействия с институтами гражданского общества.

Цифровые гуманитарные науки представляют собой взгляд на традиционно гуманитарные области сквозь призму цифровых технологий. Это направление исследований носит трансдисциплинарный характер и базируется на методологии традиционных гуманитарных наук, включая историю, философию, лингвистику, литературу, искусство, археологию, культуру, музыку, социальные науки, а также методологию и логику исследований естественного профиля, таких как информатика, статистика, компьютерный анализ, машинное обучение. Однако, масштабность трансдисциплинарного предмета цифровой гуманитаристики затрудняет выявление адекватной ее методам и проблемам изучения единой методологии: не методологий отдельных наук и практик, включая искусственные языки и цифровые аналоговые разработки, а собственной системы методов, способов и стратегий исследований, направленных на достижение цели – получение теоретического «образца» о дигитальном «теле» гуманитарного знания.

Таким образом, методология оснований цифровой гуманитаристики может служить базисом разработки дигитализации гуманитарных стратегий в различных сферах, в том числе, и на уровне государственной политики российской власти в условиях кризисов и рисков, вызванных длительными пандемиями. Очевидно, что поиск методологии цифровой гуманитаристики должен лежать в плоскости философии науки, философии социально-гуманитарного знания. С 70-х гг. XX века во всем мире идет бурный процесс цифровой экспансии, появление электронных аналогов всех господствующих социальных, экономических, политических, культурных структур, возникают электронные правительства и электронные государства, обеспечивающие мобильность движения информации, увеличения ее потоков, скорости обработки и объемов хранения. Тем не менее, наращивание цифровой «массы тела» цивилизации не обеспечивает сбережение человеческого ресурса, не способного противостоять кризисам, угрозам и вызовам извне. Современные государства сталкиваются с необходимостью совершенствования средств и методов дигитализации коммуникации с обществом, с отдельными гражданами и группами, представляющими свои интересы, в условиях массового риска безопасности жизни и здоровья.

Список литературы

1. Баева, Л.В. Электронная культура: к вопросу о методологических подходах / Л.В. Баева // История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей; под ред. и сост. И.Т. Касавина и др.: в 6 т. Т. 4. – Москва: Русское общество истории и философии науки, 2018.
2. Бородкин, Л.И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия / Л.И. Бородкин // Историческая информатика. – 2012. – № 1. – С. 14–21.
3. Володин, А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения / А.Ю. Володин // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2014. – № 3.
4. Володин, А.Ю. «Digital Humanities»: междисциплинарность в цифровую эпоху / А.Ю. Володин // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: материалы XIV конференции АИК. – 2014. – № 42. – С. 14–16.

5. Галкин, Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей / Д.В. Галкин // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 11–16.
6. Гир, Ч. Цифровая контркультура / Ч. Гир; пер. с англ. Д.В. Галкина // Гуманитарная информатика. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 1. – С. 27–45.
7. Журавлева, Е.Ю. Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде / Е.Ю. Журавлева // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 91–98.
8. Лаптева, М.А. Digital Humanities в России: перспективы развития / М.А. Лаптева, Е.А. Гордеева // Прикладная информатика. – 2018. – №1 (73).
9. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло; пер. с англ.; под ред. С. Гавриленко. – Москва: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. – 352 с.
10. Макулин, А.В. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия / А.В. Макулин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 3. – С. 76–86.
11. Михайлова, Е.В. Дигитализация коммуникации государства и общества в современном мире / Е.В. Михайлова // Материалы 8-й Всероссийской научно-практической конференции «Государство, власть, управление и право: история и современность» (Москва, 8 декабря 2017 г.). – Москва, 2017. – С. 118–120.
12. Можаяева, Г.В. Гуманитарные науки в эпоху цифровых технологий: от отраслевой информатики к Digital Humanities / Г.В. Можаяева // Открытое и дистанционное образование. – 2013. – №. 3(51). – С. 10–16.
13. Таллер, М. Дискуссии вокруг «Digital Humanities» / М. Таллер // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2012. – № 1. – С. 5–13.
14. Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. – Пермь, 2017.

1.3. Диффрвизация государственного управления и бюрократизация системы: теоретико-правовой аспект*

Кравченко Артур Георгиевич

Задача перевода в цифровой формат системы государственного управления в России впервые концептуально была сформулирована Президентом РФ и отражена в Постановлении Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)». При этом исследования сущностных изменений, осуществляемых в рамках правовой политики российского государства, показывают реализацию двух ключевых подходов в этом процессе. Во-первых, это аналоговый перевод в цифру существующих механизмов государственного управления, которое своей целью ставит исключительно механическое сокращение административных издержек, в том числе за счет доступности в цифровом формате автоматизации административной работы посредством внедрения специальных программных решений, введение электронного документооборота [1] для его ускорения (документированной информации) через создание системы межведомственного взаимодействия [2]; тотализацию государственного контроля через использование специализированных программных и аппаратных комплексов, в том числе электронной фиксации юридически значимых действий госслужащих и граждан; перенос все тех же неизменных механизмов взаимодействия власти и общества в сеть Интернет. В этом смысле административная правовая политика не изменилась сколь ни будь принципиально. Более того, электронный формат в значительной степени усилил негативные формы бюрократизации правоприменения, а также породил новые формы злоупотребления властью (произвольное изменение цифровых документов, нарушения прав граждан на коммуникацию, бюро-

---

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты диффрвизации права и правового регулирования».*

кратизация применения права, приводящая к блокировке компенсаторных механизмов, сглаживающих иррациональные управленческие решения и т.п.). Так, не всегда эффективность юридических санкций благотворно влияет на развитие общества и государства. К примеру, видеофиксация нарушений правил дорожного движения снимает с повестки дня исполнительной власти вопросы реализации концепции smart-регулирования дорожного движения. Между тем, реализация ряда инноваций в инфраструктуре дорожного движения, технически снимает ряд административных правонарушений, делая их не реализуемыми участниками движения, а само дорожное движение объективно более безопасным. Например, выезд на встречную полосу движения исключается разделительными отбойниками, нарушения приоритета движения пешехода, разведением движения транспортного потока и пешеходов по уровням, исключая их физическое пересечение и т.п. Возросшая в этой связи эффективность административных санкций, конечно, понимает аварийность на дорогах, но одновременно повышает финансовую нагрузку на общество, снижает мотивацию государственной власти к созданию более умной организации движения автотранспорта. В предпринимательской сфере данный эффект имеет еще более ощутимые негативные последствия, сопряженные с иммиграцией инвестиций и бизнеса, прежде всего, входящего в экстерриториальный сектор цифровой экономики. В этом смысле эффективность права не может исключительно приравниваться к эффективности негативных санкций. Ключевым здесь является позитивный регуляторный эффект воздействия на общественные отношения, что не обеспечивается простой конвертацией власти в цифровой формат.

Таким образом, очевидно, что механистический подход к оцифровке существующей системы власти-отношений дает обратный, сверхнегативный эффект, снижая экономическую, социальную, политическую эффективность государственной власти, порождая эффекты цифрового тоталитарного государства [3].

Во-вторых, проходящая административная реформа отразила черты парадигмальных изменений в правовой политике России, очертив перспективы позитивных сдвигов в системе государственного управления за счет цифрового формата. Так,

концепция сервисного государства, ставшая основой развития государственных и муниципальных услуг [4], воплощенная в системе публичных электронных сервисов, объединенных на портале госуслуг стала примером парадигмального сдвига, выразившегося в переворачивании системы отношений, государственный служащий – гражданин. Будучи реализованной по концепции сервисного государства, система публичных электронных сервисов «госуслуги» на первое место вывела гражданина как субъекта, требующего и контролирующего госслужащего, задействованного в оказании таких услуг. Пожалуй, в истории России впервые чиновник оказался в ситуации не лица, наделенного особыми привилегиями «качать и миловать», а просто техническим служащим (нанятым менеджером), работа которого стала его публичной обязанностью, а не полномочием. Этот крайне важный момент, предопределенный достаточно сложной кропотливой работой как на законодательном уровне, так и уровне административного управления, программных решений, стал приводить к эффекту реально возрастающей эффективности исполнительной власти России во взаимодействии с гражданами. При этом стоит отметить, что, оценивая историческую ретроспективу становления концепта «государственных услуг», можно было наблюдать несистемную борьбу отечественной бюрократии с сервисным государством, которая выражалась в различных формах возведения административных барьеров для потребителя услуг. Тем не менее, законодатель, последовательно реализуя сервисную концепцию, корректировал административные регламенты, поэтапно устраняя бюрократический произвол. Так, Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» был введен стандарт «одного окна», стандарт времени ожидания в очереди. Административные регламенты стали четко определять сроки оказания услуг, конкретный необходимый и исчерпывающий перечень документов, необходимых для оказания услуг, основания отказа в предоставлении госуслуг и т.п. стандарты оказания государственных и муниципальных услуг. Наконец, начал реализовываться принцип обратной связи (социальных оценок качества предоставленной госуслуги), появилась практика админи-

стративного реагирования на низкий уровень эффективности ведомств связанная с оценками общества, а не искажаемой ведомствами статистической отчетностью. В настоящее время сформирован целый ряд направлений в правовой политике России, направленный на развитие концептуально новых цифровых форматов. Так, в рамках парадигмы smart government идет развитие форм электронных коммуникаций государственной власти, бизнеса, общества, граждан, что требует соответствующей правовой регламентации как компетентностным характеристикам госслужащих, так и стандартам публичного взаимодействия с гражданами [5]. Продолжается расширение электронных форматов оказания государственных и муниципальных услуг в контексте протекающей пандемии COVID19 [6].

Вероятно, что сегодня назревает виток новых парадигмальных изменений, актуализированный мировым экономическим кризисом и пандемией COVID19. Между тем, правовая политика России испытывает неоднозначные воздействия со стороны государственного аппарата и лобби. Так, инициированные инновации Минэкономразвития России в законопроекте по изменению Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в 2018 году [7] так и не был принят. Между тем законопроект содержал такие прогрессивные нововведения, как автоисполнение обращений граждан, экстерриториальный принцип оказания государственных услуг, вовлечение МФЦ в системы государственного контроля по оценке качества предоставления государственных и муниципальных услуг, введение стандартов машиночитаемых документов, реализация принципа «проактивности», т.е. инициативной генерации системой оказания государственных услуг при наступлении юридически значимого события пакета документов на представление госуслуги и уведомление об этом гражданина. То есть фактически речь шла о реализации ранее малоэффективного принципа ротации бюрократических кадров посредством электронной среды, минимизации участия человеческого фактора в очевидных юридически значимых действиях.

Не менее интересным представляются и обозримые горизонты развития системы государственного управления и право-

вого регулирования в принципиально новом ключе. Так, оптимизация бюджетных издержек диктует наращивание автоматизации и роботизации не только в системе правоприменения, но и законодательстве. Конечно, подобные инновации требуют тщательного взвешенного подхода, детальной проработки повествующих правовых и инфраструктурных элементов административной реформы. Например, реализация концепции машиноисполняемого права упирается в ограничение механистичности цифровых алгоритмов [8], что создает определенные риски цифровой формы бюрократизации права, не говоря уже о необходимости политического контроля законодателем таких программных решений [9]. С другой стороны, отказ от пересмотра парадигмы государственной власти и правового регулирования просто оставляет Россию на периферии экономических отношений, увеличивает технологический и экономический разрыв с геополитическими конкурентами, обостряет политическую повестку российского общества.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 06.09.2012 № 890 (ред. от 21.07.2014) «О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166316&dst=1000000001&date=12.10.2020>

2. Постановление Правительства РФ от 28.12.2011 № 1184 (ред. от 21.08.2020) «О мерах по обеспечению перехода федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, наделенных соответствующими федеральными законами полномочиями по предоставлению государственных услуг, и органов государственных внебюджетных фондов на межведомственное информационное взаимодействие в электронном виде». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=360658&dst=1000000001&date=12.10.2020>

3. См.: Крайнов, А.Л. Цифровой тоталитаризм как следствие развития информационного общества / А.Л. Крайнов // Философия и культура информационного общества: тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – 2019. – С. 74–76.; Проскурина, Д.С. Бюрократический сегмент государствен-

ного управления в эпоху цифровизации: инструмент построения правовой государственности или путь к авторитаризму? / Д.С. Проскура, М.И. Хохлова, Н.И. Сафин // Современный ученый. – 2020. – № 4. – С. 285–291.

4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=358856&dst=1000000001&date=12.10.2020>

5. Днепровская, Н.В. Цифровая трансформация взаимодействия органов государственной власти и граждан / Н.В. Днепровская // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 67. – С. 96–110.

6. Путин поручил к 2023 году перевести в электронный формат социально значимые госуслуги. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9705537>

7. Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»» (ID проекта 01/05/06-18/00081301). – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=81301>

8. Понкин, И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в регтехе, содержание, онтология и перспективы / И.В. Понкин // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Т. 8, № 9. – С. 59–69.

9. Micheler, Eva and Whaley, Anna, Regulatory Technology – Replacing Law with Computer Code (July 9, 2018). LSE Legal Studies Working Paper № 14/2018, Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3210962>

1.4. Цифровизация и трансформация общественно-политических отношений: взаимосвязь и взаимовлияние*

Берман Алиса Михайловна

Научно-технический прогресс, проявляющийся, в том числе, в стремительном развитии информационно-коммуникационных технологий и повсеместной цифровизации, становится катализатором социальной трансформации не только отдельных сфер жизни социума (производство, бизнес, наука, социальная сфера, повседневная жизнь граждан и т.д.), но и общественно-политических отношений в целом. В большей степени влияние цифровизации проявляется в экономической сфере – формирование и развитие цифровой экономики сегодня является одной из приоритетных, стратегически значимых задач многих государств. Однако развитие цифровых технологий оказывает трансформационный эффект и на другие социальные процессы: образование, право, оборонно-промышленный комплекс, здравоохранение, политические отношения и др.

Отдельные аспекты влияния цифровизации на социальную трансформацию (например, цифровая экономика, информационное общество, кибербезопасность, большие данные, искусственный интеллект и т.д.) становятся объектом внимания большого количества отечественных и зарубежных исследователей (А.Ю. Мамычев [1], Г.Г. Шинкарецкая [10], А.В. Минбалеев [7], Ю.А. Ковальчук [3], Д. Лион [12], В.М. Гудзон [11], А. Майреде [13] и др.). С опорой на результаты данных исследований становится возможным проведение анализа, с целью комплексного изучения взаимосвязи и взаимовлияния цифровизации и трансформации общественно-политических отношений.

Первостепенно для достижения данной цели представляется необходимым обозначить дефиницию краеугольного термина в данной области – «цифровизация». Считается, что впервые термин «цифровизация» получил свое развитие в 1995 году в работе американского информатика из Массачусетского университета

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31760

Николаса Негропонте «Being Digital» и использовался в контексте цифровой экономики [5, с. 8], трактуемый как перевод в информационную форму (отражение в битах) всего многообразия материального мира (существующего в атомах) [14]. Однако de facto процессы цифровизации начали свое становление еще задолго до указанной даты [4, с. 7–8].

Вместе с тем на сегодняшний день в научном сообществе все еще отсутствует единая позиция по вопросу того, какое значение следует вкладывать в термин «цифровизация». Существует множество подходов к определению данного термина, которые варьируются в зависимости от его понимания в узком или широком смысле: 1) изменение технологического уклада, в первую очередь в электронике и информационной сфере, заключающееся в поэтапном отказе от аналоговых приборов и переходе к цифровым; 2) повсеместное внедрение компьютерной техники, компьютеризация производственных и общественных процессов; 3) ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий, влекущее перемены в организации информационной сферы общества [6, с. 13]; 4) преобразование информации в цифровую форму, способствующее снижению издержек, появлению новых производственных возможностей и т.д.; 5) переход к цифровой информации всех сторон экономической и социальной жизни как катализатор мирового общественного развития, обеспечивающий повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни [9, с. 47].

Из приведенных определений можно сделать вывод о том, что цифровизация является комплексным явлением, базирующимся на повсеместном внедрении, использовании и развитии цифровых технологий. Как и любое явление, цифровизация может иметь как положительный (формирование новых социальных связей), так и отрицательный (разрушение устоявшихся социальных связей) эффект на трансформацию отдельных общественно-политических институтов.

Если более подробно остановиться на положительных эффектах влияния цифровизации на общественно-политические отношения, то к данной категории можно отнести следующие последствия: улучшение качества жизни людей (за счет обеспечения доступности товаров и услуг, необходимых для удовлетворения потребностей людей); повышение доходности, эффективности и конкурентоспособности деятельности (за счет формирова-

ния новых производственных моделей); рост производительности общественного труда (за счет его повышения на уровне отдельных производств); повышение уровня благосостояния общества (что в большей степени характерно для развитых стран [2, с. 1050]) и др.

К негативным эффектам влияния цифровизации на уровне всего общества (потенциально способным нанести вред национальной безопасности всего государства) относятся следующие риски и вызовы (часть из которых в отношении российского общества обозначена в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [8]): сложность обеспечения прав человека в цифровом мире (в том числе, посредством защиты цифровых данных пользователей); низкий уровень доверия части граждан к постоянно развивающимся цифровым технологиям (из-за низкого уровня цифровой грамотности населения и большой разницы в уровне доступа к цифровым технологиям); рост масштабов киберпреступности и др.

Однако в большинстве случаев процессы цифровизации оказывают двойственный эффект, сочетая в себе как положительные, так и отрицательные последствия. Наглядным примером может служить цифровизация в области рынка труда. Так, технологические революции свидетельствуют о том, что, с одной стороны, исторически их негативным эффектом было зачастую не только сокращение рабочих мест, но и даже полное исчезновение ряда профессий (например, ледоруб, писарь, плотогон, оператор-коммуникатор, путеукладчик и др.); с другой – внедрение новых технологий приводило к повышению производительности и безопасности труда.

Обозначенные последствия цифровизации свидетельствуют о влиянии цифровизации на трансформацию общественно-политических отношений, однако и сама трансформация общественно-политических отношений оказывает непосредственное влияние на цифровизацию. Этот процесс отличается линейностью и закономерностью – трансформация общественно-политических отношений становится фактором, являющимся предпосылкой развития цифровых технологий.

В контексте предпосылок цифровизации ключевым фактором является повсеместное усиление процессов глобализации. При этом глобализация одновременно выступает как причиной, так и следствием в контексте взаимосвязи и взаимовлияния цифро-

визации и трансформации общественно-политических отношений. Глобализация – многофакторное явление, затрагивающее одновременно многие сферы общественной жизни: экономическую – создание единого экономического пространства, стирающего границы национальных экономик; политическую – усиление политической интеграции посредством кооперации в рамках международных интеграционных объединений; социально-культурную – сближение деловой и потребительской культуры населения различных государств и рост международного общения и др. Под влиянием глобализации формирование единого мирового рынка и единого информационного пространства, высокий уровень миграции населения и урбанизация, необходимость защиты внешнеполитических интересов государства, его суверенитета и целостности социума стали толчком к массовому распространению во всех сферах общественной жизни новых технологий галопирующими темпами.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что процессы цифровизации и трансформации общественно-политических отношений непосредственно связаны между собой и находятся под постоянным двусторонним влиянием. Основным следствием цифровизации является формирование новых социальных связей, приходящих на смену традиционным устоям в различных сферах жизни государства и общества. Вместе с тем, существует множество факторов, которые также приводят к подобным трансформациям (например, процессы глобализации), тем самым становясь предпосылкой распространения процессов в области цифровизации на новые общественные институты и отношения, так как в XXI веке жизнь не только отдельного человека, но и всего общества в целом без цифровых технологий уже не представляется возможной.

Список литературы

1. Баранов, П.П. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры / П.П. Баранов, А.Ю. Мамычев // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. № 1 (30).
2. Зверева, А.А. Влияние цифровизации экономики на благосостояние в развитых и развивающихся странах / А.А. Зверева, Ж.С. Беляева, К. Сохаг // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, Вып. 4.

3. Ковальчук, Ю.А. Цифровая экономика: трансформация промышленных предприятий / Ю.А. Ковальчук, И.М. Степнов // Инновации в менеджменте. – 2017. – № 1 (11).
4. Козырев, А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе / А.Н. Козырев // Цифровая экономика. – 2018. – № 1 (1).
5. Коньков, А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации / А.Е. Коньков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 6.
6. Кузнецов, Н.В. Трансформация общественного взаимодействия в условиях цифровизации / Н.В. Кузнецов // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 3 (133).
7. Минбалеев, А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений / А.В. Минбалеев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 12 (64).
8. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/all/112831/>
9. Халин, В.Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10 (118).
10. Шинкарецькая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. – 2019. – № 8.
11. Hudson V.M. (2019) Artificial Intelligence and International Politics, New York: Routledge.
12. Lyon, D. (2017) Digital Citizenship and Surveillance| Surveillance Culture: Engagement, Exposure, and Ethics in Digital Modernity. International Journal of Communication, 11.
13. Maireder, A. (2017) Big Data and Political Social Networks: Introducing Audience Diversity and Communication Connector Bridging Measures in Social Network Theory / Maireder A, Weeks B.E., Gil de Zuniga H., Schlögl S. Social Science Computer Review. – 2017. – № 35 (1).
14. Negroponte, N. (1995) Being Digital / N. Negroponte. – NY: Knopf, 1995.

1.5. Искусственный интеллект в современных военно-политических и социокультурных процессах: проблема национальной безопасности России*

Беспалова Татьяна Викторовна

История человечества – это во многом история войн. Можно проследить отражение вооруженных конфликтов и войн в мифологии, религии, философии и науке и выявить определенные закономерности во взаимосвязи военно-политической событийности с концепциями и теориями войны и мира, объясняющими историческую реальность. Отражение первых вооруженных конфликтов в мифологии различных народов и культур приобретает самые различные формы, например, в славянской мифологии не случаен образ Змея, олицетворяющий степняков-кочевников (легенда о кузнецах-змееборцах), тогда как в греческой мифологии более структурированной можно найти сюжеты военного противоборства, причины войн, зависимость исхода войны от воли богов (зависть богов у Гомера и справедливость богов у Гесиода). Независимо от культуры, общими являются законы ведения войны – бог, традиции/обычаи и сама действительность.

Переплетение мифологических, религиозных, философских и иных интерпретаций военной истории представляет собой богатейший материал для анализа не только сущностных черт войны, но и обозначенной выше взаимосвязи истории войн с философией войны и мира, что позволяет анализировать, например, использование теории справедливой войны для декларативного обоснования крестовых походов или дать ответ на вопрос, почему теория вечного мира Канта была создана именно в это время.

Классическое понимание войны, безусловно, основанное на античных представлениях, чаще всего связывают с именем К. Клаузевица, обозначившего половинчатость, внутреннюю противоречивость, тринитарный характер войны. Война является продолжением политики, выступает одной из форм политического

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31760

взаимодействия, в котором применяются «снаряды и пули, а не слова и жесты».

Война как один из самых подражательных видов человеческой деятельности, культурно и религиозно обусловлена. В русской философии особенно сложно обозначена сущность войны – «озверение и потеря человеческого облика... и великой любви, преломлённой во тьме» (Н.Бердяев), мистическое понимание оборонительной войны связывается с духовным пробуждением народа и духовной правдой. Одухотворение войны (при безусловном предпочтении мира) становится политической и нравственной максимой в любое время, чтобы кровопролитие не превращалось в массовое убийство.

Современное понимание войны стало возможным после осмысления целого ряда понятий: «кошмарная война», «информационная война», «абсолютная война», «террористическая война», «война как самоцель», «война без причины», «бессмысленность войны с заранее известным исходом», «война как поражение цели», «война как политическая акция», «кибервойна», «конфликты низкой интенсивности» и многих других. В эпоху ядерной эры сущностные признаки войны изменились, так как любая война между ядерными державами может стать последней в истории человечества. Однако человечество не остановилось.

2020 год – год 75-летия Великой Победы был объявлен годом Памяти и Славы и обещал стать незабываемым в мировой и отечественной истории по политической значимости и масштабу празднования. Но все пошло совершенно иначе. Два главных праздника России – Пасха и День Победы, отражающие христианский и советский смысл национального бытия, в привычных формах празднования выпали из желаемой реальности по причине новой политической угрозы, получившей в научной среде различные названия «психотерроризм», «3-я Мировая психическая», «вирусно-психически-информационный удар» (В. Лепехин) и другие. Независимо от названия, абстрагируясь от конспирологических теорий, аналитики сходились в главном тезисе – существует сила, запустившая и направляющая не только коронавирус, но также массовый психоз и политические акции вокруг его распространения. В чем же смысл происходящего?

Чем ближе приближался юбилей Победы, а также 75-летие ООН, тем чаще стала звучать риторика о возможном использова-

нии ядерного оружия, а предложения России к странам НАТО, прежде всего, о моратории развертывания ракет малой и средней дальности не получили поддержки. Мир в очередной раз оказался на пороге опасной черты – «конфликт цивилизаций» versus «диалог цивилизаций» (С. Хантингтон, А. Панарин), причем в первом случае с учетом разработки новейших типов оружия могла состояться последняя война в истории человечества.

Проблема войны и мира достаточно ярко представлена в мировой и отечественной культуре (живопись, кинематограф, литература и др.). Например в Казани в музее К. Васильева находится картина под названием «Ядерный взрыв» – это наложение изображения распятого Христа и ядерного облака. Хочется напомнить надпись на картине русского художника В.В. Верещагина «Посвящается всем великим завоевателям – прошедшим, настоящим и будущим»... Это тема отдельного разговора.

Человечество вступило в новую эру, насколько вечные архетипические смыслы сохраняют себя сейчас? Какую роль может сыграть искусственный интеллект в освоении новой военно-политической реальности и почему ответственность человека возрастает в XXI веке еще больше?

Искусственный интеллект как комплекс технологических решений. Новые типы войн, расширение неравенства и несправедливости в обществе, экологические угрозы, онтологическое противоречие между человеком и искусственным интеллектом с невероятной силой актуализировали вопрос о месте человека в современном мире и его ценностном предназначении, способности человечества солидарно выступить против любых обших угроз в отношении человечества.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года искусственный интеллект определяется как **«комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека** (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке

данных и поиску решений». Далее в пункте 9 этого же документа речь идет о потенциальной возможности создания сильного робота и совершенно правомерно обозначаются последствия – «создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, **способного, подобно человеку**, решать различные задачи, **мыслить**, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой, решение которой находится на пересечении различных сфер научного знания – естественно-научной, технической и социально-гуманитарной. **Решение этой проблемы может привести не только к позитивным изменениям в ключевых сферах жизнедеятельности, но и к негативным последствиям**, вызванным социальными и технологическими изменениями, которые сопутствуют развитию технологий искусственного интеллекта». На наш взгляд, в данном определении ошибкой является само допущение *о создании сильного робота, способного подобно человеку мыслить*, тогда как выше речь шла лишь о комплексе технологических решений, позволяющих имитировать когнитивную деятельность человека.

ИИ («умный робот») не является субъектом права, актантом, это объект правоотношений.

Смыслообразующие функции экологического мировоззрения, которое оказалось востребованным в 2020 году, связаны с проблемой выживания человечества, продолжением рода, сохранением основных признаков биологического вида человека, сопротивлением искусственной среде (существуют прогнозы о возможной быстрой искусственной эволюции человека, жизнь которого подчинена процессам электронизации). По одной из версий, именно планетарная антропогенная катастрофа заставила человека устраситься самого себя, так как он оказался слишком близок к самоуничтожению.

Преодоление человеком «постчеловеческого» в самом себе является первостепенной задачей не только экологического, но и политического мировоззрения. Необходимо выстраивать новые отношения: человек-Бог; человек-человек; человек-природа; человек – искусственный интеллект. В последнем случае не следует забывать, что роботизированные системы – это не продолжение человека, а технология, которая просто позволяет решать недоступные человеку задачи.

Пределы адаптации человека к экологическому кризису об-нажают множество проблем, связанных не только с сохранением природных ресурсов, их бережным использованием, но и с новыми экологическими и биологическими угрозами. В основе экологического кризиса – проблема адаптации человека к новым экологическим вызовам, человек перестал ощущать пределы трансформации природы, не исключив из неё и себя. Речь идёт о научных исследованиях стволовых клеток, геной инженерии, проблеме клонирования человека, суррогатном материнстве и других научных исследованиях. Возникает закономерный вопрос: можем ли мы определить фиксированные свойства человека как биологического вида и социального организма и сохранить их или мы готовы к клонированию человека, созданию нового вида живых организмов и новой экологической этики?

Интересным сюжетом может быть ответ природы на проявление абсолютной свободы человека и его участие в процессах активного деструктивного воздействия на неё. Для природы человек – слишком ничтожная сила, всего лишь биологический вид, силы природы мощнее и могут уничтожить человека не только природной стихией, но скорее через самоуничтожение, если человек не сможет выстроить новые гармоничные отношения с природой и с самим собой.

Противоречивыми являются предложения по решению острых экологических проблем, но, на наш взгляд, интересна позиция В. Хёсле, который считает, что экологический кризис может выступить в роли общего «врага» для всего человечества, но не исключает возможности того, что именно поиск разнообразных способов выхода из экологического кризиса, столкновение противоречивых интересов послужат причинами новых войн. Мы как раз наблюдали, насколько различными были стратегии противодействия общей угрозе – китайская, американская, итальянская, российская, белорусская, японская и пр. Именно эта угроза, возможно, позволит решить задачи более высокого плана, связанные с очередным переустройством мира, и от того, на каких позициях выступит сейчас Россия, зависит многое. Очевидно, успех в цифровой сфере необходим для сохранения статуса сверхдержавы, но как существуют этические пределы цифровизации, так есть и пределы ограничения использования ИИ в во-

енно-политической сфере, связанные с политическими и антропологическими рисками.

Риски использования искусственного интеллекта в военно-политической сфере:

– *потеря контроля над ИИ* (фильм «Подарок» Грегга Маркса) американские спецслужбы разрабатывают систему для всеобщего слежения в целях безопасности граждан (безопасность, видеонаблюдение – свобода, тайна жизни). Сенат отвергает применение системы «Эшелон», и она берёт контроль в свои руки, но российские разведчики разрабатывают спецоперацию по отключению системы Эшелон, что, безусловно, удастся. Выбор между безопасностью граждан, требующий постоянного наблюдения и иных форм контроля и свободой, правом на частную жизнь, на тайну становится выбором без выбора. Потеря контроля над ИИ обостряет давно обозначенный вопрос: каковы этические пределы цифровизации?

– *проблема антропоморфизации роботов, доверия и взаимодействия с ними паритетного диалога* – не стоит забывать, что сфера образования, воспитания и просвещения не подвластна ИИ (это не рутинный процесс, а творческий), как и военно-политическая сфера, обусловленная культурой человека, не может быть передана в ведение ИИ даже частично.

Кажется, что ИИ лучше владеет ситуацией на основании большего объема информации и примет наиболее объективное решение (речь о сильных «умных» роботах), но кто знает, нужна ли человеку эта объективность, и может быть *право на ошибку*, которое пока еще есть у человека, будет полезнее и поменяет отношение человечества к войнам. Военный стратег, политик, государственный деятель могут *одним решением*, связанным с совершением невозможного, героического самопожертвования или напротив с применением лжи, хитрости, изменить ход военных действий, ИИ не в состоянии будет этого осуществить, так как не способен оценить, что по-настоящему ценно для человека, культуры, цивилизации, принимает решения на основе рационального.

Антропоморфизация роботов происходит только по желанию человека на основе романтических представлений о роботах в фантастической литературе, кинематографе и не является технической необходимостью для решения сложных задач;

– *использование боевых роботов в военных целях*. Сущность войны в нарушении законов ее ведения, за всю историю войн

человечества создавались различные сдерживающие войну рамки – Бог, традиции, обычаи, рыцарский кодекс, право, ядерное оружие как фактор сдерживания... но человечество постоянно ищет новые способы ведения войн, в том числе и в космической сфере. Неспособность роботов различать, например, кровопролитие от убийства или же вести войны в рамках «человеческого» понимания допустимого таит в себе грандиозную опасность для человека и может привести к возникновению войн нового типа, исход которых будут неподвластен человеку;

– *информационная безопасность* государства требует обязательного использования отечественных информационных платформ. Дискуссия вокруг создания Единого информационного реестра граждан России выявила спектр проблем, требующих оперативного решения, так как войны нового типа могут начинаться и заканчиваться за несколько секунд просто через захват стратегически важной информации, все зависит от способности отражать кибератаки и пр.

Предотвратить использование ИИ в военно-политических целях невозможно, особенно в условиях применения новых типов оружия (биологического, бактериологического и др.), опасного для человека. Киберпространство требует совершенно иного уровня специалистов, способных распознавать «слабости» в системе обороны противника, отражать опасные кибератаки, которые могут спровоцировать реальные военные действия. Захват основных стратегически важных систем противника будет считаться победой, что необходимо понимать для выстраивания необходимого уровня информационной защиты.

Очевидно, что прогресс не остановить, но хочется верить, что человечество осознает повышение степени ответственности за будущие поколения. Развитие ИИ должно быть полностью подчинено интересам России по обеспечению национальной безопасности, кибербезопасности и встроено в иерархию отечественных культурных ценностей.

1.6. Правовые морально-этические аспекты цифровизации правосудия

Гребнев Руслан Дмитриевич

Актуальность исследования правовых морально-этических аспектов цифровизации правосудия определяется целостным единством двух аспектов: во-первых, активными подвижками в судебном законодательстве, введением в 2019 г. обязательной «сквозной кассации» в системе судов общей юрисдикции, вплоть до пересмотра состава элементов системы правосудия в части введения в 2020 г. в текст Конституции Российской Федерации арбитражного судопроизводства, т.е. буквальное сближение понятий «судебный процесс» и «судопроизводство», а, во-вторых, реализация политико-правовой программы цифровизации общественных отношений в современной России, детерминированная вызовами новой реальности, возникшей вследствие глобальной эпидемии новой коронавирусной инфекции.

Научная новизна представленных нами научных выкладок определяется следующим. К функциям судебной власти наравне с правосудием нами предлагается отнести новую функцию, в соответствии с которой в условиях правовой неопределенности, в том числе вследствие опережающего процесс создания права развития общественных отношений в условиях цифровизации, в целях реализации конституционных гарантий на судебную защиту суды смогут выносить решения на основе толкования принципов права и «духа» закона. Совокупность таких судебных решений предлагается обобщать в специальных определениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Целью настоящей работы является проведение исследования правовых морально-этических основ судебной власти в контексте тенденций цифровизации правосудия.

Задачами, решение которых направлено на достижение поставленной цели являются следующие:

1) выявить риски для реализации правосудия, возникающие вследствие цифровизации общественных отношений в целом, и обосновать способы их минимизации;

2) выявить риски, возникающие в результате попыток обосновать необходимость абсолютной цифровизации правосудия, т.е. цифровизации всего судебного процесса от подачи заявления или иска в суд до вынесения судебного решения, вплоть до замены судьи на искусственный интеллект или платформу, в рамках алгоритмов которой осуществляется правосудие, и обосновать способы их минимизации.

Для решения поставленных задач нами были применены общенаучные и частно-научные методы научного познания, основными из которых при подготовке настоящего материала были синтез, индукция, формально-юридический и юридико-лингвистический методы.

В результате проведенного исследования нами получены следующие результаты, заявляемые как обладающие научной новизной. Нам представляется обоснованным говорить о необходимости уточнения границ разделения функций государственной власти, допустив судебную власть в процесс нормотворчества, не вступая в функциональную конкуренцию с законодательной властью, но дополняя ее как на этапе «предправа», так и на завершающей стадии нормотворчества, уточняя нормы права в процессе их судебного применения. В настоящей работе обосновано, что предлагаемая к введению в конституционное законодательство функция судебной власти по выработке судебной политики, включающей в себя формализованные в специальных определениях Конституционного Суда Российской Федерации, обобщающих судебные решения, вынесенные на основании толкования принципов права и «духа» закона, всех инстанций и всех звеньев судебной системы, может обеспечить реализацию гарантированного Конституцией права на судебную защиту в условиях правовой неопределенности, в том числе при опережающем процесс создания права развитии общественных отношений в условиях их цифровизации.

В настоящей работе сделан общий вывод о наличии отрицательной перспективы абсолютной цифровизации правосудия, т.е. цифровизации всего судебного процесса от подачи заявления или иска в суд до вынесения судебного решения, вплоть до замены судьи на искусственный интеллект или платформу, в рамках алгоритмов которой осуществляется правосудие.

Начиная с 2014 г., после, на наш взгляд, не вполне обоснованной ликвидации Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации в целях обеспечения единства судебного правоприменения норм административного и гражданского права двумя подсистемами судебной власти (судами общей и арбитражной юрисдикции соответственно) [1, с. 5], начался активный процесс преобразования судоустройства современной России, как с точки зрения институционального подхода к пониманию судоустройства в контексте судебной системы – совокупности судебных институтов, так и функционального подхода – в контексте системы правосудия – совокупности судопроизводств.

Вместе с тем развитие общественных отношений в период пандемии коронавирусной инфекции получил новый виток стремительного развития: появились и усложнились цифровые формы общественных отношений, в том числе новые формы купли-продажи, обращений в органы исполнительной власти, существенно преобразовались конституционно-правовые отношения в части вопросов государственного устройства и прав человека.

Именно в контексте прав человека на судебную защиту в совокупности с обязанностями государства обеспечить доступ граждан и юридических лиц к правосудию возникает актуальность исследования правовых морально-этических аспектов цифровизации правосудия.

Как известно, Конституцией Российской Федерации «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [2], это означает, что отказ в правосудии можно сравнить со смертным грехом или радикально отклоняющимся от нормального состояния судебной системы. В целях настоящего исследования предлагается понимать под правовыми морально-этическими аспектами цифровизации правосудия ту совокупность правовых норм (и их правоприменение), которые обеспечивают реализацию права каждого на судебную защиту или ставят под сомнение такую возможность. Таким образом, перед нами стоит задача ответить на вопрос, какие риски несет в себе процесс цифровизации правосудия в контексте обеспечения права на судебную защиту?

Сначала о рисках для реализации правосудия, возникающих вследствие цифровизации общественных отношений в целом.

В научной литературе распространено мнение о том, что правосудием следует считать «основную функцию судебной власти, осуществляемую ее органами – судами, судьями, наделяемыми соответствующими полномочиями в порядке, предусмотр-

ренном Конституцией РФ и ФКЗ РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3, с. 2271]. Иначе говоря, под правосудием принято понимать «суд, основанный на праве». Как известно, целью правового регулирования является внесение определенности в общественные отношения, а суд является официальным государственным правоприменителем. Возникает вопрос: что будет, если развитие права не будет успевать за развитием общественных отношений, и как это отразится на правосудии?

Безусловно, цифровизация общественных отношений – это неизбежная данность настоящего, логичный этап эволюции общественных отношений, отрицать или сопротивляться которому необоснованно. Однако стремительное развитие общественных отношений требует столь же стремительного развития права, более того, в контексте понятия правосудия как суда на основе права, перед законодателем стоит задача не только успевать в вопросах учреждения правовых норм за развитием общественных отношений, но и хоть на немного опережать этот процесс. В любом другом случае нам придется пересматривать функции судебной власти, в том числе природу правосудия.

Каким же образом судебная власть может ответить на риск отказа в правосудии, если право в условиях цифровизации общественных отношений будет развиваться медленнее, чем сами общественные отношения? В этом случае нам представляется обоснованным говорить о необходимости уточнения границ разделения функций государственной власти, допустив судебную власть в процесс нормотворчества, не вступая в функциональную конкуренцию с законодательной властью, но дополняя ее как на этапе «предправа», так и на завершающей стадии нормотворчества, уточняя нормы права в процессе их судебного применения.

Представляется, что судебная власть может быть более совершенным «архитектором» определенности общественных отношений, чем законодательная власть, поскольку именно в процессе разрешения споров выявляются дефекты в праве – пробелы и коллизии. Судья является «точкой входа в систему государственной власти» общественного запроса на совершенствование законодательства. В процессе практики разрешения споров формируются критерии истинности в части оценки качества права

как достаточного или недостаточного регулятора общественных отношений.

Признавая принцип разделения функций государственной власти как один из основополагающих принципов государственного устройства современной России, мы исключаем возможность становления классического прецедентного права в России, хотя некоторые признаки этого процесса мы наблюдаем в связи с внесением в процессуальные законы России возможности пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, на основании изменившейся судебной практики, что должно быть определено Верховным Судом Российской Федерации. Согласно нашей концепции, к функциям судебной власти наравне с правосудием следует отнести новую функцию, в соответствии с которой в условиях правовой неопределенности, в том числе вследствие опережающего процесс создания права развития общественных отношений в целях реализации конституционных гарантий на судебную защиту суды смогут выносить решения на основе толкования принципов права и «духа» закона.

Описанную нами функцию судебной власти в более ранних публикациях мы именовали «судебной политикой», поскольку, на наш взгляд, в термине «политика» прослеживается концептуальный подход к совершенствованию права. В то же время термин «политика» активно применяется в административном праве в отношении программ государственного управления, что может вносить некоторую путаницу в систему правовых знаний, в связи с чем мы считаем термин «судебная политика» неудачным, хотя более удачного аналога нам до сих пор найти не удалось.

Как бы мы ее ни назвали впоследствии, предусмотренная в конституционном законодательстве функция судебной власти по выработке судебной политики, включающей в себя формализованные в специальных определениях одного из высших судов, обобщающих судебные решения, вынесенные на основании толкования принципов права и «духа» закона, всех инстанций и всех звеньев судебной системы, – вот, что может обеспечить реализацию гарантированного Конституцией права на судебную защиту в условиях правовой неопределенности, в том числе при опережающем процесс создания права развитии общественных отношений в условиях их цифровизации.

Как бы смело с точки зрения доминирующих в современной правовой доктрине научных воззрений это ни звучало, на самом деле законодатель уже предусмотрел первый, но существенный шаг в сторону уточнения границ разделения функций государственной власти в части надления судебной власти некоторыми элементами нормотворчества. Речь о предусмотренных в законе возможностях применения судами аналогии права и аналогии закона, т.е. буквальное распространение норм права, регулирующих одни общественные отношения, на иные по аналогии, а также применения (через толкование) принципов права для вынесения судебных решений.

Теперь о рисках, возникающих вследствие попыток обосновать необходимость абсолютной цифровизации правосудия, т.е. цифровизации всего судебного процесса от подачи заявления или иска в суд до вынесения судебного решения, вплоть до замены судьи на искусственный интеллект или платформу, в рамках алгоритмов которой осуществляется правосудие.

Как известно, порядок отправления правосудия определяется не только процессуальными нормами, но и принципами, в развитие которых приняты указанные процессуальные нормы: это и описанный ранее принцип приоритетности права на судебную защиту, и принцип состязательности судебного процесса, и принцип презумпции невиновности, и многие прочие принципы.

Из совокупности всех принципов правосудия следует, что суд выносит свои решения не столько на основе права, сколько на оценке всех фактических обстоятельств дела, а эта оценка проводится на предмет соответствия или несоответствия общественных отношений нормам права. Это, в свою очередь, означает, что одна и та же норма права, применяемая судом, может определять совершенно разные последствия для спорящих сторон. Например, в соответствии со ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации каждый ребенок имеет право на совместное проживание со своими родителями [4], однако в результате применения указанной нормы семейного законодательства при оценке всех фактических обстоятельств дела в рамках рассмотрения спора между разведенными родителями об определении места жительства ребенка судом может быть вынесено решение о совместном проживании ребенка как с отцом, так и с матерью. Другими словами, вынесение судебного решения не поддается алгоритмизации, когда есть необходимость оценки фактических об-

стоятельств дела, как минимум, до тех пор, пока в мире не появится саморазвивающийся искусственный интеллект, способный не только действовать по заложенному алгоритму, но и давать оценочные суждения, сопоставимые с человеческим мышлением.

Следует понимать, что судебная деятельность имеет своей целью не только защиту и восстановление нарушенных прав, но и защиту законных интересов сторон. Мы можем предполагать, что оценку интересов человека возможно проводить путем многомерного комплексного анализа, например, на основании методов высшей математики и социологии, но говорить об этом наверняка мы не можем, поскольку такая возможность ранее никем научно обоснована не была. Из чего мы также делаем вывод о невозможности, по состоянию развития искусственного интеллекта на сегодняшний день, говорить об алгоритмизации оценки интересов спорящих сторон.

Еще представляется обоснованным утверждать, что алгоритмизации не поддается оценка смягчающих и отягчающих преступное деяние обстоятельств, предусмотренные уголовным законом, более того, нам не удастся предположить, как можно алгоритмизировать оценку возможности обеспечения достижения целей наказания, для реализации которой в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрен «люфт» строгости наказания в санкциях уголовно-правовых норм, которым характерно сочетание предлогов «от» и «до» в части определенного количества лет лишения свободы и не только.

На основании изложенного мы делаем вывод о том, что по состоянию на сегодняшний день алгоритмизация предусмотренных законом функций судьи и, следовательно, цифровизация всего цикла судопроизводства не представляются возможными, более того, замена указанных нами функций судьи на алгоритмы прямо угрожает качеству правосудия, что ничем не лучше отказа в правосудии.

Нашими коллегами уже обоснована возможность и необходимость цифровизации некоторых этапов судопроизводства: подача заявлений, исков, ходатайств, отводов, отзывов и прочего посредством электронного судопроизводства, участие сторон в судебных заседаниях в дистанционном формате и многое другое, что не вызывает у нас никаких возражений. Однако попытки обосновать возможность замены судьи на искусственный интеллект вызывает у нас возражения, основанные на правовых воз-

зрениях, что было обосновано нами ранее, так и возражения морально-этического характера.

Список литературы

1. Гребнев, Р.Д. К вопросу о судебной правотворчестве в контексте судоустройства Российской Федерации / Р.Д. Гребнев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 4. – С. 3–7.

2. Конституция Российской Федерации // СПС Консультант-Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1f1ca1e76ebdb70979b8aefe86b441f7cd9373e3/ (дата обращения: 31.10.2020).

3. Сухарев, А.Я. Российская юридическая энциклопедия / А.Я. Сухарев. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – С. 2271.

4. Семейный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/d97e3158b12d1907c420a43e1ce229d24956b2b9/ (дата обращения: 31.10.2020).

1.7. Планетарная парадигма мирового развития: проблемы и вызовы современности

Мамедов Интигам Байрам оглы

В 2020 году мир в очередной раз убедился в том, что устойчивое развитие цивилизации возможно лишь при развитии глобального политического мышления. Принцип «думать глобально, действовать локально»¹[1] не теряет своей актуальности в настоящее время и остается главным «рецептом» предотвращения кризиса мировой цивилизации.

Какие вызовы и угрозы стоят перед человечеством сегодня? Прежде всего, стоит говорить о глобальных социально-экономических проблемах, в разрешении которых международная система не может предъявить существенные результаты. Так, согласно статистике ООН все еще около 690 миллионов человек на планете голодают, 783 миллиона человек живут в условиях крайней нищеты, 57 миллионов детей не посещают школу, 47 миллионов детей в возрасте до пяти лет страдали от истощения или острого недоедания в 2019 году [2].

Кроме этого, продолжается обострение межцивилизационных ценностных конфликтов как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях. Это выражается в провокационных действиях по отношению к чуждым ценностям, в террористических атаках, распространении конфликтного дискурса, возрастании популярности негативных образов и стереотипов ко всему чуждому. Можно с уверенностью утверждать, что заданная ранее тенденция унификации образа жизни не обеспечила универсализацию ценностей.

Необходимо также отметить, что под угрозой находится глобальная безопасность. Эффективность ООН все чаще подвергается критике. В разных регионах периодически вспыхивают международные конфликты. Степень конфронтации США и России весьма высока. Так, Соединенные штаты в 2019 году вышли из Договора о ракетах средней и меньшей дальности, а спустя год – из Договора по открытому небу. В феврале 2021 года истекает Договор

---

¹ Принцип был выдвинут на конференции Всемирного общества исследователей будущего в 1980 г. Авторство идеи приписывают шотландскому биологу П. Геддесу.

о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, СНВ-III, а процесс согласования условий по его продлению не имеет особо оптимистичных перспектив. Кризис отношений США и России в области безопасности является угрозой для устойчивости и стабильности международной системы, деградация отношений двух стран способна в корне подорвать архитектуру глобальной безопасности.

Ряд негативных тенденций прослеживается и в сфере сохранения окружающей среды. Средняя температура на планете продолжает повышаться, растет объем выбросов углекислого газа, сокращается биологическое разнообразие, возрастает угроза опустынивания и уменьшения площадей пахотных земель и лесных угодий [3]. Принимаемые на глобальном уровне меры явно недостаточны.

Наконец, стоит сказать и о главном глобальном вызове человечеству на современном этапе. В лице пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 мир столкнулся с проблемой, касающейся абсолютно каждого. Системы здравоохранения развитых и развивающихся стран оказались не готовы противостоять новой угрозе: ни в сфере эпидемиологического контроля, ни в плане наличия достаточного количества медицинских работников, оборудования, коечных мест. По информации университета Джона Хопкинса (Балтимор, США) на 11 ноября 2020 года выявлено 51,510,231 случаев заражения коронавирусной инфекцией COVID-19. Умерло 1,273,055 человек [4]. Эти цифры лишают последних аргументов так называемых «ковид-диссидентов».

Почему же 2020 год можно считать переломным в осмыслении глобальных угроз? Почему даже в сравнении с периодом становления политической глобалистики и развития глобальных исследований в 1970–1980 гг. современный период, очевидцами которого мы стали, можно с уверенностью назвать критическим, своего рода точкой невозврата?

Главным основанием для подобных утверждений является отсутствие той отсрочки, которая была свойственна популярной ранее и сейчас концепции устойчивого развития. Необходимо отметить, что основная идея концепции, оформленной на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году в Рио-де-Жанейро (Бразилия), сегодня остается неизменной. Она была изложена в Программе «Повестка дня на XXI век» и заключается в необходимости развития, которое бы обеспечивало нуж-

ды человечества в текущий исторический период, но при этом не ставило под угрозу выживание будущих поколений и их способность удовлетворять свои потребности [5].

Иными словами, основная угроза все-таки рассматривалась авторами и сторонниками концепции в отдаленной перспективе. Современные же угрозы, напротив, напрямую связаны с человеком нынешнего времени. Формула устойчивого развития перестала быть актуальной, потому как вместо необходимости обеспечить выживание будущих поколений человечество вынуждено обеспечить свое выживание уже сейчас. Отсрочки, весьма неопределенно выраженной в виде упоминания «будущих поколений», больше нет. Более того, в фокусе обеспечения устойчивого развития уже не столько вопросы потребления человеком ресурсом, но скорее способность адекватно реагировать на не зависящие от самого человека угрозы. Это отличает угрозу пандемии от угрозы ядерной войны, где человек сам является источником опасности и способен сам же ее искоренить.

Вышеизложенным положениям присущ определенный алармизм, однако он оправдан и обусловлен тем кризисом системы глобального управления, результаты которого мы видим сегодня. Глобализация под неолиберальным флагом не привела человечество к процветанию, свободный рынок усугубил социально-экономическое неравенство, взаимозависимость в экономике не привела к отсутствию необходимости войны и военных конфликтов. Универсальные ценности оказались не достаточно универсальными и не везде прижились.

Автор знаменитого доклада Римскому клубу «Пределы роста» Деннис Медоуз еще в 2000 году предостерегал использование концепции устойчивого развития как заведомо недостижимого. Вместо этого, американский ученый предлагал разрабатывать концепцию «survival development» (развитие выживаемости) [8]. Эта идея имеет сторонников и в настоящее время [8]. Однако именно сейчас, когда человечество столкнулось со своей беспомощностью перед необходимостью своевременного принятия адекватных мер по снижению отрицательного эффекта от пандемии, отчетливо наблюдается необходимость смены идейного вектора развития человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Костин, А.И. Экополитология и глобалистика / А.И. Костин. – Москва: Аспект-Пресс, 2005.
2. Цели в области устойчивого развития // Официальный сайт Организации объединенных наций. – URL: <https://www.un.org/sustainable-development/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 11.11.2020).
3. Программа ООН по окружающей среде. Ежегодный доклад за 2019 год. // Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде. – URL: <https://www.unenvironment.org/annualreport/2019/index.php> (дата обращения: 11 ноября 2020).
4. Официальный сайт Центра исследований коронавирусной инфекции университета Джона Хопкинса. – URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 11 ноября 2020).
5. Повестка дня на XXI век. // Официальный сайт Организации объединенных наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 11 ноября 2020).
6. Berg, C. Sustainable Action: Overcoming the Barriers / C.Berg. – Routledge, 2019.
7. Harm Benson, Melinda, & Robin Kundis Craig. “The end of sustainability.” *Society and Natural Resources* 1(6) 2014:777–782 DOI: 10.1080/08941920.2014.901467.
8. Meadows, Dennis L. “Es ist zu spät für eine nachhaltige Entwicklung. Nun müssen wir für eine das Überleben sichernde Entwicklung kämpfen.” In *Zukunftsstreit*, Wilhelm Krull (ed.), 125–149. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2000.

1.8. Искусственный интеллект в юридической практике: проблемы внедрения и эксплуатации*

Матюк Юлия Сергеевна

На современном этапе общество характеризуется глобальной трансформацией социальных и экономических отношений, связанной с процессами цифровизации и роботизации. В настоящее время наблюдается всплеск интереса к развитию и широкому применению искусственного интеллекта в юридической практике. Он проникает в самые разные сферы применения права.

Для того чтобы рассмотреть различные варианты использования ИИ в рамках юридической деятельности, можно концептуально выделить три категории пользователей ИИ: «администраторы» права (те, кто создает и применяет закон, включая различных чиновников, таких как судьи, законодатели, должностные лица и представители правоохранительных органов); практикующие юристы (те, кто использует ИИ в юридической практике, в первую очередь адвокаты); и те, кто руководствуется законом (граждане, предприятия и организации, которые используют закон для достижения своих целей и деятельность которых регулируются законом). Рассмотрим применение технологий ИИ в деятельности выделенных групп субъектов.

ИИ в частной практике юристов

Исследователями рассматривались перспективы замещения юристов современными технологиями на примере деятельности по сбору доказательств для суда. В американском судебном процессе есть стадия судебного обнаружения (*discovery*), во время которой стороны представляют суду письменные доказательства в поддержку своей позиции, зачастую она сводится к получению и рассмотрению большого количества документов, переданных адвокатом противной стороны. Задача адвоката заключалась в проверке документов и определении вручную, имеет ли документ отношение к рассматриваемым правовым вопросам. Значительная часть судебных издержек связана именно с этой стадией.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации № НШ-2668.2020.6

В литературе приводится пример судебного спора 1978 г. с участием нескольких телекомпаний, в котором на изучение 6 млн документов стороны потратили более 2,2 млн долл. [3]. Благодаря достижениям в области искусственного интеллекта поиск и анализ документов для суда занимают гораздо меньше времени и обходятся на порядок дешевле. Например, позднее с помощью сервиса Blackstone Discovery на анализ 1,5 млн документов было потрачено менее 100 тыс. долл. Другими словами, даже без учета инфляции анализ документов с помощью искусственного интеллекта обошелся в 5,5 раза дешевле, чем аналогичный по содержанию труд юристов в предыдущем примере. Другой пример автоматизированного решения для сбора доказательств – сервис Clearwell, используя который юридическая фирма DLA Piper смогла меньше чем за 5 дней проанализировать 570 тыс. многостраничных документов и выбрать и представить в суд 3 070 документов, относящихся к судебному делу. Тем самым юристы уложились в установленный судом недельный срок, что при обычных методах анализа документов было бы абсолютно невозможно [7].

Еще одно интересное применение машинного обучения в юридической практике заключается в прогнозировании правовых результатов. Все чаще используются системы предиктивной аналитики для прогнозирования исхода дел, заинтересованные лица полагаются на данные, а не на интуицию, чтобы оценить свои шансы на победу в деле.

Американские ученые Д. Блэкман, Д.М. Катц и М. Боммари-то разработали программу, которая способна спрогнозировать решение Верховного суда США в семи из десяти случаев на основе заложенной в нее базы уже состоявшихся судебных решений с 1952 г. По оценкам исследователей, программа предугадывает решение с точностью до 75%, в то время как юристы – с точностью до 59,1%, хотя они более точны в предсказывании результатов голосования самих судей по конкретному делу [1].

Школа права Гарвардского университета оцифровала судебные дела с 1600-х годов и до наших дней. Создатели проекта не только выложили сами данные, но и дополнили их бесплатным API. С его помощью разработчики смогут создавать собственные продукты на базе судебных решений. Например, поисковые инструменты или чат-боты. Интересен пример компании Ravel Law.

Проект анализирует американские судебные прецеденты и, в отличие от многих других компаний, отталкивается от человека – судьи, а не от дела. Ravel Law структурирует все предыдущие процессы судьи и прослеживает скрытые закономерности его поведения. Таким образом, программа узнает, какие аргументы чаще всего влияют на судью, какая стилистика ведения процесса его раздражает, а какие прецеденты цитируются в его решениях чаще всего. Понимание этих аспектов позволяет адвокату быть более подготовленным на заседании, а клиенту – понимать, стоит ли вообще обращаться в суд [3].

Такое применение технологий находит поддержку не всегда. В 2019 году Парламент Франции внес поправки в закон о реформе правосудия, запрещающие использование аналитических данных о поведении судей. В законе сказано, что «никакие данные о судьях или секретарях суда с указанием их личных данных не могут быть повторно использованы для оценки, анализа и прогнозирования их реальной или предполагаемой профессиональной практики». За нарушение закона можно получить наказание до 5 лет тюрьмы.

Итак, юристы сегодня выполняют целый комплекс задач, начиная от весьма абстрактных и заканчивая рутинными и механическими. Современный ИИ с гораздо большей вероятностью сможет автоматизировать юридическую задачу только в том случае, если у него есть какая-то базовая структура или паттерн, который он может использовать. В отличие от этого, задачи, которые включают абстрактное мышление, решение нестандартных проблем, построение стратегии защиты, консультирование клиентов, эмоциональный интеллект человека, анализ политики, вряд ли будут подлежать автоматизации, учитывая пределы сегодняшней технологии ИИ.

ИИ, используемый в правоприменении и деятельности правоохранительных органов

Еще одна категория применения правовых технологий связана с использованием ИИ при правоприменении. В первую очередь это касается работы должностных лиц, использующих системы с технологиями искусственного интеллекта для принятия существенных правовых или политических решений. Примером этого является использование систем искусственного интеллекта

судьями при вынесении приговоров или освобождении под залог обвиняемых по уголовным делам.

В США активно используется технология Public Safety Assessment (PSA) [15], нацеленная на совершенствование системы досудебного правосудия. PSA использует девять критериев, чтобы предсказать вероятность новых правонарушений (арестов) или неявки в суд до вынесения приговора. Факторы включают в себя текущий возраст человека, предыдущие судимости, и предыдущие отказы предстать перед судом. PSA также может генерировать оценку, указывающую на повышенную вероятность ареста за новое насильственное преступление, в период предварительного производства.

Один из первых и самых популярных коммерческих инструментов оценки риска, который использовался при назначении наказания, называется Level of Service Inventory – Revised (LSI-R). Он извлекает информацию из опроса, содержащую широкий набор различных факторов, которые варьируются от криминальной истории до личностных моделей мышления и поведения. Эти данные используются для определения риска рецидива, а также для определения вариантов приговора. Инструмент был первоначально разработан для использования в реабилитации осужденных, но впоследствии он был адаптирован для использования при вынесении приговора. LSI-R и его адаптированные версии используются для облегчения вынесения приговоров в ряде штатов и юрисдикций США [15].

На примере США можно заметить, что судьи все чаще используют программные системы с ИИ, чтобы оценить риск повторного правонарушения подсудимого. При этом система не предписывает судебному должностному лицу освобождать или задерживать какое-либо лицо или определять какие-либо условия освобождения. Хотя судья и не связан этими автоматическими оценками риска, они часто влияют на решения судьи.

Другое важное направление использования ИИ – правоохранительная деятельность. Технологии искусственного интеллекта используются в основном в двух типах ситуаций. Первый тип связан с так называемой предиктивной охраной правопорядка. Это использование технологии машинного обучения для выявления закономерностей по данным о прошлых преступлениях, чтобы предсказать место и время будущих попыток совершения пре-

ступления. Правоохранительные органы могут использовать эти данные для распределения своих ресурсов наиболее эффективно.

Например, с 2014 г. в США и Великобритании применяется система прогнозирования преступлений PredPol. Система оснащает полицейские патрули электронными картами с мигающими красными квадратами, обозначающими места возможной противоправной активности. Специальные испытания, проводившиеся в течение почти двух лет в трех территориальных подразделениях полиции Лос-Анджелеса, доказали, что PredPol верно предугадывает в два раза больше мест преступлений, чем позволяют лучшие из существующих методик [4].

В Великобритании в 2017 г. применялась программа Harm Assessment Risk Tool. Суть работы программы заключалась в выборе между содержанием под стражей или применением альтернативных мер пресечения, основанном на алгоритме искусственного интеллекта. Тестирование показало: алгоритм мог предсказать, что задержанный не представляет опасности в 98% случаев, и верно определял находившихся в группе высокого риска в 88% случаев [14].

В России с 2016 г. тестируется система «Искусственный интеллект», разработанная «Объединенной приборостроительной корпорацией». Программа фиксирует нарушения на границах России с помощью инфракрасных датчиков, сейсмодатчиков, радиолокационных устройств с целью наработки базы данных для дальнейшего компьютерного анализа информации о нарушении границ, дистанционного контроля ситуации и прогнозирования опасностей [4].

Второй основной способ применения ИИ в деятельности правоохранительной системы – технологии распознавания (лиц, контекста, татуировок и т.д.). Системы сканируют толпы людей или пытаются идентифицировать подозреваемых путем сопоставления фото- или видеоданных с базами данных, которые уже содержат информацию тех, кто ранее совершал правонарушения или таким-либо образом контактировал с государственными или правоохранительными органами.

В США в 2014–2015 гг. был проведен эксперимент, связанный с обработкой суперкомпьютером потокового видео, поступающего от всей системы видеонаблюдения для уменьшения потребности в патрулировании городов полицейскими экипажами за счет

повышения ситуационной осведомленности о месте нахождения нарушителей. В результате увеличилось число задержаний нарушителей в течение первого полугодия эксперимента, но затем произошло ухудшение показателей по истечении года с момента его начала вследствие того, что преступники при совершении преступлений стали принимать во внимание возможность ухода от видеонаблюдения.

С 2014 г. используется программа распознавания по фрагментам татуировок. ИИ работает через использование вариантной графической базы в качестве фильтра при автоматическом распознавании образов в потоковом видео, поступающем с городских камер видеонаблюдения. В результате задержано 17 лиц, находившихся в розыске.

Там же с 2017 г. применяется платформа контекстного интеллекта Nigel. Программа создана для контекстного распознавания ситуации (например, родитель ведет собственного упирающегося ребенка или похититель украл ребенка). Результат работы платформы – экспертные советы правоохранителям, привязанные к уникальной конкретной обстановке.

В России система распознавания лиц Find Face Security, внедренная в нескольких городах во время ЧМ-2018, позволила задержать более 180 правонарушителей, часть из которых находилась в федеральном розыске [2].

ИИ и «пользователи» права

Третья категория субъектов включает «пользователей» права. Это граждане, предприятия и организации, которые используют правовые инструменты в личных целях или при осуществлении предпринимательской деятельности. Здесь есть несколько интересных способов использования ИИ. Во-первых, использование компаниями различных аналитических правовых и бизнес-систем. В России созданы такие технологии, как Casebook – сервис для отслеживания и контроля судебных дел и компаний. Среди возможностей Casebook: автоматическая проверка компаний по 36 факторам риска; проверка связей на текущий момент и схемы аффилированности на любую дату; анализ бухгалтерской отчетности с акцентом на слабые места; арбитражная статистика и графики с исковой нагрузкой; данные по текущим и завершенным исполнительным производствам. Сервис «Контрагенты» по любой компании, у которой были суды, определяет индекс

судебной активности. Индекс демонстрирует, как часто судится контрагент, затягивает ли он производство, активен ли в процессе, хорошо ли его юристы готовятся к заседаниям. Сервис покажет арбитражные дела компании и историю исполнительных производств, вычислит вероятность взыскания суммы сделки после суда. «Сутяжник» – автоматизированный сервис по подбору судебной практики, соответствующей содержанию текстовых документов, загружаемых в сервис пользователем (проекты исковых заявлений, отзывы на иски, претензии, уже принятые судебные решения или их проекты и др.), в которых излагается правовая проблема. «Правобот» подбирает практику двумя способами – по ключевому слову и фильтрам или по тексту иска, претензии, жалобы. Раскладывает найденные документы по инстанциям, судам и регионам. Детализирует от суда первой инстанции до высших судов. Находит похожие дела из миллионов. Алгоритм поиска учитывает: вид спора, обстоятельства, инстанцию, исход, участников судебного процесса [5].

Еще один пример использования ИИ включает в себя так называемые правовые системы самопомощи [10]. Это простые экспертные системы, часто в форме чат-ботов, которые предоставляют обычным пользователям ответы на основные правовые вопросы. В 2014 г. в США юрист Э. Арруда основал компанию «Ross Intelligence», в задачи которой входит разработка виртуального юридического ассистента – системы искусственного интеллекта, позволяющей работать в режиме «вопрос-ответ» и дающей определенные рекомендации со ссылками на источники права. В нашей стране портал «Право.ru» запустил сервис со схожими функциями под названием «Pravorobot» в мессенджере Telegram для бесплатных юридических консультаций. Данный сервис позволяет в режиме онлайн задать специалистам вопросы в текстовом виде или в форме голосового сообщения [1]. В 2015 г. создано приложение DoNotPay (доступно в США и Великобритании), которое предоставляет собой базовую экспертную юридическую систему, которая позволяет пользователям ориентироваться в правовой системе. DoNotPay помог своим клиентам выиграть в суде \$16 млн. Средняя компенсация – \$7 000. При этом приложение абсолютно бесплатно, а истец оставляет себе всю компенсацию.

ИИ и проблема предвзятости и транспарентности алгоритма

Есть несколько важных проблем в области ИИ и юридической деятельности, на которые стоит обратить внимание. Так или иначе, в них могут быть вовлечены любые субъекты из приведенных групп. Одна из наиболее важных проблем связана с возможной предвзятостью машин при принятии алгоритмических решений. Если должностные лица используют машинное обучение или другие модели искусственного интеллекта для принятия важных решений, которые влияют на жизнь или свободу людей (например, вынесение приговора), важно определить, относятся ли эти алгоритмы к людям в равной мере справедливо. Алгоритмы машинного обучения и глубокого обучения лежат в основе большинства современных программ на базе искусственного интеллекта. В отличие от традиционного программного обеспечения, которое работает на основе predetermined и проверяемых правил, глубокое обучение создает свои собственные правила и учится на примере [7]. Этот механизм позволяет глубокому обучению выполнять многие задачи, которые были практически невозможны с помощью программного обеспечения на основе правил. Но это также означает, что программное обеспечение для глубокого обучения может перенимать скрытые или явные предубеждения.

В литературе описывается этическая проблема, связанная с внедрением в США программы с элементами искусственного интеллекта COMPAS [6]. Она применялась во многих судах штатов для принятия решения, рекомендовать ли ожидающим суда присяжных тюремное заключение или освобождение под залог. Программа положительно зарекомендовала себя, и ее стали использовать также при решении вопросов об условно-досрочном освобождении. Однако когда был расшифрован черный ящик системы COMPAS, оказалось, что система априори уменьшает шансы на освобождение под залог и условно-досрочное освобождение для лиц латиноамериканского происхождения, не имеющих легального статуса на территории США, а также для афроамериканцев с доходом выше прожиточного минимума, но ниже, чем у среднего класса. Если первый вывод был интуитивно понятен, то второй породил всеобщее недоумение, и эксплуатация системы после широкого общественного резонанса была приостановлена.

Расследование подтвердило, что алгоритмы COMPAS по построению нейронных сетей и глубокому обучению математически безупречны, как и сама программа в статистическом смысле. Статистическая безупречность означает, что нейронным сетям удалось установить наиболее точную зависимость между выходными данными и входными, т. е. между данными, представляющими профиль того или иного индивида, и критериями риска [12]. Все рекомендации COMPAS были верны в инженерном смысле этого слова: программа действительно минимизировала число условно-досрочных освобождений, после которых нарушители закона вновь совершали преступления, а также правильно определяла, в каких случаях перспективнее было бы отпустить человека под залог. Таким образом, общество, правоохранительная и судебная система поставлены искусственным интеллектом перед серьезной морально-этической дилеммой, пути выхода из которой пока не обозначены.

Другая проблема ИИ связана с интерпретацией, прозрачностью принятия решений системами ИИ. Причем простой доступ к основному коду алгоритма является недостаточным. Часто системы ИИ спроектированы таким образом, что основной механизм принятия решения не может быть интерпретирован даже программистами, которые их создали. Критики высказывают мнение относительно того, что системы ИИ, которые участвуют в процессе принятия решений, должны быть прозрачными. Прозрачность, или прозрачность, означает возможность отследить, как определенные факторы были использованы для достижения конкретной цели [8]. Некоторые авторы выступают за то, чтобы сами системы автоматически выдавали объяснения причин принятия решения [11]. Можно представить множество правовых ситуаций, в которых было бы полезно, чтобы алгоритмы были более прозрачными. Однако разработка системы, которая генерирует объяснения, требует времени и инженерных усилий. Поэтому необходимо определить, когда стоит требовать прозрачности, уравновешивая полезность прозрачности с затратами на создание такой системы. Нормативные требования к прозрачности должны зависеть от контекста и основываться на рисках относительно безопасности, справедливости и конфиденциальности [16]. Может потребоваться прозрачность для решений, которые имеют большое влияние на кого-то, кроме лица, принимающего решения.

Для менее важных решений можно выбрать меньшую прозрачность в пользу повышения производительности системы [6]. В этих условиях можно полагаться на статистические показатели производительности системы для обеспечения прозрачности, не предоставляя объяснения для каждого конкретного решения.

Необходимо учитывать, что непрозрачность алгоритмов может иметь нетехнические обоснования, такие как защита коммерческой тайны и т.п. Наконец, встает вопрос о расходах на обеспечение прозрачности, особенно для небольших компаний, для которых это может послужить серьезным обременением. Если затраты на обеспечение прозрачности высоки, такое требование может потенциально оказать негативное влияние на инновации [9]. Несмотря на потенциальную нагрузку на разработчиков, это может быть оправдано для алгоритмов, участвующих в принятии решений затрагивающих права человека. В некоторых случаях нужно признать, что прозрачность неосуществима на практике [8].

Сегодня очевидно, что технологии трансформируют различные общественные отношения, и юридическая практика не стала исключением. Искусственный интеллект, проникая в эту область человеческого бытия, влияет на нее специфическим образом. С одной стороны, с помощью автоматизации и применения правовых технологий появляется возможность решения проблемы с высокой рутинной нагрузкой как на юристов, так и на должностных лиц. Также это позволяет добиться повышения прозрачности и эффективности работы государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов. С другой стороны, при большом, на первый взгляд, количестве преимуществ использования технологий необходимо выделить один, но существенный недостаток – применение искусственного интеллекта в процессе отправления правосудия. Передача функций судьи искусственному интеллекту приведет к риску нарушения баланса между законностью и справедливостью, так как искусственный интеллект при всех своих преимуществах уступает естественному интеллекту, который способен ощущать и воспринимать полученную информацию. Таким образом, правовые технологии и, в частности, искусственный интеллект должны повышать эффективность работы людей, а не вытеснять или подменять их при принятии важнейших решений, в особенности касающихся прав и свобод личности.

Список литературы

1. Закиров, Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства / Р.Ф. Закиров // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 211–219.
2. Никитин, Е.В. О новых возможностях применения современных цифровых технологий в правоохранительной деятельности / Е.В. Никитин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №4 (19). – С. 55–59.
3. Никифорова, Т.С. Оставят ли роботы юристов без работы? / Т.С. Никифорова, К.М. Смирнова // Закон. – 2017. – № 11. – С. 110–123.
4. Овчинский, В.С. Технологии будущего против криминала / В.С. Овчинский. – Москва: Кн. мир, 2017. – 288 с.
5. Черных, И.И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий / И.И. Черных // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. С. – 58–72.
6. Angwin, J. Machine Bias / J. Angwin, J. Larson, S. Mattu, L. Kirchner // ProPublica. May 23, 2016. – URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing#>
7. Balcan, M. Machine Learning. Generalization Abilities: Sample Complexity Results / M. Balcan. – URL: <https://www.cs.cmu.edu/~ninamf/courses/601sp15/sc-2015.pdf>
8. Buiten, M. Towards Intelligent Regulation of Artificial Intelligence / M. Buiten // European Journal of Risk Regulation. – 2019. – № 10(1). – P. 41–59.
9. Danielle, Kehl et al. Algorithms In The Criminal Justice System: Assessing The Use Of Risk Assessments In Sentencing / Kehl Danielle et al. // Responsive Communities Initiative, Berkman Klein Center for Internet & Society. – Harvard: Law School, 2017. – 36 p.
10. Fracassa, D. California Courts Look to Modernize with Chatbots, Video Tech / D. Fracassa // S.F. CHRON., 2017, [Electronic resource]. – URL: <https://www.sfchronicle.com/business/article/California-courts-lookto-modernize-with-11143095.php>
11. James, L. AI Is Useless Until It Learns How to Explain Itself / L. James // Towards Data Sci., 2018. – URL:

<https://towardsdatascience.com/ai-is-unless-until-it-learns-how-to-explain-itself-7884cca3ba26>

12. Kim, T. Artificial Intelligence Has a Bias Problem, and It's Our Fault / T. Kim. – URL: <https://www.techzonefuture.com/artificial-intelligence-ai/artificial-intelligence-has-a-bias-problem-and-its-our-fault/>

13. Markoff, J. Armies of expensive lawyers replaced by cheaper software / J. Markoff // The New York Times. 2011. 4 March. – URL: <http://www.nytimes.com/2011/03/05/science/05legal.html>

14. Oswald, M. Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and 'Experimental' proportionality / M. Oswald, J. Grace, S. Urwin, G. Barnes // Information & Communications Technology Law. – 2018. – № 27:2. – P. 223–250.

15. Petit, N. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots – Conceptual Framework and Normative Implications, 2017 / N. Petit. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339>

16. Wachter, S. et al. Transparent, explainable, and accountable AI for robotics / S. Wachter et al. // Science Robotics. – 2017. – № 6.

ЧАСТЬ 2

**Цифровизация социально-экономических
процессов или цифровизация
социально-экономических систем**

2.1. Система социального кредита в Китайской Народной Республике: история вопроса

Ветренко Инна Александровна

Система социального кредита (далее – ССК), создаваемая и вводимая в Китайской Народной Республике, является широко обсуждаемой темой в мировом сообществе. К этому явлению имеют повышенный интерес правозащитники, государственные деятели и, конечно, ученые разных специализаций. Однако, несмотря на значительный публичный резонанс, эта проблема с научных позиций проработана слабо. Серьезных, глубоких анализов системы социального кредита, запущенного в КНР, в мире пока еще немного. Отчасти это может быть потому, что полно-масштабно система заработала лишь в 2016 году.

Китай относится к традиционным восточным цивилизациям, соответственно то, что происходит в этом государстве, имеет глубокие ментальные и исторические корни. Впервые необходимость развертывания и внедрения Системы Социального Кредита (доверия) – SCS (международная аббревиатура) была сформулирована в 2007 г. прежним Председателем КНР Ху Цзиньтао. По его инициативе был разработан первый технический план развертывания системы, и в том же 2007 г. были опубликованы «Некоторые замечания канцелярии Госсовета КНР о создании системы социального кредита» [1].

Основные принципы SCS глубоко укоренены в китайском менталитете и в традициях государственного управления. Еще в I веке до н. э. великий китайский реформатор Шан Ян приказал народу делиться на группы по 5–10 семей для наблюдения и друг за другом, неся таким образом коллективную ответственность за совершенные преступления. И даже за малые проступки наказания были строгие. Закон также предписывал иметь на дверях домов табличек с описью всех членов семей, а обо всех перемещениях жителей начальству регулярно докладывал ответственный – сотский староста. Эта система называлась «баоцзя» и на протяжении многих веков она периодически снова и снова возникла в Китае – круговая порука [2].

Продолжающийся уже более двух тысяч лет спор между последователями Шан Яна, так называемыми правозаконниками-легистами, которые выступали за управление обществом с помощью жестких мер (кнута), и конфуцианцами, призывавшими к воспитанию в народе этических норм с помощью образования и личного примера властей предрержащих, стал одним из главных стимулов для развития управленческой мысли в Китае.

Недавно Си Цзиньпин заявил, что сильное централизованное руководство партии позволило вступить в новую эру реформ и открытости, начать новый путь к великому возрождению китайской нации. На этом пути руководство партии и государства опирается на тысячелетние традиции китайской управленческой мысли и берет все лучшее, надежное и проверенное от положительных конфуцианства, легизма и даосизма.

Более того председатель КНР Си Цзиньпин еще в 2013 г. сформулировал «китайскую мечту», под которой подразумевалась идея о создании процветающего и могущественного государства, мечта об осуществлении национального возрождения и достижения народного благоденствия. В своей концепции Си Цзиньпин говорил о том, что для достижения «китайской мечты» необходимы три основных условия:

– «обязательно идти по китайскому пути, то есть по пути социализма с китайской спецификой. Китайская нация – это нация незаурядной креативности. Раз мы сумели создать великую китайскую цивилизацию, то, тем более, сможем продолжать и расширять путь развития, соответствующий китайским реалиям.

– необходимо возвышать единство китайского народа, основанное на доверии, китайский дух, сердцевина которого – патриотизм, а также дух эпохи, сердцевина которого – реформы и новаторство.

– следует объединять силы нации, которые рождаются великой сплоченностью 56 национальностей 1,3 миллиардного населения. Китайская мечта – это мечта всей нации и мечта каждого китайца в отдельности» [3].

Общеизвестно, что по традициям конфуцианства доверие является синонимом гармонии между человеком, обществом и государством [4]. В свою очередь гармония – это высший долг, цель и потребность китайца. Гармония достигается самосовершенствованием, соблюдением приличий и норм общества, вы-

полнением ритуалов, предполагающих следование традиции. Что же касается самосовершенствования, то ключевым его смыслом в конфуцианстве является «преодоление себя, как отдельного оторванного от семьи, общины и народа индивидуума, выполнение общественного долга, стремление к китайской мечте».

Если проанализировать основные принципы ССК, то становится очевидным, что эта система позволяет реализовать на практике принцип золотой середины или срединного пути, который выражается в:

- соблюдении необходимой умеренности и неприятия двух крайностей – избытка и недостатка;
- осуждении всякой крайности и стремлении к полноценной, открытой, не имеющей темных секретов жизни от окружающих;
- усилении справедливости, когда не чиновники или соседи, а искусственный интеллект оценивает проступки и выносит суждения, свободные от предвзятости и односторонности;
- выработке усредненных норм и ценностей, приемлемых для широких слоев населения;
- отказе от чрезмерной и непродуктивной регламентации всех сторон жизни китайцев, администрирования и зависимости жизни простых людей от возможного произвола чиновников, не выполняющих партийные указания и не следующих курсу китайской мечты.

Поскольку ССС – важнейший контур партийно-государственного управления, то программно-аппаратные решения в этой системе должны полностью соответствовать идеологии китайского менеджмента на современном историческом этапе. ССС должна в рамках партийного курса и идеологии менеджмента обеспечить следующие позиции: реализацию лежащего в основе китайского менталитета принципа «Великого Предела», предполагающего взаимопроникновение и снятие противоположностей; решение всех вопросов «по обстоятельствам» – по конкретной ситуации на основе унифицированной для всех системы оценок; учет, предполагающий, что в видимом порядке скрыт беспорядок, но в кажущейся беспорядочности, напротив, сокрыт нерушимый порядок; усиление базисной для поведения любого китайца взаимозависимости в отношениях между людьми друг с другом, с общиной, с партией и государством.

Система социального кредита должна также способствовать реализации в конкретных современных условиях важнейшего принципа «следование обстоятельствам времени», который во многом абсолютизирует даосизм. Это предполагает, что всякая практика служит совершенствованию себя (это верно как для индивидуумов, так для организаций и самой SCS); применение SCS будет способствовать формированию поведения граждан на основе открытости, следования ритуалам и стремлению к душевному покою; по мере формирования у народа привычки жить в условиях SCS это будет способствовать повышению искренности жизни, и позволит людям хотя бы отчасти предвидеть ход событий и направлений собственной жизни.

Таким образом, ССК является не новой формой наведения порядка в КНР, а гармоничным продолжением традиций управления в этой стране, которые ментально и исторически вызрели. Именно поэтому они не вызывают отторжения у самих жителей поднебесной, но не совсем понятны представителям других стран, что формирует такие разные, а порою и контрастные оценки ССК, в том числе и среди научного сообщества.

Главную целевую функцию системы социального кредита сформулировал еще в декабре 2016 г. Си Цзиньпин на заседании Политбюро ЦК КПК. Он отметил: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надежности, покрывающей все общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие» [5].

Конечно, инициативы ССК в настоящее время все еще находятся на экспериментальной стадии, и вполне возможно, что общественное мнение будет меняться по мере того, как будет развиваться система. Очевидно, что на восприятие системы влияет и будет влиять баланс вознаграждений и наказаний. Кроме того, прозрачность методов подсчета баллов – условие доверия граждан к самой системе социального кредита. Уже сейчас, чем понятнее и, по мнению жителей Китая, беспристрастнее рассчитываются баллы, тем сильнее общественная поддержка всему проекту.

Наш анализ показал, что подавляющее большинство публикаций сводит ССК к оценке поведения только рядовых китайцев, но это не совсем так. В выступлениях Си Цзиньпина и в нормативных документах неоднократно отмечается, что создаваемая ныне система индивидуального рейтингования – не более чем лишь первый шаг. В ближайшей перспективе рейтинговаться будут не только китайцы как физические лица, но и компании как юридические лица, а затем различного рода некоммерческие и управленческие структуры и организации и их руководство.

Работающая система социального кредита по задумке руководства Китая должна привести:

- к развитию прозрачной электронной демократии;
- более быстрому установлению доверия между членами общества;
- ответственному отношению к своему социальному поведению, лишая чувства безнаказанности и обезличенности;
- меритократии;
- прозрачной системе социальной стратификации.

Список литературы

1. Разумов, Е.А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике / Е.А. Разумов // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2009. – Т. 24, № 3. – С. 86–97.

2. Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: материалы конференции: в 2 т. / отв. ред. В.Г. Хорос. – Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2014. Т.1.– 203 с.

3. Погорельый А.П. Идеология России: поиск среди альтернатив / А.П. Погорельый // Научная мысль. – 2016. – № 1(19). – С. 26–32.

4. Бояркина, А.В. Идеи конфуцианства в государственной идеологии КНР / А.В. Бояркина // Россия и АТР. – 2011. – № 4. – С. 127–134.

5. Ковалич, Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру / Л. Ковалич // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/71546..>

2.2. Сетевые коммуникации – «дрейфующий» объект исследования

Перепелица Елена Васильевна

Актуальность. Высокие технологии преодолевают пространственные и временные барьеры, тотально меняя правила взаимодействия социальных акторов. Несмотря на интерес, проявляемый в правовой доктрине и законодательстве к сетевым коммуникациям, их потенциал далек от раскрытия. В белорусском праве соответствующая тематика имеет непререкаемое формально-позитивистское истолкование, в рамках которого сетевая коммуникация сводится к линейной передаче информации от адресанта к адресату (в том числе от государства – обществу). Но как показывает мировой опыт, это далеко не единственное олицетворение сетевой коммуникации, поэтому контрпродуктивно останавливаться на существующем уровне анализа.

Научная новизна. Прецедентное поведение с использованием сетевых средств коммуникации остается недостаточно осмысленным правовой теорией и по преимуществу не охваченным законодательным регулированием – здесь невозможно все предусмотреть и тем более произвести детализированные формулы. В правовой актуализации нуждаются различные стороны сети и цифры, что требует расширения привычных рамок юридического дискурса.

Цель и задачи. Цель состоит в том, чтобы представить сетевые коммуникации в качестве подвижного объекта, «дрейфующего» из одной сферы знания в другую. Накопленный при этом опыт может представлять значительный интерес как для права в целом, так и для отраслевой теории информационного права, в особенности.

Методы исследования. В работе применена синергетическая методология.

При отсутствии дефицита внимания к сетевым коммуникациям во многих публикациях содержатся дежурные констатации тех неоспоримых преимуществ, которые представляет этот продукт прогресса. До недавнего времени многими исследователями разделялось убеждение о том, что сетевые коммуникации исключительно позитивно сказываются на развитии общества. Однако такой подход признан упрощенным и поверхностным. В работе

«Теории информационного общества» Ф. Уэбстер замечает следующее: «слишком многие “практики”, вдохновленные информационной технологической революцией, пришедшие в восторг от Интернета, не представляющие своей жизни без электронной почты, проживающие в виртуальной реальности, превосходящей реальность земную, решили, что могут быстро осознать социальные и экономические последствия распространения коммуникационных технологий» [14, с. 9]. В последнее время исследовательские приоритеты стали заметно смещаться в сторону проблем обеспечения информационной безопасности, киберзащиты личности, поиска способов предотвращения множественных рисков и угроз, связанных с сетевым коммуницированием.

Телекоммуникации через спутники и Интернет бросают вызов предшествующим средствам общения, стремятся вытеснить и поглотить их, всячески подчинить себе. «Порожденное “цифровой революцией” новое качество общественных отношений меняет не только их форму, но и их структуру, содержание, характер, а иногда и саму сущность» [9, с. 101–102]. Информационную экспансию невозможно предвосхитить, вложив вновь возникающие закономерности в прокрустово ложе аналогового права. Согласимся с тем, что «право пока не “переварило” электронный этап развития и уже оказалось перед вызовами цифровизации, которыми в последнее время обеспокоилось все юридическое сообщество» [12, с. 116].

Цифровая среда проявляет себя как наиболее неформализованная сфера жизни и деятельности человека и общества. Высокие технологии приближают ту реальность, в которой «вторичные по отношению к существу человека инструменты будут заново конструировать своего изобретателя» [15, с. 169]. Речь идет об обратном воздействии высоких технологий и интерактивных электронных медиа как изобретения человека на его интересную активность в пространстве сетевых структур.

Сетевая коммуникация оказывается содержательной категорией, которая в одно и то же время принадлежит техническим, естественным и гуманитарным наукам. Наряду с понятием «сетевая коммуникация» в современных исследованиях расхожи термины: электронная коммуникация, компьютерно-опосредованное общение, беспроводная-, информационная-, массмедийная-, теле-, цифровая и/или публично-цифровая коммуникация, Интернет-коммуникация, коммуникация на виртуально-сетевой платформе,

виртуальная-, гиперактивная-, медиа-, Web-, дистантная коммуникация. Большинство из приведенных терминов при активном использовании в теории, законодательстве и юридической практике не стали полноценными категориями. Конечно, названные термины нельзя назвать одинаково нормативно значимыми. Это не полные смысловые аналоги, они по-разному выражают суть сетевых коммуникаций. К примеру, последнее из приведенных понятий – дистантная коммуникация – имеет особую смысловую нагрузку, ставит акцент на дистантности, заключающейся «в удаленном взаимодействии акторов в пространстве и времени, опосредованном характере их коммуникации, отсутствии непосредственного контакта, наличии возможности осуществления коммуникативного процесса с любым человеком или социальной группой вне пространственно-временных ограничений посредством использования определенных средств [2, с. 25].

Среди гуманитарных наук, изучающих сетевые коммуникации – философия, филология, социология, медиалогия, логистика, психология, лингвистика, семиотика, конфликтология, риторика. Особенности сетевых коммуникаций активно исследуются в трудах политологической, культурологической, экономической проблематики. Помимо названных наук освоением данного продукта технократической эпохи заняты такие относительно молодые отрасли, возникающие на стыке разных наук, как информатиология, гуманитарная информатика, коммуникативистика, коммуникология. В отличие от отдельных дисциплин они стремятся теоретически объяснить и эмпирически обосновать роль сетевых коммуникаций в жизни общества, выявить закономерности и риски коммуникативной динамики. Одновременно возрастает познавательное значение антропологии, социологии и политологии медиапространства. Сетевые коммуникации образуют в определенном смысле всеохватывающий междисциплинарный дискурс, мигрирующий (кочующий) из одной области знания в другую. Этот дискурс начинает претендовать на свою самодостаточность. Любопытно, что цифровая антропология, информатиология, коммуникология объединяют как смежные, онтологически близкие дисциплины, так и дисциплины с неродственными онтологиями. Наиболее известное междисциплинарное новообразование – коммуникативистика – «обладает историей, достаточно короткой, чтобы не терять новизны, и достаточно долгой для того, чтобы обрести известную самостоятельность» [13, с. 320].

К данному ареалу постепенно приобщается научная юриспруденция, перед которой встают задачи «осмыслить и переработать все помеченные “геном будущего” юридически значимые феномены и факторы» [8, с. 127]. В орбиту правовых исследований включаются вопросы, касающиеся информационного взаимодействия, правового регулирования деятельности в области формирования и использования информационных ресурсов и технологий. Серьезного анализа ожидают взаимоотношения общества и государства в виртуальной реальности, вопросы теоретической модели коммуникативного пространства, проблемы «изменения социальных и правовых свойств пользователей новых программ и технологий, их сообществ, всей системы новых социальных отношений, которые базируются на инновационных формах электронно-цифровой коммуникации» [6, с. 57].

Разумеется, любая наука сосредоточена прежде на собственном предмете исследования – это ее неизменное кредо. Несмотря на аксиоматичность данного высказывания, практически все социальные науки, включая теперь и правоведение, активно вовлекаются в общий цифровой контент, требующий в том числе переформатирования целей и познавательных задач для объяснения принципиально нового эмпирического и теоретического опыта, связанного с влиянием технологического прогресса на современную действительность.

Автономность знания, безусловно, сохраняется и будет сохраняться впредь: без этого наука вряд ли возможна и состоятельна как предприятие. Говоря в общем, «каждый копает свою траншею, и сойдутся ли где-нибудь эти траншеи в одной точке, неизвестно. Но копатели видят вокруг себя одни лишь стены и совсем не замечают того, что происходит по соседству» [5, с. 7]. При том, что научное знание об один и тех же феноменах развивается параллельными курсами, рост числа глобальных проблем, к примеру, таких, как пандемические болезни, использование и распространение роботов и систем с искусственным интеллектом, общественные трансформации, связанные с переходом к новому технологическому укладу, сигнализирует о необходимости преодоления концептуальных разрывов некогда целостного знания. Прикладные и познавательные проблемы такого ранга не терпят легковесного отношения и не укладываются в привычные рассудочные схемы. Они приобретают экзистенциальный характер и не имеют строго очерченной и однозначной дисциплинарной принадлежности. Их конструктивное разрешение возможно путем кон-

солидированных усилий разных наук, причем не одних только социальных. Необходим «поиск иной парадигмы производства знаний, расширяющей предметные границы, формирующей новый тип знания и отвечающей на вызовы современного мира» [11, с. 73].

На передний край социально-гуманитарных исследований выходит научный анализ достоинств и недостатков сетевого коммуницирования. Право несколько запаздывает в осмыслении того, что происходит в виртуальном коммуникативном поле. Исследователи нередко собирают эмпирику в области онлайн-коммуникаций по принципу «все грибы в одну корзину» в надежде, что время для более осмысленных действий впереди и полагая, что эмпирика сама по себе обладает некой ценностью вне каких-либо способов её систематизации или теоретизирования [10, с. 194].

Наука по самому своему существу коммуникативна, ведь, как известно, вне диалога нет движения вперед. В гуманитарной сфере коммуникационная теория еще окончательно не сложилась и продолжает динамично развиваться [7, с. 49]. Поэтому вряд ли оправданы оптимизм и самоуверенность тех представителей юридического ученого сообщества, которые готовы провозглашать конечные истины об относительно недавно возникших феноменах. «Некритическое принятие определения из узкого («своего») предметного поля, игнорирование междисциплинарного взгляда на реальный и сложный феномен позволяет видеть всегда только «одну сторону Луны», следовательно, не дает шанса создать научный продукт с высоким прогностическим подходом, требующим комплексного подхода» [10, с. 194].

Следует иметь в виду, что, например, книга профессора математики Массачусетского технологического института Норберта Винера «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине», написанная в 1947 году, увидевшая свет в 1948 году и нашедшая широкий круг читателей в конце 1950-х годов [4], как оказалось, была способна ждать своего перевода с английского на русский язык целое десятилетие (а на некоторые другие языки даже более того) – и при этом смочь активно участвовать и влиять на естественный ход научного процесса современной эпохи. С именем Н. Винера и разработкой термодинамической кибернетики связывается открытие вопросов информации для всей гуманитарной сферы. Совсем иначе обстоит дело современного развития цифровизации. Любой исследователь этого всеохватываю-

щего междисциплинарного дискурса неустранимо сталкивается со сменой объекта на контекст в процессе научного поиска.

В статье об известной книге Уильяма Митчелла «Человек ++: Человек, город, сети» А. Вазьянов подчеркивает следующее: *«Главы книги Митчелла объединяются не столько объектом, сколько контекстом, стремительным проникновением технологии в повседневный жизненный мир человека. Автор излагает наблюдения о новых возможностях хранения и передачи информации, об усложнении инфраструктуры социальной коммуникации, о стирании границ между телом и средой, между физическим и виртуальным, между производством и потреблением. При этом текст балансирует на грани анализа того, что совсем недавно появилось в нашей жизни, и прогнозирования ближайшего будущего. Скорость развития технологии сегодня мешает понять, что Митчелл с его инженерным образованием в своей книге предугадал, а что описал; что было читателям в диковинку в 2003-м (год выхода первого англоязычного издания книги) и кажется банальностью десятилетие спустя»* [3, с. 249].

Право и юридическая наука в том числе: они вынужденно оказываются в ситуации приотставания и скоростного превращения в банальность перманентно возникающих технократических реалий, которые должны быть охвачены нормативным регулированием. Но ситуация такова, что ее даже не успевают осмыслить. Согласимся, что «не все в медиапространстве серьезно настолько, что допускает возможность распространения правовых норм на соответствующие медиаобъекты» [1, с. 15]. В силу своей специфики медиареальность допускает потребность в особом регулировании, не исключает саморегулирование.

Полученные результаты. Сетевые коммуникации становятся причиной возникновения новых направлений научной мысли и целых междисциплинарных образований. Сетевые коммуникации – особый, «движущийся», дрейфующий объект исследования, который нельзя адекватно понять только в одном, специальном дисциплинарном измерении, будь то политологическое, культурологическое или юридическое. Ускорить продвижение собственно права в освоении этого дрейфующего объекта способен конструктивный диалог научной юриспруденции с иными областями знания. Речь идет о прочтении сетевой коммуникации на аутентичном юридическом языке. Для такого прочтения право нуждается в парадиг-

мальных прививках, взаимодействии с иными науками, формирующими свои теории вокруг сетевых коммуникаций.

Выводы. Разными дисциплинами признается недостаточность рассмотрения сетевых коммуникаций только лишь в качестве линейного переноса информации от одного субъекта к другому. Для полноценного овладения языком цифрового общения, использования данного языка в решении актуальных задач повестки дня недостаточно узкодисциплинарных ресурсов. Право может воспользоваться в том числе неправовыми коннотациями нового феномена. Будучи объединенными общим контекстом, разные науки решают задачи, составляющие их предметное поле. Но солидарные усилия способны привести к искомым целям намного быстрее. Без глубокого осмысления природы беспроводного взаимодействия право и законодательство рискуют упустить те богатые возможности, которые открываются, пока Интернет является технологией дня, как и до конца не распознать связанные с этим многочисленные опасности.

Список литературы

1. Архипов, В.В. Действие правовых норм в цифровом медиaprостранстве и семантические пределы права / В.В. Архипов // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 15.

2. Баньковская, Ю.Л. Сетевая коммуникация как форма социального взаимодействия субъектов / Ю.Л. Баньковская // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: «Беларусская наука», 2020. – С. 25.

3. Вазьянов, А. Рецензия на книгу Уильям Митчелл. Я++: Человек, город, сети / А. Вазьянов // Антропологический форум. – 2014. – № 23. – С. 249.

4. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер; пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е изд. – Москва: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.

5. Ершова, Г.Г. Историческая перспектива междисциплинарных исследований: вместо вступления / Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Междисциплинарной научной конференции (Москва, 13–14 июня 2012 г.) / отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. – Москва: Совпадение, 2012. – С. 7.

6. Иоселиани, А.Д. Человек и современная коммуникативная Интернет-среда / А.Д. Иоселиани // Философские про-

блемы развития искусственного интеллекта: коллективная монография / под ред. А.В. Волобуева, Н.А. Ореховской. – Москва: Прометей, 2019. – 194 с.

7. Киреева, О.Ф. Коммуникационный консалтинг как средство обеспечения информационной безопасности в современном обществе / О.Ф. Киреева // Коммуникология. – 2017. – Т. 5, № 6. – С. 49.

8. Крусс, В.И. Конституционная футурология и наука права. Файл «криптовалюта» / В.И. Крусс // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – С. 127.

9. Кудрявцев, М.А. Новые горизонты информационного права / М.А. Кудрявцев // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. тр.; под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. – Москва: ИГП РАН, 2018. – С. 100–101.

10. Радина, Н.К. Онлайн-петиция в междисциплинарных полях и на теоретических перекрёстках: политология и лингвистика / Н.К. Радина // Коммуникативные исследования. – 2018. – №4 (18). – С. 194.

11. Соколова, А.А. Социологическая юриспруденция: перспективное направление научных исследований / А.А. Соколова // Актуальные направления анализа права и правопведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девярых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. – Москва: Норма, 2015. – С. 73.

12. Талапина, Э. Концепция надлежащего управления / Э. Талапина // Институты публичной власти в условиях глобализации: монография / под ред. Т.А. Васильевой и Н.В. Варламовой. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 116.

13. Тихонова, С.В. Становление правовой коммуникативистики в России: проблемы и перспективы / С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15, Вып. 3. – С. 320.

14. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – С. 9.

15. Худа-Гранат, М. Феномен сетевой коммуникации – новый вид человеческих отношений или иллюзия / М. Худа-Гранат // История и современность. – 2010. – № 2. – С. 169.

2.3. Дистанционные технологии обучения как средство повышения академической мобильности

Апольский Евгений Александрович

Принятая 19 июня 1999 г. министрами высшего образования 29 европейских государств Болонская декларация «Зона европейского высшего образования» была обусловлена назревшей объективной необходимостью установления более тесных связей между европейскими государствами, формирования и развития культурного, интеллектуального, социального и научно-технологического потенциала Европы. Справедливо в то время отмечалось, что интернационализации образования получила все основания быть реализованной как базовый принцип европейской образовательной политики, а претворение в жизнь положений принятых документов в этом направлении получило название «Болонский процесс» [5, с. 23].

Видимо, находясь в русле общеевропейских интеграционных тенденций, наша страна присоединилась к Болонской декларации 19 сентября 2003 г. на встрече европейских министров образования в Берлине, и с этого момента мы являемся полноправными участниками Болонского процесса.

Сразу же необходимо отметить, что ключевые задачи Болонского процесса, а именно повышение качества образования, расширение доступа к европейскому образованию, развитие мобильности студентов и профессорского-преподавательского состава (в первую очередь, конечно же российского) посредством принятия сопоставимой системы ступеней высшего образования и применения системы учебных кредитов (ECTS), безусловно, можно считать перспективными, а возможность выдачи выпускникам вузов общеевропейского Приложения к диплому (Diploma Supplement) [3] и вовсе означала выход на европейский рынок труда молодых отечественных специалистов.

Согласимся и с тем, что причины присоединения России к указанной Декларации были весьма существенными: по различным данным заметное отставание России в экономической сфере, в области создания и применения новейших технологий, весьма слабая эффективность научно-исследовательской деятельности

(в сравнении с зарубежными аналогами научный сектор России включал 1/5 часть всех научных работников мира, а давал лишь 10% совокупной научной продукции) в совокупности с последствиями перехода на рыночную систему отношений, действительно требовали создания более мощной системы подготовки специалистов соответствующего уровня подготовки и уровня квалификации [5, с. 23].

Ключевой характеристикой всего Болонского процесса можно, на наш взгляд, считать не столько возможность признания российских дипломов за рубежом (что само по себе имеет огромное значение), сколько развитие академической мобильности. Понимаемая как базовый принцип образовательного пространства в Европе, академическая мобильность справедливо понимается, как институт, представляющий возможность как студентам, так и преподавателям свободно перемещаться, развиваться в личностном и общекультурном плане, а также способствовать увеличению вклада субъектов академической мобильности в «социально-экономическое развитие своих стран» [1].

Вместе с тем в Российской Федерации за все годы действия Болонской системы так и не сформировалось реального механизма обеспечения прав преподавателей в области академической мобильности. Имеющиеся и весьма успешные наработки и опыт в сфере организации зарубежных стажировок и научных командировок российских специалистов (аспирантов, кандидатов и докторов наук) в зарубежные университеты считаться подлинной академической мобильностью не могут, поскольку предусматривают непродолжительный срок [4]. Искомое понятие должно пониматься как длительная работа в европейском университете, целью которой является чтение университетского курса или курсов.

В плане студенческой мобильности дела обстоят гораздо лучше, многими вузами заключены международные договоры о сотрудничестве, происходят, как правило, взаимные обмены обучающимися на определенный ограниченный срок. Но и здесь говорить о полноценной реализации мобильности, как принципа Болонской системы можно лишь с большой натяжкой: российские ребята ездят за границу с целью ознакомления с преподаванием, культурным обменом, либо с конкретным научно-исследовательским заданием. Об освоении всех дисциплин семестра (либо же их части), которые они могли бы изучить и в России, но

предпочли один из европейских вузов, с последующим возвратом на родину, сейчас речи не идет (по крайней мере, массовых случаев не наблюдается).

Основной причиной сложившейся ситуации видится расхождение в ключевых принципах, заложенных в основу организации европейского и отечественного учебных процессов: если в Европе во главу угла ставится нелинейность и асинхронность учебного процесса, то в России эти принципы с трудом сочетаются с традиционной линейностью обучения (хотя, европейскую систему т.н. «кредитов» мы в определенной мере ввели). В науке сложилось устойчивое мнение на счет невозможности перехода на начала нелинейности и асинхронности в российском учебном процессе, которое в целом следует признать обоснованным [3, с. 99].

С другой стороны, вызывает сомнения утверждение о том, что переход на «нелинейный» принцип организации учебного процесса в вузе может привести к прозрачности учебного процесса и, как следствие, к возникновению у студента возможности выбора индивидуальной образовательной траектории, определяемой индивидуальным учебным планом [Там же]. Несмотря на то, что учебные планы сегодня включают, как известно, дисциплины, изучаемые студентами по выбору, это не ведет к появлению «нелинейности», так настойчиво требуемой в рамках Болонской системы: дисциплины по выбору «выбираются» централизованно и организовано, «нелинейная» организация учебного процесса в вузах России в большей или меньшей степени искусственно укладывается в привычный нашему сознанию линейный процесс. Ничего с этим не поделаешь, таковы ментальные основы нашего образования.

Действительно, если обратиться к опыту преподавания и обучения в нашей стране, сложно представить себе ситуацию, когда условный студент будет самостоятельно определять график своего учебного процесса на очередной семестр (индивидуальные программы обучения в России подстроены под понятную всем линейную программу обучения) либо вовсе соберется уехать на учебу в условный университет Германии или Франции. Если представить студента юридического факультета, то на практике крайне сложно подстроить учебный план европейского вуза под российские реалии. Кроме того, в отличие от технических специальностей, будущие юристы должны изучать право той страны, где они планируют работать. Поэтому очевидно, что европейское

юридическое образование российскому специалисту может пригодиться лишь отчасти (как, впрочем, российское образование студенту-европейцу).

Еще сложнее обстоит дело с мобильностью преподавателей права. Знания и навыки, приобретенные в России, неприменимы в отраслевых науках в Европе. Остается лишь сфера общеобразовательных дисциплин, исторические и философско-правовые курсы: здесь можно найти определенное пересечение образовательных полей и применить себя, скажем, в одном из вузов в качестве штатного профессора или лектора.

В итоге ситуация складывается таким образом, что в сфере преподавания права сложно назвать юридические факультеты и их профессорско-преподавательский состав полноправными участниками Болонского процесса.

Итак, сформулируем ряд объективно возникающих вопросов, обусловленных вышеизложенными обстоятельствами:

1) насколько мы за многие годы с момента включения в общеевропейское образовательное пространство приблизились к решению задачи адаптации в это пространство России?

2) насколько вообще возможно интегрировать российское юридическое образование в образовательное поле Европы?

Ответ очевиден: Россия интегрирована в Болонскую систему далеко не так, как изначально это планировалось, по крайней мере, если говорить о сфере юридического образования. Если так, то необходимо искать дальнейшие пути сближения, а для этого необходимо провести следующие действия:

– стимулировать реальное развитие академической мобильности, что закреплено в международных документах и исходит из принципов вовлеченности России в образовательное пространство Европы;

– определить наиболее сочетаемые и сопоставимые блоки дисциплин, в рамках которых возможно активное привлечение российских преподавателей в европейские вузы (естественно, на добровольной основе);

– предоставить возможность преподавателям юридических вузов, желающим выходить на международный уровень преподавания, воспользоваться такой возможностью, используя дистанционную форму обучения, которая сейчас активно развивается и применяется и в России и в странах Болонской системы.

И в этом плане целесообразно подчеркнуть, что возможно-сти, открывающиеся в период пандемии для интеграции в образова-тельное пространство для российских преподавателей с использованием дистанционных технологий обучения, действительно безграничны. Однако опыт последних 10–15 лет показы-вает, что не должно быть шаблонного варианта действий для всех и каждого: нужно стимулировать вузы к тому, чтобы они форми-ровали целевой фонд средств, которые могли бы расходоваться исключительно на реализацию принципов академической мо-бильности: компенсировать потерю учебной нагрузки в россий-ском вузе за счет работы преподавателя за рубежом; гарантиро-вать минимальный объем финансирования таких программ. Главным же принципом здесь должна быть свобода участия в этом всех заинтересованных лиц (в первую очередь научно-педа-гогических работников); обратную ситуацию, формализм и сле-пое следование количественным показателям мы сегодня наблю-даем в ряде вузов страны с публикацией статей в международных научных рецензируемых журналах (Scopus, Web of Science).

Есть и другой вариант развития: полный отказ от программ бакалавриата и магистратуры по юридическим направлениям и возврат исключительно к обучению специалистов: наши бакалав-ры-юристы не востребованы за границей, а соответствующие специалисты из-за рубежа не востребованы в нашей юридической практике). Однако такой путь представляется все же маловероят-ным и бесперспективным.

Говоря о развитии академической мобильности в России, нельзя не выделить важнейшие трудности, встающие на этом пу-ти. Так, очевидно, что низкий уровень мобильности российских преподавателей связан с недостаточно высоким уровнем доходов, что противоречит одному из ключевых направлений развития, обозначенных в Болонской декларации [4, с. 24]. Абсолютно со-гласны с мнением А.Н. Козырина о том, что в конечном итоге в европейском образовательном пространстве мобильность студен-тов, преподавателей и исследователей должна стать *правом*, а не оставаться привилегией [4]. В России же на сегодняшний день быть мобильным в общеевропейском масштабе – это именно *привилегия*. Реализация такого права должна связываться с фор-мированием действенного механизма трудоустройства в европей-ских вузах (при желании самого преподавателя) и развивающаяся

дистанционная форма обучения (со своими очевидными недостатками и не менее очевидными достоинствами) на данном этапе этому максимально способствует.

В плане материальной основы института академической мобильности отметим, что несмотря на содержащуюся в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 г. № 1662-р 12) норму о формировании к 2020 году инфраструктуры и институциональных условий академической мобильности студентов и преподавателей, подобные условия либо не созданы вовсе, либо функционируют точно: последние, как правило, обусловлены высоким уровнем развития конкретного вуза, при этом неизменно связаны с высокой степенью риска для преподавателей, устраивающихся на работу в европейский вуз.

Нельзя не отметить и тот факт, что реализуемая сегодня в профессиональном научно-педагогическом сообществе возможность осуществления частных поездок осложняется временным фактором: такие поездки фактически можно совершить лишь в период ежегодного оплачиваемого отпуска (каникул) или отпуска без сохранения содержания (академического отпуска), что также не способствует развитию реальной академической мобильности в России.

В течение последних десяти лет в юридической научной печати появляются публикации с призывом к законодателю определить, наконец, что он понимает под академической мобильностью научно-педагогических работников, дать легальное определение, закрепить его в ФЗ «Об образовании», а не ограничиваться отрывочным упоминанием в ведомственных нормативных правовых актах, в документах университетов и академий. Как справедливо отмечают Н.А. Шевелева, Н.И. Дивеева, А.В. Бабич, И.А. Васильев, законодатель, к сожалению, трактует указанный термин эклектично и ситуативно, хотя следует признать, что проблема студенческой мобильности все же находит определенное решение [6, с. 163].

Следует, на наш взгляд, поддержать инициативу о включении понятия «Международная академическая мобильность» в ФЗ «Об образовании» [2], возможно именно тогда появятся предпосылки к созданию реального механизма обеспечения прав российских преподавателей в сфере академической мобильности.

Подводя итоги краткому освещению проблемы реализации норм Болонской декларации об академической мобильности,

хочется отметить, что специфика преподавания юриспруденции не позволяет преподавателям права в полной мере участвовать в общеевропейском образовательном процессе. Представляется важным, при этом, определить сферу общеобразовательных, историко-правовых и философско-правовых дисциплин, которые были бы сферой пересечения предметных областей в общем образовательном пространстве для российских и зарубежных специалистов. Использование же возможностей дистанционной формы обучения позволит на краткосрочном этапе (насколько это возможно) интегрировать отечественных научно-педагогических работников в работу зарубежных университетов в рамках Болонской системы, естественно, при активном участии самих преподавателей и содействии государственных структур.

Список литературы

1. Болонский процесс: глоссарий (на основе опыта мониторингового исследования) / под ред. В. И. Байденко и Н. А. Селезневой. – Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. – С. 56–57.
2. Киселев, И.В. Законодательное регулирование реализации академической мобильности в Российской Федерации / И.В. Киселев // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 6 (57). – С. 59–67.
3. Кожевникова, Н.Ю. Влияние Болонского процесса на преобразование учебных бизнес-процессов и распределение ресурсов вуза / Н.Ю. Кожевникова // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2010. – № 11 (71). – С. 98–102.
4. Козырин, А.Н. Финансирование академической мобильности в России: развитие организационно-правовых основ / А.Н. Козырин // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2011. – Т. 6. – С. 100–112.
5. Пьянова, О.А. Сущность Болонского процесса в европейском образовательном пространстве и причины присоединения России к этому процессу / О.А. Пьянова // Инновационное образование и экономика. – 2009. – № 4. – С. 22–24.
6. К вопросу о понятии академической мобильности научно-педагогических работников / Н.А. Шевелева, Н.И. Дивеева, А.В. Бабич, И.А. Васильев // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 161–165.

2.4. Цифровизация системы здравоохранения в период пандемии*

Платонова Наталья Игоревна

Пандемия Covid-19 повлияла и влияет на все страны мира, затронув все сферы жизни общества, став угрозой национальной безопасности номер один любого и каждого государства на планете. Не зависимо от уровня экономического развития, политического и иных факторов, страны показали свою неготовность противостоять биологической угрозе. В области государственного управления здравоохранения стала очевидной резкая необходимость более глубокого имплементирования современных технологий, позволяющих принимать управленческие решения исходя из актуальных потребностей общества. Можно говорить о том, что именно пандемия стала своего рода «триггером» для развития цифровых технологий в области здравоохранения. Цифровая трансформация данной области началась не сегодня, однако именно в условиях пандемии современные технологии в области охраны здоровья граждан становятся наиболее востребованными. Среди них особое внимание уделяется телемедицинским технологиям, позволяющим консультировать пациентов в бесконтактном режиме. Более того, ввиду того, что во многих регионах России вынужденно перепрофилированы больницы для приема больных вирусом Covid-19, ограничены возможности получения консультаций врача, вакцинации и иных факторов, уровень доступности медицинской помощи населением значительно снизился. В этих условиях телемедицинские технологии хотя и не могут стать панацеей, однако могут оказать существенное положительное влияние на доступность медицинских услуг.

Рассматривая возможности применения современных технологий в здравоохранении, отметим следующий факт. Дополнительные социальные гарантии предусматриваются для медицинских работников – борцов с коронавирусом. Однако стоит отметить, что современное оборудование, в том числе используемое в «красной» зоне, нуждается в обслуживании, однако данной кате-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00009

гории работников дополнительных гарантий со стороны государства не предусмотрено. Заметим, что развитие и внедрение современных технологий в этом случае позволили бы проводить мониторинг соответствующего оборудования, производить определенные настройки в дистанционном формате, что значительно сократило бы число лиц, вынужденных работать в опасных условиях.

Интересным представляется и предложение, высказанное в рамках гайдаровского форума 2019 года, о создании паспорта медицинского учреждения, в котором отображалась бы информация относительно профиля медицинского учреждения, наличие/отсутствие койко-мест, готовность бригады врачей, наличие свободной операционной и т.д. Здесь важно подчеркнуть, что база данных, содержащих подобные паспорта медицинских организаций должна быть открытой, доступной и актуальной, что позволило бы использовать соответствующие данные всем заинтересованным лицам. Таким образом, имея доступ к подобного рода информации в режиме реального времени, более эффективной могла бы стать работа скорой медицинской помощи [1, с. 45].

В целом стоит еще раз подчеркнуть, что цифровизация – это не самоцель. Современные технологии нужны только тогда, когда их использование позволяет добиться более высокого с точки зрения эффективности результата. Возможность сбора большого объема данных само по себе не представляет интереса [2, с. 150]. Потому крайне важно с точки зрения государственного управления системой здравоохранения создать условия для взаимодействия всех субъектов цифровой трансформации здравоохранения: государственных органов, медицинских организаций, врачей, пациентов, представителей бизнеса и IT-технологий. Возможность обмена и работы с собранными данными позволяет повысить качество самого государственного управления рассматриваемой сферой [4, с. 46], создать условия для более эффективного руководства медицинскими организациями, повысить качество медицинских услуг, сократить издержки, проводить учет и контроль над оказываемыми услугами и т.д. Здесь нельзя не отметить отсутствие на сегодняшний день должного правового регулирования соответствующих общественных отношений. В частности, в законодательстве отсутствует регулирование мобильных приложений, которые собирают данные о состоянии здоровья и образе

жизни своих владельцев. Такая информация за редким исключением не имеет цели осуществления контроля за пациентом со стороны врача, такие данные не защищаются должным образом (в силу отсутствия правового статуса таких приложений едва ли можно говорить, что собираемая информация является биометрическими данными или на нее распространяется режим врачебной тайны).

Не до конца ясен подход законодателя к развитию телемедицинских технологий. Так как законом предусматривается возможность постановки диагноза исключительно на очном приеме у врача. Однако сами такие технологии возникли и нацелены на предоставление возможности оказания медицинской помощи пациентам, не обладающим возможностью посещать медицинские организации, например, в силу их удаленности. Вместе с тем едва ли можно определить в качестве обязанности врача постановку первичного диагноза посредством телемедицинских технологий. И здесь важно на законодательном уровне предоставить право врачу отказать в постановке такого диагноза в дистанционном формате, исключая непосредственное взаимодействие с пациентом. В противном случае увеличивается риск ошибочной постановки диагноза и, как следствие, привлечения врача к ответственности. Еще одним вопросом является возможность получение лицензии медицинской организацией, осуществляющей медицинские услуги посредством телемедицины. По смыслу Постановления Правительства от 16.04.2012 №291 «О лицензировании медицинской деятельности» медицинская организация должна обладать на праве собственности или ином вещном праве зданием, сооружением или помещением, для оказания медицинских услуг. В условиях осуществления телемедицинских технологий, в дистанционном формате, указанное требование не представляется необходимым. Можно отметить и нерешенный вопрос определения и пересчета нагрузки для врачей, работающих по средствам телемедицинских технологий.

При этом стоит отметить, что Министерство здравоохранения Российской Федерации дало разъяснения относительно того, что телемедицина не является отдельным направлением медицинской деятельности, а лишь методом, способом оказания соответствующей помощи. Однако при определении требований к порядку оказа-

ния медицинской помощи посредством телемедицинских технологий стоит все же учитывать специфику такой деятельности [3, с. 17].

Говоря в целом, Россия лишь в начале пути по цифровизации здравоохранения. По опросам населения, лишь 12% медицинских работников смогли возможным оценить систему здравоохранения в России как «информатизированной». Для примера, во Франции эта цифра составляет 30%. Можно говорить о главной проблеме цифровизации здравоохранения в России, как и цифровизации экономики страны в целом, т.е. об отсутствии информатизации общества (в частности, об отсутствии интернета) на значительной части территории страны. Однако спрос населения к цифровым технологиям постепенно возрастает, что свидетельствует о положительной динамике. В завершение подчеркнем, что современные технологии в здравоохранении, будь то в области администрирования, учета и контроля или же в непосредственно при оказании медицинских услуг, технологии искусственного интеллекта не призваны заменить врачей, а лишь направлены на создание более благоприятных условий оказания медицинской помощи, повышение качества и доступности такой помощи.

Список литературы

1. Интервью Елены Кириленко, генеральный директор «Келеанз Медикал» // Новая экономическая реальность. Приложение №110 от 25.06.2020, с. 45
2. Мир в цифровую эпоху: политика, право и экономика в XXI веке / под ред. А.Ю. Мамычева. – Москва: РИОР, 2020. – 216 с.
3. Смышляев, А.В. Нормативно-правовое регулирование развития цифровых технологий в здравоохранении в Российской Федерации / А.В. Смышляев, Ю.Ю. Мельник, М.А. Садовская // Главный врач Юга России. – 2020. – №2 (72). – С. 15–18.
4. Смышляев, А.В. Телемедицинские технологии как инструмент повышения доступности медицинской помощи для населения на современном этапе: ключевые проблемы и перспективы развития / А.В. Смышляев, Ю.Ю. Мельников, И.В. Шахабов // Главврач. – 2020. – № 5. – С. 44–48.

2.5. Вызовы эпохи цифровой экономики, тренды, новые компетенции

Петрук Галина Владимировна

Цифровые технологии нового поколения все глубже охватывают все сферы человеческой жизни, прочно внедряясь в наш повседневный быт и кардинально изменяя жизнь людей. Становление цифровой экономики – это приоритетный тренд развитых стран, стратегическое направление развития на ближайшие десятилетия, от успешности которого будет зависеть конкурентоспособность страны на международном рынке. Сегодня практически всем понятны основные инструменты цифровой экономики: блокчейны, биг дата, робототехника, машинное обучение, интернет вещей, виртуальная реальность, искусственный интеллект и др.

Автоматизация все большего количества операций высокотехнологичного производства, внедрение принципиально новых прорывных технологий и цифровых бизнес-моделей, а также появление новых отраслей накладывают отпечаток на кадровые потребности общества и на требования к сотрудникам цифровой эпохи. Следовательно, рынок труда будет формироваться под воздействием основных цифровых трендов. Становится совершенно очевидным, что постепенно формируется новый «портрет» сотрудника компании, который будет удовлетворять потребности организаций в условиях тотальной цифровизации. Однако в связи с новизной возникновения данной задачи и связанной с этим слабой проработанностью процессов трансформации нет разработанной единой компетентностной модели работника нового этапа экономического развития, малочисленны работы, посвященные анализу цифровых компетенций и их структуризации. Имеющиеся исследования на сегодняшний момент, как правило, привязаны к определенным профессиям, что не дает четкости представления, какие же общие компетенции будут необходимы практически всем работникам, участвующим в развитии новой экономики. Сказанное выше позволяет сформулировать основную проблему данного исследования, которая лежит в изучении набора тех компетенций современного специалиста, которые с одной стороны, необходимы для развития цифровой

экономики, с другой – позволяют ему быть успешным и востребованным на рынке труда новой формации. Поэтому цель данного исследования состоит в изучении компетенций работника и построении модели цифровых компетенций.

Изучение вопросов, лежащих в поле данного исследования, основывалось на результатах теоретических и прикладных разработок отечественных и зарубежных ученых, посвященных процессу подготовки кадров для цифровой экономики, сущности формирования компетенций в процессе цифровизации, особенностям содержания работ периода цифровой формации. Так, были использованы результаты анализа специфики современной подготовки кадров для цифровой экономики [12, 13, 8, 10], требования к кадрам цифровой экономики [1, 6, 7, 18], корпоративные модели компетенций, разработанные в ведущих компаниях [11, 18]. Кроме того, в качестве информационной базы исследования были использованы законодательные и нормативные документы: программа «Цифровая экономика», Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», программа «Кадры для цифровой экономики», а также официальные статистические данные и экспертные прогнозные оценки потребности экономики России в кадрах для цифровой экономики.

Методы. В работе использованы как общенаучные, так и специальные методы исследования, такие, как контент-анализ, позволяющий оценить научный задел предыдущих исследований, системно-деятельностный и факторный анализ – для изучения конкретных факторов, обуславливающих изменение компетентностной модели сотрудника компаний.

За счет развития IT-технологий человечество перешло в новый вид цивилизации, произошла смена информационной эры на цифровую, где главным стратегическим ресурсом выступают данные. Можно сказать, что они становятся новой валютой. В Указе Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» цифровая экономика рассматривается как сектор экономики, ключевым фактором которого являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов информации и использование результатов анализа, которые в сравнении с традиционными формами хозяйствования позволят увеличить эффективность разных видов

технологий, производства, оборудования, продажи, хранения, доставки товаров и услуг. В Российской Федерации от 27 июля 2017 года была утверждена Программа «Цифровая экономика», где описана стратегия развития информационного общества, целью которой является улучшение благосостояния жизни граждан за счет повышения цифровой грамотности, а также качеств работ и услуг, которые оказываются за счет современных цифровых технологий. Концепция постиндустриального общества получила свое воплощение в цифровой экономике. Рассматривая постиндустриальное общество, можно отметить, что основными составляющими интеллектуального капитала являются: человеческий капитал (навыки, знания, ценности, способности); организационный капитал (программное и техническое обеспечение, организационная структура и культура организации, товарные знаки); потребительский капитал (информация о клиентах, связь с ними, история взаимоотношений, торговая марка). Трансформация постиндустриального общества в цифровую экономику существенно изменяет структуру интеллектуального капитала. Системы искусственного интеллекта и интернета вещей, кибернетический подход заменяет и замещает основные составляющие интеллектуального капитала. Движущей силой в ней является использование инфокоммуникативных технологий во всех сферах человеческой деятельности. Трансформация рынка труда происходит за счет тотальной автоматизации, вследствие чего физический труд становится менее востребованным, рутинное производство исчезает, развивается пассивное предпринимательство, расширяются блокчейн технологии, происходит децентрализация ресурсов и информатизация производства. Согласно исследованиям, от 4 до 50% профессий могут исчезнуть по причине цифровизации с вероятностью 70% в результате автоматизации [14; 18], до 19% всех рабочих могут быть замещены роботами на 81% [18]. Наиболее подверженными автоматизации являются такие профессии как, аналитики компьютерных систем, хирурги, психологи, терапевты, управляющие кадровыми ресурсами и генеральные директора. В зоне риска находятся и специалисты по заполнению налоговых деклараций и телефонным продажам, бухгалтера, арбитры и судьи, подрядчики, страховые оценщики, агенты по продаже недвижимости, курьеры и секретари [14]. Что накладывает отпечаток на работника и что же отличает

сотрудника компании цифровой экономики, – эти вопросы в менеджменте интересуют не только теоретиков, но и практиков, и в последние годы ответы на них начинают появляться в научной литературе [3; 5; 8; 9; 10]. Поскольку содержание работ влияет на набор необходимых компетенций необходимым является определение отличий предприятий, работающих в условиях цифровой трансформации, оказывающие влияние на работника. Это использование ими цифровых и инновационных технологий, VI-платформ, большого объема информации, внедрение программного обеспечения, цифрового производства, использование электронных каналов связи, электронного документооборота, высокого уровня автоматизации [2, 4]. Иными словами, в условиях цифровых изменений, требования к компетенциям сотрудников стремительно изменяются, и кандидат на должность должен обладать цифровой грамотностью, набором определенных знаний и умений, которые необходимы для эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернет [3; 12], причем не только для специальностей, которые напрямую создают цифровые продукты, но и всем другим сотрудникам организации. Анализ структуры деятельности работников показывает, что в основе лежат цифровые компетенции – это способности человека решать различные задачи в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, умение находить и обмениваться необходимой информацией, при помощи цифровых технологий создавать и использовать контент, эффективные коммуникации с другими людьми и компьютерное программирование [3]. Так, согласно американскому подходу, компетенции описывают поведение работника, который обладает определенным набором необходимых качеств, демонстрирует правильное поведение и достигает желаемого результата в своей работе [8]. В программе «Кадры для цифровой экономики» перечислены ключевые компетенции, которыми должен владеть работник эпохи цифровизации. Наложение особенностей предприятий цифровой эпохи и основных знаний, умений и цифровых навыков сотрудника, которыми он должен обладать, получаем описание ключевых универсальных компетенций (табл. 1).

**Ключевые универсальные компетенции сотрудников
в цифровой экономике**

Черты предприятий цифровой экономики	Основные умения, которыми должен владеть сотрудник	Ключевые компетенции цифровой экономики
Избыток информации	поиск, отбор, переработка и оценка информации, данных и цифрового контента; организация и управление информацией, данными и цифровым контентом	Аналитика данных, управление информацией
Сплошная автоматизация всех процессов в единую информационную систему	взаимодействие с помощью использования цифровых технологий; обмен информацией, данными с помощью цифровых технологий; участие в общественной жизни посредством цифровых технологий	Коммуникация и кооперация в цифровой среде
Внедрение безбумажных технологий (оцифрованные документы)	создание, развитие, переработка и интеграция цифрового контента; умение эффективно использовать информацию с электронных носителей	Креативное мышление
Применение цифровых технологии	определение потребностей и технологических решений; креативное использование цифровых технологий; грамотное использование авторских прав и лицензий	Критическое мышление в цифровой среде
Высокая степень риска несанкционированного доступа к информации	защита устройств (предотвращение утечки информации); защита персональных данных	Информационная безопасность и защита информации
Возникновение неполадок технического оснащения	определение потребностей и технологических решений; грамотное устранение технических проблем; определение, в каких цифровых компетенциях есть проблемы	Саморазвитие в условиях неопределенности
Интеллектуализация деятельности (автоматизация принятия решений систем)	умение управлять роботизированными процессами; способность разработки последовательных и ясных команд для вычислительной техники	Коммуникация и кооперация в цифровой среде

Таким образом, в условиях переизбытка информации и большого количества «информационного мусора» сотрудник должен обладать способностью отбирать необходимую информацию и создавать новую из множества уже существующих вариантов. Наиболее важными профессиональными качествами становятся системные и когнитивные способности, способность решения сложных задач, обработки большого массива и создания новых данных. Данные компетенции являются *базовыми, фундаментальными или ключевыми универсальными*. Но поскольку в цифровой экономике меняются основные требования к работникам, то в сотруднике более ценится не конкретная специализация, а способность к адаптации, умение самообучаться, саморазвиваться, самообразовываться. Эра цифровой экономики смещает фокус с образовательного аспекта на возможности человека, он должен постоянно быть в процессе самосовершенствования. Обучение теперь направляется на освоение и улучшение навыка получать и создавать новые знания, которые можно использовать на практике. Таким образом, становится очевидным, необходимость непрерывного развития как *ключевых универсальных*, так и *надпрофессиональных когнитивных* компетенций сотрудников современных компаний, в рамках реализации парадигмы «образование на протяжении всей жизни».

Рынок изменяет свои требования с квалификационных на требования к компетентности, а конкретно к умению принимать решения в условиях неопределенности и возможности организовать эффективную работу. Оценивают потенциал работника с помощью оценки адекватности его реакции на постоянное изменение информационного пространства, т.е. цифровизация влечет за собой перестройку системы образования и подготовки кадров. Организации стремятся перестроить свои базы обучения и развития сотрудников с учетом новых требований рынка. В поиске новых сотрудников компании происходит отбор более эрудированных сотрудников, способных воспринимать постоянные изменения информационного пространства. Кроме того, специалист должен еще и обладать коммуникативными навыками, умением вести переговоры, клиентоориентированностью, открытостью, лидерскими качествами, адаптивностью, т.е. *социально-коммуникативными компетенциями*.

Таким образом, можно представить модель цифровых компетенций сотрудников в цифровой экономике, которая состоит из следующих основных элементов: *профессиональные или ключевые компетенции и надпрофессиональные компетенции*, которые в свою очередь делятся на *социально-коммуникативные и когнитивные*.

В условиях интенсивного развития информационного общества государство, бизнес научное и образовательное сообщество стоят перед необходимостью согласованного определения требований к общему, профессиональному и дополнительному образованию по формированию и наращиванию компетенций цифровой экономики, понимая, что экономика очень динамично, востребованные компетенции будут изменяться стремительно и не будут универсальными. Поэтому образование должно будет пойти двумя путями:

- обучение цифровым компетенциям в процессе образовательного процесса бакалавров, магистров, аспирантов;
- обучение специалистов, которые имеют профессиональное образование по развитию цифровых компетенций через короткие образовательные программы и через формирование индивидуальных образовательных траекторий.

Цифровая экономика особенно динамична, внешние условия постоянно меняются, диктуя предприятиям и организациям новые требования, подчиняясь которым они либо остаются конкурентоспособными, либо просто «погибают». Для их успешной трансформации необходимы специалисты, обладающие новыми компетенциями, таким образом, цифровизация накладывает существенное влияние на портрет сотрудников компании, предъявляя к ним особые требования. Цифровые навыки становятся критически важными. Кроме того, как показало исследование, цифровой мир требует от сотрудника не только владение цифровыми компетенциями, владеть цифровыми технологиями и быть IT-грамотным, но и постоянное саморазвитие и самообразование, обладание коммуникативными навыками и эмоциональным интеллектом, поскольку они являются системными элементами модели цифровых компетенций и позволяют быть конкурентоспособными на рынке труда. Это позволяет сделать вывод о том, что в век цифровой экономики на первый план выходят не только цифровые компетенции, но личностные качества сотрудника, а также

его возможность быстро адаптироваться в постоянно изменяющихся в условиях.

Кадры становятся стратегическим активом, как компаний, так и государства, от них будет зависеть успешность в реализации технологического прорыва цифровой экономики. Необходимость развития кадрового потенциала, в соответствии с представленной моделью цифровых компетенции сотрудников, к новым требованиям времени диктует задачу поиска новых современных подходов к подготовке и переподготовке кадров, что является задачей следующих исследований

Список литературы

1. Belov, V. Educational sector and labor market of the European Union: problems and prospects / V. Belov, N. Govorova // SHS Web of Conferences. – 2016. – Т. 29, 02004.

2. Gladilina, I.P. Theory and Practice of Managing Public Procurement Based on Key Professional Competencies / I.P. Gladilina // European Research Studies Journal. – 2017. – Vol. XX, Iss. 4B. – P. 439–452.

3. Давыдов, С.Г. Цифровая грамотность российских регионов: индустриальный взгляд. XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 3. 2017 / С. Г. Давыдов, О.С. Логунова, А.В. Шариков. – Москва, Издательский дом НИУ ВШЭ. – С. 238–246.

4. Dahlberg, T. Framework for the Corporate Governance of Data / T. Dahlberg, T.A. Nokkala // Theoretical Background and Empirical Evidence. Business, Management and Education. – 2015. – № 13(1). – С. 25–45.

5. Затеякин, О.А. Рискогенность формирования качества рабочей силы в современных социально-экономических условиях / О.А. Затеякин // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2015. – №1 (29). – С. 63–79.

6. INSEAD: The Global Talent Competitiveness Index 2018. Diversity for Competitiveness. Fontainebleau, France. – URL: <https://www.insead.edu/global-indices/gtci>

7. INSEAD: The Global Talent Competitiveness Index 2019. Entrepreneurial Talent and Global Competitiveness. Bruno Lanvin, Felipe Monteiro, Editors. <https://gtcistudy.com/wpcontent/uploads/2019/01/GTCI-2019-Report.pdf>

8. Куприяновский, В.П. Навыки в цифровой экономике и вызовы системы образования / В.П. Куприяновский // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2017. – №1. – С. 19–25.
9. Лясковская, Е.А. Проблемы подготовки качественных трудовых ресурсов при реализации концепции устойчивого и инновационного развития / Е.А. Лясковская // *Вестник Башкирского гос. аграрного университета*. – 2017. – №4 (44). – С. 137–145.
10. Otto, V.A. Morphology of the organisation of data governance / Otto, V.A. // *ECIS*. 2011. Trudy, 272. – URL: <https://aisel.aisnet.org/ecis2011/272>
11. Raven, J. Competence in modern society: Identification, development and implementation. Unionville, 1984 / J. Raven. – New York: Royal Fireworks Press.
12. Тимофеева, Н.М. Цифровая грамотность как компонент жизненных навыков / Н.М. Тимофеева // *Психология, социология и педагогика*. – 2015. – № 7 (46).
13. Шмелькова, Л.В. Кадры для цифровой экономики: взгляд в будущее / Л.В. Шмелькова // *Дополнительное профессиональное образование в стране и мире*. – 2016. – № 8. – С. 1–4
14. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб; пер. с англ. – Москва: Эксмо, 2016. – 208 с.
15. Gilster, P. Digital Literacy / P. Gilster. – Нью-Йорк: Wiley Computer Publishing, 1997.
16. Pomäki, L. What is digital competence? Linked portal. Brussels / L. Pomäki, M. Lakkala, A. Kantosalo // *European Schoolnet (EUN)*. – 2011. – С. 1–12.
17. Lasarus, R. Stress, appraisal and coping. Measuring the information society / R. Lasarus, S. Folkman. – Geneva: International Telecommunication Union, 2012. – URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/material/2012/MIS2012_without_Annex_4.
18. Россия 2025 от кадров к талантам Октябрь 2017 // *The Boston Consulting Group* <https://vbudushee.ru/upload/iblock/6c6/6c6770e0c564c4192f6c3631c74c62fb.pdf>

2.6. Человек как робот

Исаев Александр Аркадьевич

Сегодня среди ученых и специалистов отсутствует единый взгляд на такое понятие как «человек». Одной из основных причин сложившейся ситуации является игнорирование большинством антропологов такой научной отрасли как *кибернетическая антропология (киберантропология)*. Согласно кибернетическая антропология человек – это высокоразвитый биоробот, который функционирует на основании определенных программ (как врожденных, так и сформированных в процессе жизни) [1;2]. У истоков кибернетической антропологии стоял «отец кибернетики» Н. Винер, автор известной работы «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» [7]. О программах человека писал и Дж. Лилли в известной работе «Программирование и метапрограммирование в человеческом биокомпьютере. Теория и эксперименты» [6].

Целью настоящей статьи является получение ответов на вопросы: 1) из каких элементов состоит система управления «Человек»; 2) что представляет собой ее субъект управления; 3) какова структура элементарных программ человека; 4) какую роль в жизни человека играют основные психические феномены (идентификаторы, ощущения, чувства, эмоции)?

1. Система управления «Человек»

В первом приближении человек – это компьютеризированная система управления, которая состоит из четырех элементов (рис. 1):

- 1) органическая машина (объект управления);
- 2) управляющий орган (субъект управления);
- 3) устройство «прямой связи» (Исполнительное устройство);
- 4) устройство «обратной связи» (Коммуникационное устройство).

Целью функционирования системы «Человек» является удовлетворение различных потребностей (соматических или ментальных). При этом под «*потребностью*» понимается нехватка так называемых «необходимых объектов потребления» в данной ситуации. Причем характер необходимых объектов потребления,

а также их оптимальный объем определяются соответствующими программами человека (врожденными или приобретенными).

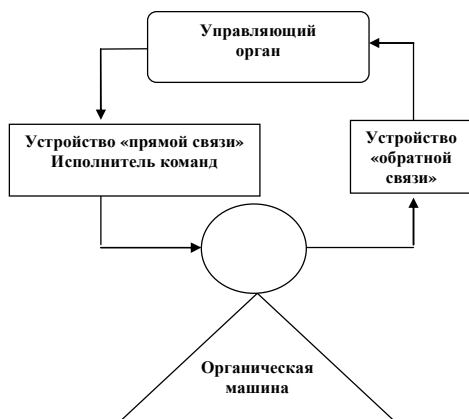

Рис. 1. Общая структура системы управления «Человек»

Управляющий орган напоминает компьютер, который дает команды, как *Органическая машина* человека должна вести себя в данной ситуации. Причем местонахождение кибернетическая антропология не уточняет. *Управляющий орган* рассматривается как «черный ящик».

В основе функционирования *Управляющего органа* лежит определенная «библиотека программ». Каждая из элементарных программ *Управляющего органа* включает два «привязанных друг к другу» элемента: 1) сведения (например, сведения о состоянии материала *Органической машины*) и 2) команда (например, команда, как *Органическая машина* должна вести себя в данный момент).

Непосредственным получателем команд *Управляющего органа* является *Устройство «прямой связи» (Исполнительное устройство)*, которое непосредственно приводит в движение *Органическую машину*.

Устройство «обратной связи» информирует *Управляющий орган*, прежде всего о том, что происходит с материалом *Органической машины*, а также с какими объектами внешней среды она контактирует в данный момент. Основная цель *Устройства «обратной связи»* состоит в том, чтобы подвергнуть коррекции неоптимальное поведение *Органической машины*. Например, выполнение команды

«ищи пищу» может привести *Органическую машину* в западню. В такой ситуации *Управляющий орган*, используя рациональное мышление, отказывается от старой команды и дает новую команду, корректирующую поведение *Органической машины*.

Принцип функционирования *Управляющего органа* следующий. Сначала на основании комплекса сведений о состоянии материала, полученный *Управляющий орган* ищет в «библиотеке программ» соответствующую элементарную программу, а затем выявляет команду, которая связана с такой программой.

Принцип управления *Органической машиной* можно продемонстрировать на примере рефлекса отдергивания руки при случайном поднесении ее к огню.

Согласно кибернетической антропологии, поднесение руки человека (как части его *Органической машины*) к огню всегда является следствием определенной команды. Причем в контексте борьбы за существование команды могут быть правильными и неправильными. Очевидно, что случайное поднесение руки к огню является следствием неправильной команды «перемещай руку в данном направлении». В таких случаях программы *Управляющего органа* предусматривают отказ от первой команды и подачи второй команды – «убирай руку от огня», которая и ведет к отдергиванию руки от огня.

2. Структура *Управляющего органа*

В общих чертах *Управляющий орган* состоит из трех элементов (рис. 2):

- 1) совершенный компьютер;
- 2) сенсор (Душа);
- 3) персональный компьютер.

Совершенный компьютер – элемент субъекта управления, который хранит информацию о бесчисленном множестве объектов во Вселенной, различных состояниях материала *Органической машины* индивидов, недопустимости отдельных состояний *Органической машины* и мыслей человека, а также является непосредственным приемником сигналов *Органа «обратной связи»*.

Свою очередь *Совершенный компьютер* является управляющим устройством по отношению к *Сенсору* и на основании своих программ дает последнему соответствующие команды. Например, при произвольном поднесении руки к огню *Совершенный компьютер* сообщает *Сенсору* о повреждении материала *Органической машины*, что представляет опасность для человека.

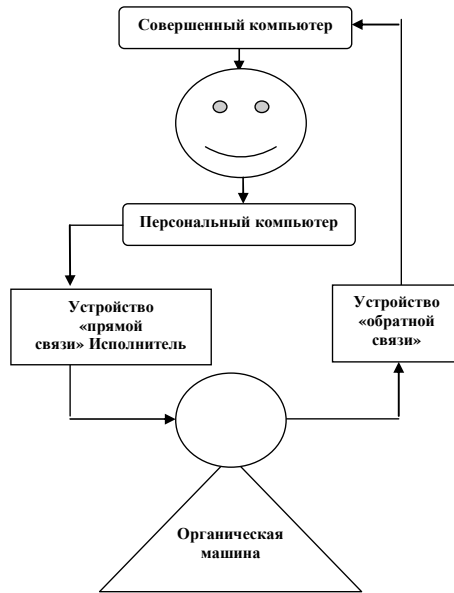

Рис. 2. Детализированная структура системы управления «Человек»

Сенсор (Душа) – это орган, который непосредственно видит, слышит, думает, радуется, страдает и т.д. Основная цель *Сенсора* – вызвать соответствующие психические реакции, говорящие о правильном (или неправильном) поведении человека в данной ситуации. Прежде всего, речь идет о таких психических феноменах, как *чувства и эмоции*.

Персональный компьютер – несовершенный, развивающийся орган человека, команды которого не являются оптимальными изначально. Функционирование *Персонального компьютера* связано с двумя типами мышления: *рациональное и иррациональное*. Основная задача «Человека» – приблизить *Персональный компьютер* по уровню развития к *Совершенному компьютеру*.

3. Психические феномены

Кибернетическая антропология различает пять основных психических феноменов:

- идентификаторы;
- ощущения;
- чувства;

- эмоции;
- мысли.

Идентификаторы – это реакции *Управляющего органа* на сигналы *Устройства «обратной связи»*, позволяющие отличить одни объекты от других. *Идентификаторы* связаны с деятельностью органов зрения, слуха, вкуса, осязания, обоняния (традиционно их называют «органами чувств»).

Ощущения – это реакции *Управляющего органа* на сигналы *Устройства «обратной связи»*, позволяющие понять, насколько полно удовлетворена потребность человека в жизненно важных необходимых объектах потребления (потребность в продуктах питания, воде, кислороде и т.д.).

Чувства – это реакции *Управляющего органа* на сигналы *Устройства «обратной связи»*, несущие информацию о том, что происходит с материалом *Органической машины*. Согласно программам человека, разрушение материала *Органической машины* недопустимо. В этой связи чувства делятся на две группы: положительные и отрицательные. То есть на чувства, которые говорят о «правильном» состоянии материала *Органической машины* в данный момент (чувство удовлетворения) и чувства, которые говорят о «неправильном» состоянии материала *Органической машины* (чувство боли).

Следует учитывать, что *Органическая машина* человека находится в постоянном взаимодействии с другими объектами внешней среды. В этой связи определенное чувство является следствием правильной (или неправильной) команды соответствующей структуры *Управляющего органа* в данной ситуации в контексте удовлетворения соответствующей потребности. Например, когда вместо правильной команды «Убегай», одна из структур *Управляющего органа* дает неправильную команду «Бей». Причем хотелось бы подчеркнуть, что конфликт между командами различных структур *Управляющего органа*, – это, как правило, конфликт между рациональным и иррациональным мышлением.

Таким образом, чувства являются индикаторами, «подсказками», которые позволяют определить, насколько правильной (или неправильной) была предыдущая команда *Управляющего органа* в данной ситуации. Кстати, еще в «Аналитической психологии» К.Г. Юнг рассказывал об ученых, считавших, что чувство – это «незаконченная», «ущербная», «хромая» мысль [5].

Эмоции – это реакции *Управляющего органа* на степень удовлетворения комплекса потребностей индивида.

Как и чувства, эмоции могут быть позитивными и негативными. Позитивные эмоции – это следствие высокой степени удовлетворения данного комплекса потребностей, негативные эмоции, – соответственно. Особенность человека такова, что он совершает определенные действия лишь тогда, когда они приведут к более полному удовлетворению соответствующих потребностей в сравнении с альтернативными действиями [2]. В этой связи эмоции являются мотиваторами (или демотиваторами) деятельности человека. Кстати, о том, что эмоции следует рассматривать, как «мотивационную систему» писал К. Изард в «Эмоциях человека» [4].

Мысли – это психические феномены, связанные с поиском соответствующими структурами *Управляющего органа* путей удовлетворения различных потребностей.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что особенность системы управления «Человек» состоит в существовании такого уникального, не имеющего аналогов среди технических систем органа как *Сенсор (Душа)* (в этой связи любые, не имеющие *Душу* человекообразные роботы не могут рассматриваться полноценными людьми изначально). Вместе с тем, основные положения современной киберантропологии могут быть использованы при создании искусственного интеллекта нового поколения (речь идет об имитации психической системы человека).

Список литературы

1. Исаев, А.А. Психология биоробота / А.А. Исаев. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 86 с.
2. Исаев, А.А. Психопрограммистика / А.А. Исаев. – Москва: Директ-Медиа, 2019. – 62 с.
3. Симонов, П.В. Что такое эмоция? / П.В. Симонов. – Москва: Наука, 1966. – 94 с.
4. Izard, C.E. Human emotions / C.E. Izard. – New York, Plenum Press, 1977.
5. Junge, C.G. Analytical psychology: Its Theory and Practice. The Tavistock Lectures / C.G. Junge. – London a. Henley, 1968.
6. Lilly, J.C. Programming and Metaprogramming in the Human Biocomputer. Theory and Experiements / J.C.. Lilly. – New York, Julian Press, 1967. – 160 p.
7. Wiener, N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine / N. Wiener. – New-York, Wiley and Sons Inc., 1948.

2.7. Информационные технологии как инструмент совершенствования взаимодействия таможенных органов и субъектов внешнеэкономической деятельности

Смолянинова Елена Николаевна

Енакиева Элина Витальевна

Лихова Алла Борисовна

Актуальность исследования заключается в том, что применение системы межведомственного электронного взаимодействия и механизма «единого окна» позволит таможенным органам выйти на принципиально новый уровень информационного взаимодействия с субъектами внешнеэкономической деятельности. При этом системы межведомственного электронного взаимодействия реализуется в Российской Федерации в виде механизма «единого окна». Следовательно, совокупное применение механизма «единого окна» и блокчейна является одним из условий развития информационных технологий при совершении в отношении товаров таможенных операций и таможенного контроля, что будет способствовать совершенствованию деятельности таможенных органов и субъектов ВЭД.

Целью исследования является выявление необходимости применения системы межведомственного электронного взаимодействия и механизма «единого окна» и описания того, как это применение позволит таможенным органам выйти на принципиально новый уровень информационного взаимодействия с субъектами внешнеэкономической деятельности. Для достижения цели необходимо решение следующих задач: изучения основных проблем, с которыми можно будет столкнуться в процессе внедрения данной технологии, описания этих проблем и изучения применения данной технологии на примере других стран.

Методологическая база данного исследования основывается на синтезе различных проблем, с которыми можно столкнуться в процессе выполнения поставленной нами цели. Широкий спектр аналитического инструментария дает основания для глубокого и многогранного исследования интересующей нас технологии и ее применения в частности.

Основная часть. В практике развития и внедрения технологий «единого окна» и блокчейна как пути межведомственного информационно-технического взаимодействия существуют проблемы, которые необходимо решать.

Первая проблема применения технологий «единого окна» и блокчейна заключается в том, что в Российской Федерации до конца не разработан государственный механизм по практической реализации данных технологий. Говоря иными словами, на сегодняшний день в нашей стране не разработана дорожная карта по внедрению данных механизмов в процесс межведомственного информационно-технического взаимодействия между таможенными органами и иными уполномоченными государственными контролирующими органами. С одной стороны, российское законодательство в сфере таможенного дела и системы межведомственного электронного взаимодействия регламентирует применение и «единого окна», и блокчейна при осуществлении с товарами таможенных операций и таможенного контроля (существует эталонная модель применения технологий «единого окна» и блокчейна), но, с другой стороны, алгоритм действий для достижения конечной цели эталонной модели между таможенными органами и иными уполномоченными государственными контролирующими органами не разработан. Это связано в первую очередь с тем, что технологии «единого окна» и блокчейна при совершении с товарами таможенных операций и таможенного контроля направлены на совершенствование деятельности только таможенных органов при условии, что иные уполномоченные государственные контролирующие органы могут эффективно осуществлять свою деятельность и без данных технологий [5].

Следовательно, на сегодняшний день не регламентирован ответственный государственный контролирующий орган за внедрение в систему межведомственного электронного взаимодействия технологий «единого окна» и блокчейна» (то есть не определен государственный контролирующий орган или группа государственных контролирующих органов, которые возьмут на себя ответственность за полную разработку и внедрение в систему межведомственного электронного взаимодействия технологий «единого окна» и блокчейна). Без вмешательства Правительства Российской Федерации в процесс развития технологий «единого окна» и блокчейна в систему межведомственного электронного

взаимодействия будет проходить очень медленно, что не даст таможенным органам возможности оперативно развивать взаимодействие с субъектами внешнеэкономической деятельности, что в свою очередь является приоритетной программой по развитию таможенной службы до 2030 года [3].

Вторая проблема применения механизма «единого окна» и блокчейна как пути межведомственного информационно-технического взаимодействия заключается в разном уровне информационного развития таможенных органов и иных уполномоченных государственных контролирующих органов. Другими словами, в электронном обмене информацией о перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров принимают участие уполномоченные государственные контролирующие органы с разным уровнем технического и технологического развития, что также негативным образом влияет на работу системы межведомственного электронного взаимодействия, то есть, не у всех уполномоченных государственных контролирующих органов автоматизированные системы получения и обработки данных развиты на достаточном уровне, что приводит к разной скорости анализа данных и оценке возможных рисков несоблюдения субъектами внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства.

Следовательно, для того чтобы технологии «единого окна» и блокчейна могли функционировать на эффективном уровне необходимо унифицировать единую автоматизированную информационную систему таможенных органов и единую автоматизированную информационную систему иных уполномоченных государственных контролирующих органов, что невозможно сделать без приведения единой автоматизированной информационной системы иных уполномоченных государственных контролирующих органов в единое информационно-техническое соответствие с единой автоматизированной информационной системой. Более того, как показала практика, например, Россельхознадзора и Роспортебнадзора, далеко не все уполномоченные государственные контролирующие применяют систему управления рисками при анализе информации, поступающей от субъектов внешнеэкономической деятельности в отношении перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров (только Федеральная таможенная службы России и

Федеральная налоговая служба России), что не дает возможность таможенным органам анализировать информацию с точки зрения управления рисками, которая аккумулируется у иных уполномоченных государственных контролирующих органов (на сегодняшний день для полноценного риск-категорирования товаров системы управления рисками может анализировать только ту информацию о товарах и субъектах внешнеэкономической деятельности, которая содержится в базах данных Федеральной таможенной службы России и Федеральной налоговой службы России).

Именно данная ситуация не позволяет применять технологии «единого окна» и блокчейна при совершении с товарами отдельных таможенных операций, например, при совершении таможенного декларирования товаров и проведения в отношении них документального и фактического таможенного контроля.

Третья проблема применения технологий «единого окна» и блокчейна как пути межведомственного информационно-технического взаимодействия заключается в недостаточной заинтересованности субъектов ВЭД в их применении при осуществлении с товарами таможенных операций при их перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза. Говоря иными словами, не смотря на то, что при осуществлении с товарами, например, таможенного декларирования, у субъектов ВЭД есть возможность заявлять в графе 44 электронной декларации на товары минимальное количество сопроводительных документов (только те, которые подтверждают сведения о товарах), при этом большинство декларантов продолжают заполнять графу 44 электронной декларации на товары с указанием в ней максимального количества сопроводительных документов, что приводит к увеличению сроков выпуска товаров в соответствии с той или иной таможенной процедурой [1].

Это связано с тем, что при осуществлении таможенного декларирования товаров большинство участников внешнеэкономической деятельности с целью минимизирования количества дополнительных запросов документов или сведений со стороны таможенных органов заявляют в таможенные органы те сопроводительные документы, которые могут быть получены с помощью применение технологий «единого окна» и блокчейна [4].

Более того, как показала практика работы декларантов с Федеральной налоговой службы России после выпуска товаров, не

смотря на то, что между Федеральной таможенной службой России и Федеральной налоговой службой России развита система межведомственного электронного взаимодействия с применением блокчейна, налоговые органы продолжают требовать от декларантов подтверждения применения нулевой ставки НДС и возврата НДС при экспорте товаров (также в налоговые органы декларанты продолжают представлять бумажный вид электронной декларации на товары с отметкой о дате фактического экспорта товаров с таможенной территории ЕАЭС).

В случае если вместе с налоговой декларацией субъект ВЭД не представит в налоговые органы бумажную копию электронной декларации на товары с отметкой о дате фактического экспорта товара с таможенной территории ЕАЭС он не сможет получить налоговую льготу (налоговый вычет), даже если налоговая льгота была применена субъектом внешнеэкономической деятельности на законных основаниях. Это свидетельствует о том, что при осуществлении межведомственного информационно-технического взаимодействия между таможенными органами и иными государственными контролирующими органами, не смотря на внедрение в данную систему технологий «единого окна» и блокчейна на практике должностные лица налоговых органов продолжают требовать от субъектов внешнеэкономической деятельности бумажные копии таможенных документов.

Четвертой проблемой применения технологий «единого окна» и блокчейна как пути межведомственного информационно-технического взаимодействия является то, что при осуществлении информационного взаимодействия с субъектами внешнеэкономической деятельности каждый уполномоченный государственный контролирующий орган использует свое программное обеспечение, которое не унифицировано с программным обеспечением других уполномоченных государственных контролирующих органов. Такая ситуация приводит к тому, что техническим разработчикам технологий «единого окна» и блокчейна достаточно сложно унифицировать единую автоматизированную информационную систему всех уполномоченных государственных контролирующих органов в единую электронную систему, что и является основной причиной, которая тормозит внедрение технологий «единого окна» и блокчейна в системе межведомственного электронного взаимодействия как основного пути ее развития [4].

Как было отмечено ранее, в качестве примера единой автоматизированной информационной системы, которая построена с применением технологий «единого окна» и блокчейна, можно привести комплекс программных средств «Портал Морской порт». Однако и комплекс программных средств «Портал Морской порт» на современном этапе своего информационно-технического развития нельзя назвать полноценной системой межведомственного электронного взаимодействия с применением технологий «единого окна» и блокчейна, поскольку данная информационная система состоит из двух блоков: ведомственного, который применяется только должностными лицами таможенных органов и внешнего, который применяется иными уполномоченными государственными контролирующими органами с соответствующего разрешения таможенных органов. То есть, доступ к предварительной информации о прибывающих на таможенную территорию Евразийского экономического союза товаров иные уполномоченные государственные контролирующие органы могут получить только после того, как она будет обработана таможенными органами в ведомственной подсистеме комплекса программных средств «Портал Морской порт».

Следовательно, без соответствующих действий со стороны таможенных органов иные уполномоченные государственные контролирующие органы не могут получить доступ к предварительной информации о товарах и морских судах, которая аккумулируется в ведомственной подсистеме комплекса программных средств «Портал Морской порт».

Научная новизна исследования заключается в том, что механизм «единого окна» при импорте товаров морским видом транспорта долгие годы применяется во многих странах мира. Одними из первых стран, которые стали применять механизм «единого окна» при прибытии товаров морским видом транспорта были Сингапур, США, Япония и страны Европейского союза. В дальнейшем механизм «единого окна» при проведении таможенного контроля товаров и транспортных средств, стали применять в Австралии, Англии, Китае, Южной Корее и т.д.

Первой в мире страной, которая внедрила в деятельность таможенных органов механизм «единого окна» при прибытии товаров морским видом транспорта стал Сингапур. В 1989 году Правительство Сингапура запустило в тестовом режиме подачу

предварительной информации при прибытии товаров в электронном виде с помощью информационной системы TradeNet, которая стала основой для создания Автоматизированной информационно-расчетной системы, применяемой не только при осуществлении предварительного информирования сингапурских таможенных органов, но и при помещении товаров под различные таможенные процедуры. Развитие информационной системы TradeNet продолжалось до 2007, а финансированием ее развития занималось не только государство, но и крупные субъекты внешнеэкономической деятельности [2].

На основании информационной системы TradeNet в 2007 году в Сингапуре была запущена информационная система TradeXchange, которая позволила упростить порядок взаимодействия сингапурских субъектов внешнеэкономической деятельности не только с таможенными органами, но и с другими уполномоченными государственными органами страны, которые так или иначе принимают участие в государственном контроле за перемещение товаров через таможенную границу Сингапура. При этом создание платформы TradeXchange было межведомственной инициативой, которая была поддержана Правительством Сингапура, а также такими организациями как Совет экономического развития и Агентство Сингапура по развитию информационных коммуникаций.

Сингапурская информационная система TradeXchange является аналогом российского механизма «единого окна» и применяется при предварительном информировании таможенных органов при импорте товаров морским видом транспорта и сегодня. Принципиальным отличием российского механизма «единого окна» от информационной системы TradeXchange является то, что для использования последней сингапурские субъекты внешнеэкономической деятельности обязаны уплачивать ежемесячную абонентскую плату и применять специализированное программное обеспечение. Абонентская плата позволяет Сингапуру развивать информационную систему TradeXchange и увеличивать количество импортируемых товаров, в отношении которых решение об их выпуске принимается уже на этапе предварительного информирования таможенных органов [2].

В Сингапуре у субъектов внешнеэкономической деятельности есть выбор: использовать при осуществлении предва-

рительного информирования таможенных органов формирования систему TradeXchange или нет, но как показала практика работы сингапурских таможенных органов, около 95% предварительной информации подается в сингапурские таможенные органы именно через информационную систему TradeXchange, что свидетельствует о высокой эффективности ее применения на практике.

В 2002 году сингапурская модель механизма «единого окна» была взята Республикой Маврикий. При этом в данном государстве при применении предварительного информирования таможенных органов при прибытии товаров на таможенную территорию также использовалась информационная система TradeXchange. Информационная система TradeXchange в Республике Маврикий была создана на основе государственно-частного партнерства.

В современных условиях маврикийская версия информационной системы TradeXchange представляет собой сетевое приложение, с помощью которого осуществляется передача электронной информации о прибывающих в морской порт суден и товарах, которые на них ввозятся. Помимо таможенных органов доступ к данной информации имеет Министерство торговли Маврикия и иные уполномоченные государственные контролирующие органы, которые участвуют в процессе контроля за перемещением товаров через таможенную границу страны.

Основным отличием платформы TradeXchange в Сингапуре от платформы TradeXchange в Республике Маврикий является то, что в Маврикий через данную платформу нельзя подать в таможенные органы таможенную декларацию, но можно подать предварительное уведомление о прибытии товаров. Следовательно, механизм «единого окна» в Сингапуре имеет более широкий функционал, нежели в Республике Маврикий, однако это не мешает маврикийским таможенным органам эффективно использовать предварительную информацию о прибывших в морской порт товарах с целью их риск-категорирования и применения выпуска в порту безрисковых товаров [2].

В странах Европейского союза реализация механизма «единого окна» была начата в 1989 году с автоматизации подачи таможенной декларации в таможенные органы. Первая страна ЕС, которая опробовала на себе данный информационный механизм,

стала Швеция, субъекты внешнеэкономической деятельности которой получили возможность отправлять электронные таможенные декларации в электронном виде не только в таможенные органы, но и в Национальное налоговое управление Швеции, Национальный совет по сельскому хозяйству Швеции и т.д., то есть, на первоначальном этапе своего развития, механизм «единого окна» в странах Европейского союза подразумевал автоматическую передачу выпущенной таможенной декларации от таможенных органов в иные уполномоченные государственные контролирующие органы, как такового обмена сопроводительными документами между уполномоченными государственными контролирующими органами не было.

В дальнейшем механизм «единого окна» в Швеции был доработан и сегодня все заинтересованные субъекты внешнеэкономической деятельности могут направить в таможенные органы не только электронную таможенную декларацию, но и предварительную информацию при прибытии товаров на таможенную территорию Европейского союза, в том числе с применением морского вида транспорта. Основным преимуществом механизма «единого окна» в Швеции является то, что решение о выпуске товара принимается таможенными органами в автоматическом режиме после автоматической проверки всех необходимых сведений о товаре. В случае если товар не подпадает под технологию автоматического выпуска по результатам анализа предварительной информации, субъекты внешнеэкономической деятельности подает в таможенные органы Швеции полноценную таможенную декларацию.

После образования Европейского союза шведский механизм «единого окна» был взят за основу остальными странами Европейского союза и сегодня европейский механизм «единого окна» – это полноценная информационная система, которая позволила связать воедино субъекты внешнеэкономической деятельности, таможенные органы, иные уполномоченные государственные контролирующие органы, банки и т.д., как на этапе предварительного информирования, так и на этапе совершения с товарами остальных таможенных операций, что позволяет в кратчайшие сроки выпускать безрисковые или среднерисковые товары [2].

Важной особенностью применения механизма «единого окна» в странах Европейского союза является тот факт, что в некоторых крупных морских портах Европейского союза, например, в Гамбурге используется своя автономная информационная система, которая реализует принцип механизма «единого окна». Все субъекты внешнеэкономической деятельности и аутсорсинговые компании, которые принимают непосредственное участие в транспортировке внешнеторговых товаров морским транспортом через порт Гамбурга, имеют возможность управлять транспортными процессами быстро с электронной поддержкой через электронное приложение DAKOSY. С помощью электронного приложения DAKOSY предварительная таможенная информация о товарах, которые прибывают в порт Гамбурга, может быть сформирована в полноценную таможенную декларацию, то есть субъекты внешнеэкономической деятельности не нужно дублировать сведения из предварительного уведомления о прибытии товаров в таможенной декларации. Более того, у всех уполномоченных немецких государственных контролирующих органов есть доступ к внутриведомственной системе DAKOSY, что позволяет повышать эффективность управления рисками и минимизировать риск неправильного принятия решения в отношении подконтрольного товара (рис. 1) [2].

Рис. 1. Технология работы системы DAKOSY в порту Гамбурга, как пример механизма «единого окна»

В Южной Корее процесс внедрения механизма «единого окна» в деятельность таможенных органов начался в 1995 году с помощью создания информационной системы UNI-PASS. Применение данной информационной системы позволяет южнокорейским участникам ВЭД предоставлять сведения об импортируемых и экспортируемых товарах в однократном формате в общую электронную базу данных таможенных органов и иных уполномоченных государственных контролирующих органах. С помощью применения единой системы оценки рисков информационная система UNI-PASS позволяет применять к 50% товаров технологию автоматического выпуска с максимально возможным минимизированием таможенных рисков на этапе предварительного информирования товаров при их прибытии или убытии всеми видами транспорта.

В случае если по каким-либо причинам на этапе предварительного информирования таможенных органов к товару не была применена технология автоматического выпуска, то система UNI-PASS автоматически формирует предварительное уведомление в электронной декларации на товары, и декларант может продолжить работу в первичной форме таможенного документа.

Необходимо отметить, что в конце 2019 года в системе UNI-PASS было зарегистрировано более 120 000 корейских субъектов внешнеэкономической деятельности, в число которых входила как микропредприятия, так и крупные субъекты внешнеэкономической деятельности. Правительство Южной Кореи предполагает, что к концу 2025 информационная система UNI-PASS сможет в автоматическом режиме взаимодействовать с автоматизированными таможенными системами некоторых других азиатских государств, что, по сути, сделает перемещение товаров внутри азиатских стран для добросовестных субъектов внешнеэкономической деятельности практически беспрепятственным [2].

Полученные результаты. «Единое окно» обеспечивает оказание самых разнообразных услуг: от заполнения декларации до оформления заявок на проверку соблюдения требований, отслеживания прохождения документов и уведомления о результатах. Благодаря применению системы «единого окна» корейская таможня стала одним из мировых лидеров в развитии информационных таможенных технологий.

Таким образом, международный опыт применения механизма «единого окна» при импорте товаров морским видом транспорта показал, что с помощью данного механизма, при соответствующем развитии системы управления рисками, возможно применять к импортируемым товарам технологию автоматического выпуска без их фактического помещения под таможенную процедуру таможенного транзита или выпуска для внутреннего потребления, что в значительной степени сокращает сроки совершения с товарами таможенных операций.

Выводы. Таким образом, технологии «единого окна» и блокчейна могут быть путями совершенствования межведомственного информационно-технического взаимодействия между таможенными органами и иными государственными контролирующими органами, но только после того, как:

- Единая автоматизированная информационная система всех уполномоченных ГКО будут приведены в единое информационно-техническое соответствие (унифицированы);

- все уполномоченные ГКО помимо таможенных и налоговых органов будут применять для защиты информации электронные ключи электронной подписи;

- Правительство Российской Федерации вместе с представителями всех уполномоченных государственных контролирующих органов разработают дорожную карту по внедрению технологий «единого окна» и блокчейна в систему межведомственного электронного взаимодействия;

- уполномоченные ГКО перестанут запрашивать у субъектов ВЭД информацию о товарах, которая может быть получена ими с помощью системы межведомственного электронного взаимодействия и т.д.

Технологии «единого окна» и блокчейна очень трудно унифицировать в единую автоматизированную информационную систему всех уполномоченных государственных контролирующих органов в единую электронную систему для взаимодействия с субъектами внешнеэкономической деятельности. Механизм «единого окна» работает не в полной мере. Масштабы использования технологий «единого окна» и «блокчейна» расширяются по всему миру.

Сегодня их внедрение особо актуально для упрощения и повышения эффективности внешнеэкономической деятельности

между его участниками. Исходя из этого можно сделать вывод, что межведомственное информационное взаимодействие находится все еще на начальной стадии и требует серьезного развития с точки зрения информационных технологий. Таким образом, рассмотрев инструмент «блокчейн», можно сделать вывод, что эта технология может стать весьма благоприятной почвой для построения технологии «единого окна» с целью налаживания межведомственного информационно-технического взаимодействия.

Список литературы

1. Бормотова, Е.Г. Межведомственное информационное взаимодействие для обеспечения выполнения контрольных функций таможенными органами: монография / Е.Г. Бормотова. – Москва: Российская таможенная академия, 2018. – 218 с.
2. Бойкова, М.В. Зарубежный опыт таможенного администрирования: монография / М.В. Бойкова. – Москва: РИО РТА, 2017. – 130 с.
3. Мухина, М.В. Актуальные проблемы развития таможенного дела / М.В. Мухина, А.А. Шкуренок // Сборник материалов научно-практической конференции факультета таможенного дела, 2018 – С. 144.
4. Новиков, М.Б. Анализ проблем функционирования единого экономического пространства Евразийского экономического союза и разработка мер по их решению / М.Б. Новиков // Наука и современность. – 2018. – № 9. – С. 65.
5. Панишко, Е.П. Предоставление таможенных услуг в рамках ЕАЭС: сравнительный анализ / Е.П. Панишко // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – Санкт-Петербург: РИО СПб филиала РТА. – 2017. – №2. – С. 198.

ЧАСТЬ 3

Исследования молодых ученых

3.1. Правовые основы деятельности электронного правительства: практика зарубежных стран

Давиденко Алексей Сергеевич

В последней четверти XX века масштабное развитие получили цифровые технологии коммуникации, основанные на применении электронно-вычислительных машин (ЭВМ) и глобальной сети «Интернет». Используемые имеемые линии телекоммуникаций, обладая такими преимуществами как доступность для широкого круга пользователей и оперативность передачи информации, цифровые технологии постепенно получили повсеместное распространение и в сфере государственного управления, получив общее определение «e-government – электронное правительство».

По определению Организации Объединенных Наций, «e-government» – это «... применение правительствами различных стран информационно-коммуникационных технологий для преобразования своих внутренних и внешних взаимоотношений...» [1].

В настоящее время практически все страны мира повсеместно применяют в практике государственного управления технологии «e-government», выработав свои, национальные подходы и накопив определенный опыт в правовом регулировании данных процессов. Изучение и обобщение данного опыта будет способствовать развитию «e-government» – процессов в Российской Федерации, что и формирует актуальность данной публикации. Объектом исследования выступают общественные отношения в области правового регулирования государственного управления, предметом исследования – правоприменительная практика оказания государственных услуг посредством технологий «электронного правительства» на примерах зарубежных стран.

Концепция «электронного правительства» является следствием «Теории сервисного государства», т.е. оказания государством услуг своим гражданам, поскольку «... практически любая деятельность государства по взаимодействию с индивидом называется государственной услугой...» [2, с. 744].

В таком контексте государство выступает субъектом правоотношений с негосударственными субъектами, предоставляя услуги на определенных императивных условиях, а именно:

- получатель государственной услуги обращается за ее получением вынужденно, т.е. в силу наступивших определенных жизненных обстоятельств;

- государственные услуги оказываются, как правило, на безальтернативной основе, т.е. их оказание отнесено только к ведению государственных учреждений – органов власти;

- формы и процедуры оказания государственных услуг регламентированы, т.е. установлены государством, в порядке, определяемом законодательными и нормативно-правовыми актами [2, с. 745].

В зависимости от вида получателей государственных услуг выделяют следующие направления деятельности «электронного правительства»:

- «Government – to Citizen (G2C)» – взаимодействие органов государственной власти и граждан (населения) или реализация концепции «государство для граждан»;

- «Government – to Business (G2B)» – взаимодействие органов государственной власти и хозяйствующих субъектов (предпринимательских структур, других представителей бизнес-среды) или реализация концепции «государство для бизнеса»;

- «Government – to Government (G2G)» – взаимодействие между органами государственной власти или реализация подхода «Государство для государства (включая муниципальную власть)»;

- «Government – to Employees (G2E)» – взаимодействие между органами государственной власти и государственными служащими [3, с. 45].

В международно-правовом контексте проблема информатизации общества и роли государства в этих процессах была впервые рассмотрена в «Окинавской хартии Глобального информационного сообщества» («Окинавская хартия»), принятой главами стран «G8» 21 июня 2000 года [4]. В своей первой позиции данный документ определяет основные цели информатизации общества, устанавливая в качестве таковых «... обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализа-

ции их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, прав человека, развития культурного многообразия и укрепления международного мира и стабильности...» [4]. «Окинавская хартия» является одним из первых правовых документов и служит основой в правовом сообществе для обоснования государственной политики в сфере применения информационно-коммуникационных технологий в своей стране [5, с. 4].

Современная зарубежная практика построения «электронного правительства» может быть классифицирована как:

- континентально-европейская модель построения «электронного правительства», получившее распространение в странах Европейского союза;

- англо-американская модель построения «электронного правительства», характерна для Соединенных Штатов Америки, Канаде и Великобритании;

- азиатская модель, примером чего является Южная Корея [6, с. 26–35].

Так, для стран Европейского союза (ЕС) характерно построение «электронного правительства» в едином общеевропейском пространстве по принципам континентального права. При этом доминирующее значение имеют надгосударственные правовые акты Евросоюза, носящие целевой (программы развития) и гармонизирующий (устанавливающий единые нормы) характер и являющиеся обязательными для всех стран-участниц ЕС. Внутреннее законодательство стран-участниц ЕС дополняет правовую базу регулирования «электронного правительства», устанавливая соответствующие правовые нормы, действующие в суверенном пространстве.

Еще в период с 1998 по 2002 год Европейским союзом был принят ряд базовых директив, сформировавших концепцию будущего электронного сообщества ЕС. Составным этапом данной деятельности стала европейская либерализация телекоммуникаций и интернет-сетей, обязавшая европейские государства разработать соответствующие правовые обоснования или пересмотреть существующие акты. В частности, были приняты:

- Директива 1999/93/ЕС регулирующая структуру сообщества электронных подписей;

- Директива 2000/31/ЕС в аспектах электронной коммерции и электронного правительства;
- Директива 2002/19/ЕС о доступе и взаимодействии;
- Директива 2002/20/ЕС – об авторизации сетей и услуг электронных коммуникаций;
- Директива 2002/20/ЕС об услугах и правах пользователей, относящихся к услугам электронной коммуникации и др. [7, с. 11].

В итоге первая программа «Электронная Европа.2002», стала базовым документом, имея среди основных задач широкое применение в практике государственного управления информационно-коммуникационных технологий, в т.ч. и посредством создания сайтов органов власти, обеспечение электронного доступа к их услугам. Благодаря этой программе повысилась активность общественности и бизнес-структур, а появление доступных интернет – сервисов открыло новые возможности для всего общества. Данная программа получила дальнейшее развитие в последовательности таких документов как «Электронная Европа.2005», «Электронная Европа.2010» и других.

В настоящее время основными правовыми актами Европейского союза в аспектах регулирования создания электронного правительства стали «Action plans – Планы действий», которые содержат руководящие положения (принципы) построения электронного правительства для государств – членов ЕС.

По своей сути – это надгосударственные правовые акты, носящие цели-ориентирующий характер, направленные на организацию взаимодействия государств-членов ЕС в сфере строительства электронного правительства. К ним относятся:

- «E-government Action Plan – план действий в сфере электронного правительства» до 2020 года, и
- «The Digital Single Market Strategy for Europe – план по строительству единого электронного пространства Европейского Союза» до 2020 года.

Практическая реализация данных актов осуществляется на основе финансирования за счет средств ЕС, что является мотиватором для государств, формирующих свои «электронные правительства».

Наряду с этими документами на уровне Европейского союза действуют и сугубо нормативные правовые акты, направленные

на организацию единого электронного пространства стран-участниц. В частности, гармонизация законодательства стран ЕС в этих вопросах регулируется «Регламентом ЕС 910/2014 Европейского парламента и Совета от 23 июля 2014 г. об электронной идентификации и доверия к электронным транзакциям на внутреннем рынке (Règlement (UE) № 910/2014 du 23 juillet 2014). Данный документ направлен на формирование пространства доверия в общеевропейском электронном пространстве, взаимопонимания между потребителем и поставщиком государственных услуг, защиты персональных данных и в других аспектах.

Одновременно с общеевропейским правовым регулированием процессов «e-government», каждая из стран-участниц ЕС ведет собственное строительство «электронного правительства» и, соответственно с этим, осуществляет правовое регулирование, действуя в рамках, установленных правовыми актами ЕС. Так, в Федеративной Республике Германия (ФРГ) для определения практики применения цифровых технологий введен специальный термин «Дигитализация» («Digitalisierung», от нем. досл. – «цифровизация», «оцифровка»), правовой аналог дефиниции «электронное правительство» [8, с. 72].

В современной практике ФРГ создана и реализуется концепция «цифровой трансформации» («Digitale Transformation»), которая направлена на преобразование в цифровую форму различных аспектов управленческой деятельности. При этом выделяются четыре направления дигитализации:

- государственные услуги, предоставляемые органами исполнительной власти гражданам и обществу;
- цифровые взаимоотношения между исполнительной властью, гражданами и бизнесом;
- собственно информационно-коммуникационные технологии, так же нуждающиеся в контроле и управлении;
- управление процессами цифровизации общества, бизнеса и государства в целом [9].

Организация «e-government» ФРГ была осуществлена в рамках программы «BundOnline», затем трансформированной в «Deutschland Online» и действующей в пространстве всех 16 федеральных земель. Считается, что «цифровая трансформация» позволит стране решить такие стоящие перед ней задачи, как «... старение населения, обеспечение здравоохранения, работа в ста-

рости, участие мигрантов в жизни, их адаптация в обществе и т.п...» [10, с. 10].

Деятельность «электронного правительства» Франции регулирует ряд правовых актов, основной из которых закон «О цифровой республике» № 2016-1321 от 7 октября 2016 года, закрепляющий ряд принципов обращения данных в коммуникационных сетях, обеспечения конфиденциальность данных, расширения доступа граждан к сети, перехода официального обмена документами и информацией между гражданами и органами власти в электронный формат и другие аспекты. В числе нормативно-правовых актов следует указать Ордонанс (т.е. распоряжение) Министерства экономики, финансов и индустрии Франции № 2015-1516 от 8 декабря 2015 г., устанавливающий порядок электронного обмена данными и документооборота между гражданами и различными административными органами, и между органами власти [11, с. 9-13].

В отличие от этого, в странах общего права (Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада) в основу правового регулирования «электронного правительства» положен прецедент, как источник права.

Так, к созданию «электронного правительства» Соединенные Штаты Америки приступили еще в конце 1990-х гг., приняв такие важные правовые акты как «Акт Клингера-Коэна» (1996 г.), обязавший руководителей госорганов использовать в своей деятельности различные формы и виды информационно-компьютерных технологий, «Акт об уменьшении бумажного документооборота» (1998 г.), предусматривающий возможность обращения граждан в государственные органы в электронной форме, «Акт об электронном правительстве» (2002 г.), направленный на развитие электронных сервисов и, как результирующий документ – «Стратегию «E-government USA – 2002» [12, с. 29]. В настоящее время основные подходы к построению «электронного правительства» в Соединенных Штатах Америки были изложены в «Меморандуме президента Б. Обамы» (Obama's e-government), введшим в мировой оборот термин «открытое правительство» и установивший такие организационные принципы, как:

– правительство должно быть транспарентным, т.е. прозрачным, обеспечивающим отчетность перед своими гражданами;

– правительство должно быть партисипативным, т.е. предоставлять гражданам возможность в выражении своего мнения и участия в выработке политики правительства;

– правительство должно быть сотрудничающим, т.е. обеспечивать применение приемов кооперации между различными ведомствами, различными уровнями государственного управления, а также с бизнесом и обществом [13, с. 35].

Азиатские страны создают свои «электронные правительства» используя, в основном, континентальную модель права, т.е. ставя во главу угла соответствующий законодательный акт.

Так, цифровые технологии управления постепенно внедрились в государственный аппарат Республики Корея. Процесс компьютеризации органов государственной власти данной страны начался еще в 1970-е гг., в 1980–1990-е гг. постепенно формировались процессы информатизации государственного управления. Южнокорейское государство стимулировало эти процессы, приняв законы «О расширении распространения и поощрении использования информационных систем» (1987 г.) и «Рамочный закон о развитии информатизации» (1995 г.) в стране. Однако соответствующий закон об «электронном правительстве» был принят только в 2001 году, и с этого времени началась реализация этих процессов в общегосударственном масштабе [6, с. 30].

Активная цифровизация в Республике Корея началась на рубеже веков с принятием государственного проекта «Cyber-Korea-XXI» (1999–2002 гг.), целью которого было расширение применения сети «Интернет», государственными органами, обществом и хозяйствующими субъектами. Итогом реализации данного проекта стали расширенный доступ в интернет-пространство и национальная мобильная сеть. В эти же годы был создан первый контур цифровых сервисов, обеспечивающих взаимодействие личности и общества с государственными структурами. В 2002–2006 гг. Республика Корея реализовала такой проект, как «e-Korea vision 2006», в рамках которого к интернет-пространству были подключены все средние и высшие школы, были реализованы мероприятия по развитию компьютерной грамотности, обеспечение доступа к Интернету для все жителей страны. Важным аспектом цифрового развития Южной Кореи является цифровизация органов местного самоуправления. В 2003 году был принят закон «О местном самоуправлении» и «О содействии

компьютеризации административной работы», положениями которого были предусмотрено создание «Корейской ассоциации местной информатизации (KALI)». Последующий этап развития системы «электронного правительства» в Республике Корея был обусловлен принятием рамочного закона «О национальной информатизации Республики Корея» от 22.05.2009 г., который обязал государственные и местные органы власти формировать и реализовывать политику национальной информатизации. И с 2013 года в Республике Корея реализуется программа «Giga Korea» для повсеместного распространения цифровых услуг в стране, существенно расширяющих современные компетенции «электронного правительства».

Таким образом, реализация электронного правительства в Республике Корея осуществлялась последовательно и планомерно в течение двух десятилетий и опиралась на четкие законодательные основы [14, с. 96–101].

Впервые перспективы информатизации процессов управления обществом были осознаны в Китайской Народной Республике (КНР) в 1997 году с принятием «... 24 основных направления информатизации, в том числе планирование, единые стандарты и архитектуру связи между органами власти, объединение ресурсов и других...». В 2002 году Государственным советом КНР был принят Декрет № 17, определивший принципы формирования электронного правительства в стране, путем формирования веб-сайтов и электронных сервисов. Аспектами данной работы выступали предоставление гражданам административной информации, введение административного контроля и оказание различных услуг. Подчеркивалось, что создание электронного правительства направлено на поддержку стабильности и безопасности страны. В рамках «электронного правительства» поощрялось создание обратной связи, позволяющей гражданам обжаловать действия местных властей, что существенно укрепляло административную дисциплину государственного управления за счет внедрения практики «контроля снизу» [15, с. 37–38].

Правовое регулирование «электронного правительства» в Китайской Народной Республике осуществляется совокупностью законодательных и нормативно-правовых актов, в числе которых законы КНР об электронной подписи, о телекоммуникациях, о кибербезопасности; положения КНР о защите безопасности ком-

пьютерной информационной системы, о защите прав на распространение сетевой информации, о контроле над новостным и информационным обслуживанием в сети Интернет, регламенты контроля – над защитой безопасности подключения китайских информационных сетей ЭВМ к международным сетям и др. [16].

Подводя итоги выполненного обзора, сделаем вывод: рассмотренные выше модели формирования «электронного правительства» в примерах зарубежных стран свидетельствуют о массовом внедрении данной формы государственного управления в первом десятилетии XXI века, основанной на государственной инициативе и реализуемой с учетом исторических, организационных и правовых особенностей конкретного государства.

Список литературы

1. Electronic-government. Glossary. – URL: <https://www.un.org/en/> (дата обращения: 10.08.2020)
2. Котенков, Я. В. «Концепции сервисного государства» в контексте модернизации государственного управления в России: общее и отличное / Я. В. Котенков // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 3. – С. 744–748.
3. Целищева, Е.Ф. От электронного правительства к электронному государству / Е.Ф. Целищева // *ЭГО: Экономика. Государство. Общество*. – 2016. – № 2 (6). – С. 45–50.
4. Окинавская хартия Глобального информационного общества. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 10.08.2020)
5. Бочков, С.М. Об Окинавской хартии глобального информационного общества и задачах развития российских систем коммуникации / С. М. Бочков, Г. И. Макаренко // *Правовая информатика*. – 2018. – № 1. – С. 4–14.
6. Основные принципы управления Интернетом в Китае. – URL: <http://russian.china.org.cn/government/> (дата обращения: 10.08.2020)
7. Развитие нормативной базы формирования электронного правительства в странах Европейского союза: обзор. – Санкт-Петербург: Северо-запад: ресурсный центр электронного правительства и государственное управление, 2018. – 19 с.
8. Андреева, Г.Н. Электронное правительство Германии: организация, цифровая трансформация и правовое регулирование /

Г.Н. Андреева // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 71–75.

9. Digitalisierung im Bund, Länder, Gemeinden. IT Organisation, Management und Empfehlungen. – В.: Springer. – 2018. – № XVI. – 335 p.

10. Stocksmeier, D. Potenziale der digitalen Transformation für die deutsche Verwaltung / D. Stocksmeier // Digitale Transformation der Verwaltung. Empfehlungen für eine gesamtstaatliche Strategie. – Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2017. – P. 10–11.

11. Судоргин, О. А. Концепция и перспективы развития электронного правительства во Франции / О. А. Судоргин // Политика и общество. – 2018. – № 1. – С. 9–13.

12. Сединкин, М. А. Электронное правительство, или как открыть власть для общества? / М. А. Сединкин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право: Реферативный журнал. – 2017. – № 2. – С. 69–71.

13. Кононенко, Д. В. Модернизация концепций электронного правительства: сравнительно-правовой анализ (РФ и США) / Д. В. Кононенко // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 34–38.

14. Койбаев, Б. Г. Правовые аспекты информатизации в Республике Корея / Б. Г. Койбаев, З. Т. Золоева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 96–101.

15. Дьякова, Е. Г. Переход к электронному правительству и национальная специфика: чему учит опыт Китая? / Е. Г. Дьякова // Социум и власть. – 2016. – № 3 (41). – С. 36–39.

16. Основные принципы управления Интернетом в Китае [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian.china.org.cn/government/> (дата обращения: 10.08.2020).

3.2. К вопросу о российской модели электронного правительства

Давиденко Алексей Сергеевич

В конце XX века крайне широкое распространение во всех сферах жизнедеятельности государств мира и их населения получили информационные технологии, функционирующие на базе телекоммуникационной сети Интернет. Они быстро стали массово доступны огромному кругу лиц (пользователей) из-за их относительно недорогой стоимости, что не могло не быть учтено руководящими структурами и взято на заметку для целей государственного управления: они получили собственное определение при использовании в данном направлении и стали именоваться «e-government – электронное правительство». По определению Организации Объединенных Наций, «e-government» – это «...применение правительствами различных стран информационно-коммуникационных технологий для преобразования своих внутренних и внешних взаимоотношений...» [1].

Актуальность исследования обусловлена повсеместным применением моделей электронного правительства в государствах мира, включая Российскую Федерацию, где их использование не проходит беспроблемно и гладко: иными словами, научное осмысление выбранной темы будет способствовать поиску путей преодоления существующих сложностей в функционировании российской модели электронного правительства. Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в связи с использованием и применением информационных технологий для получения государственных и муниципальных услуг, а предмет исследования, в свою очередь, охватывает собой действующие нормативные правовые акты, посвященные регламентированию данного вопроса, соответствующие материалы сформированной практики, а также научные изыскания по выбранной теме.

Переходя к рассмотрению вопроса об особенностях модели «электронного правительства», функционирующего на территории российского государства, следует отметить, что история его становления началась с принятия в 2002 году Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)» [2], и

продолжается по сей день уже в рамках практической реализации другой федеральной целевой программы, получившей название «Информационное общество (2011–2020 годы)» [3]. Центральным и основополагающим направлением данных программ стало получение гражданами государственных и муниципальных услуг в электронной форме посредством использования специально разработанных информационно-коммуникативных технологий.

По состоянию на 2020 год отечественным законодателем был принят ряд нормативных правовых актов, положения которых призваны урегулировать различные вопросы, сопряженные с функционированием электронного правительства в России, включая следующие федеральные законы (далее по тексту настоящего диссертационного исследования – ФЗ) и подзаконные акты:

- 1) ФЗ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4];
- 2) ФЗ от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5];
- 3) ФЗ от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [6];
- 4) ФЗ от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [7];
- 5) Указ Президента РФ от 12.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [8];
- 6) Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)» [9];
- 7) Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2013 г. № 2516-р «О Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» [10];
- 8) Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 г. № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» [11].

В текущий момент в структурном выражении российская модель электронного правительства представлена следующими инфраструктурными элементами, в полной мере позволяющими обеспечить реализацию предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг в интерактивной форме:

1. Каналы электронного доступа к получению государственных и муниципальных услуг.

Здесь речь, прежде всего, идет о Едином портале государственных и муниципальных услуг (в повседневном обиходе получившим сокращенное наименование – ЕПГУ, Госуслуги), а также о различных региональных порталах государственных и муниципальных услуг (также их зачастую именуют посредством сокращения – РПГУ), которые на сегодняшний день действуют практически в каждом субъекте российского государства. Помимо прочего, к таким каналам относятся и официальные сайты, порталы органов государственной и муниципальной власти, а также их «мини-версии» в виде приложений для средств телефонной связи, в том числе и базирующихся на различных операционных системах (iOS, Android).

2. Единая система идентификации и аутентификации (в повседневном обиходе также используется сокращение – ЕСИА).

Данный элемент обеспечивает реальную возможность использования одного и того же идентификатора личности человека для получения им доступа к электронным государственным и муниципальным услугам, которые оказываются, предоставляются различными поставщиками, в том числе и через различные информационно-телекоммуникационные каналы связи.

3. Единая система межведомственного электронного взаимодействия (в повседневном обиходе также используется сокращение – СМЭВ).

Обозначенный элемент призван обеспечить при оказании государственных и муниципальных услуг в электронной форме граждан эффективное, результативное и своевременное взаимодействие органов государственной и муниципальной власти (то есть, фактически он создан для быстрого и оперативного обмена важной правовой информацией).

4. Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах.

Указанный элемент позволяет лицам, как физическим, так и юридическим, оперативно, максимально быстро получать требующуюся им информацию об их обязательствах перед бюджетом российского государства, региональном бюджете, муниципальном бюджете, при действии такого основополагающего принципа как «единое окно», а также осуществить учет платежей, начислений при оказании различных государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

5. Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций) (в повседневном обиходе также используется сокращение ФРГУ).

Обозначенный элемент призван в течение длительного периода времени сохранять существующую информацию о всех государственных и муниципальных услугах (в том числе, информацию о списке требуемых документов для их получения, поставщике, сроках оказания, а также о результатах предоставления).

6. Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг.

Последний из названных нами элементов российской модели электронного правительства представляет собой площадку, обеспечивающую доступ к собранной, обработанной и проанализированной информации о качестве предоставления услуг органами государственной власти, а также органами муниципальной власти. Функционирование данного элемента позволяет принимать на высшем уровне решения, связанные с усовершенствованием качества оказываемых услуг.

Функционирование обозначенного комплекса элементов, в совокупности своей составляющих российскую модель электронного правительства, обеспечил быстрый рост (иногда его отмечают даже поистине взрывным) числа оказываемых услуг в электронной форме органами государственной и муниципальной власти: так, в 2016 году их количество составило более 220 миллионов, а уже по истечении 2019 года – свыше 350 миллионов [12].

Необходимо обратить внимание, что для обеспечения нормальной работы каждого из названных элементов российского электронного правительства к данной системе подключены всевозможные государственные информационные ресурсы, а также двенадцать тысяч организаций, которые принимают участие в предоставлении и оказании гражданам государственных и муниципальных услуг. Кроме того, в текущий момент ведется грамотная, спланированная работа по использованию системы транзакций в процессах реализации государственных и муниципальных функций (по состоянию на начало 2020 года их число составило – 9,9 млрд) [12].

В инфраструктуре российской модели электронного правительства функционирует также информационная система Голов-

ного удостоверяющего центра, которая обеспечивает возможность практического применения при получении государственных и муниципальных услуг электронной подписи, а также предоставляет сервисы доверия в части использования электронных документов, мониторинга и оценки качества услуг, оказываемых региональными удостоверяющими центрами, действующими на территории различных субъектов Российской Федерации. Помимо прочего, с этой целью также был реализован механизм кросс-сертификации и выдачи корневых сертификатов для удостоверяющих центров.

Повышенное внимание было уделено отечественным законодателем также и к обеспечению должного уровня прозрачности и открытости деятельности органов государственного и муниципального управления, на основе и базе федеральной целевой концепции «Открытое правительство». Перечень информации, которая подлежит раскрытию на официальных сайтах, в строгом соответствии определен положениями Федерального закона от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

В обозначенный временной период с 2010 по 2020 год была проведена огромная работа по учреждению и функционированию каналов прямого взаимодействия с гражданами руководителей органов государственной власти и органов муниципальной власти. К числу подобно рода информационно-телекоммуникационных каналов допустимо относить различные блоги, видео каналы, сервисы социальных сетей (например, Вконтакте, Инстаграм и иные).

Был также реализован ряд значимых инициатив по вопросам взаимодействия органов государственной власти и органов муниципальной власти с российским населением, а также представителями национального бизнеса. В том числе были созданы и по сей день функционируют следующие интерактивные площадки:

1. Портал «Российская общественная инициатива».
2. Портал открытых данных Российской Федерации.
3. Единый портал для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения.

Подводя итоги выполненного обзора, сделаем вывод: несмотря на указанные достижения, Россия постоянно сталкивается с рядом неразрешенных проблем и препятствий, которые в значительной степени осложняют функционирование российской модели электронного правительства и требуют для своего преодоления и устранения принятия ряда стратегических и тактических решений (их варианты будут предложены нами на основе проведенного более углубленного исследования в других научных статьях).

Список литературы

1. Electronic-government. Glossary. – URL: <https://www.un.org/en/>
2. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010) // СПС «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/184120/> (дата обращения: 06.09.2020).
3. Информационное общество (2011–2020 годы) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_155198/d60fab9834a8f7ea1bad56bb17af05751937b2a3/ (дата обращения: 06.09.2020).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федерал. закон от от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (посл. ред. от 03.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 06.09.2020).
5. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федерал. закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 06.09.2020).
6. О персональных данных: федерал. закон от 27.07.2006 г. №152-ФЗ (посл. ред. от 24.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 06.09.2020).
7. Об электронной подписи: федерал. закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ (посл. ред. от 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 06.09.2020).

8. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 12.05.2012 г. № 601 (посл. ред. от 01.07.2020) // СПС «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения: 06.09.2020).

9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы): Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 (посл. ред. от 21.08.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 06.09.2020).

10. О Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2013 г. № 2516-р (посл. ред. от 13.10.2017) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156812/ (дата обращения: 06.09.2020).

11. О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг: Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 г. № 236 (посл. ред. от 21.08.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195919/ (дата обращения: 06.09.2020).

12. Электронное правительство в РФ // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и коммуникаций Российской Федерации. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnoe-pravitelstvo-v-rf/> (дата обращения: 01.09.2020).

3.3. VR-технологии в образовании: правовой аспект

Каримова Юлия Ибрагимовна

Яковенко Андрей Александрович

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из важнейших компонентов современного образования. Они позволяют создать новые возможности для всех участников образовательного процесса: сокращают время на поиск новой информации, а также повышают уровень индивидуализации образования и его личностной ориентации.

По сегодняшний день в научной среде не утихают дискуссии по поводу внедрения VR-технологий в образовательный процесс. Пока ученые высказывают и доказывают противоположные позиции по этому поводу реальность диктует свои правила. Так, на сегодняшний день виртуальная реальность (англ. – virtual reality, далее – VR) и AR активно внедряются в школы [1] и университеты в качестве образовательных технологий, а также методов, способов и инструментов обучения.

В России внедрение VR-технологий в образование заложено сразу в нескольких общенациональных программах: проект «Цифровая экономика» [15], программы «Цифровая школа» [5], «Современная цифровая образовательная среда» [6] и другие.

Например, по данным Центра Национальной технологической инициативы более 600 школ из 40 регионов участвуют в программе апробации образовательных приложений VR [7]. Целью проведения апробации является оценка функциональных возможностей применения существующих VR/AR-технологий в учебном процессе.

Действительно, перспективы использования VR в образовании завораживают: глубины океана или просторы космоса, внутренний мир человека или поверхность другой планеты, строение молекул химических веществ и многое другое становится доступным и наглядно демонстрируется ученикам. Например, проект MEL Science [8] предлагает более 30 VR-уроков и тестов, покрывающих основные темы школьного курса химии.

В Интернет пространстве можно найти массу теоретических исследований ученых, представляющих направления философии,

психологии, педагогики. Как правило, они связаны с изучением перспектив и рисков использования VR, а также вопроса положительного и отрицательного влияния VR-технологий на физическое и психологическое здоровье человека. В качестве примеров можно привести исследования Л.С. Набоковой и Ф.Р. Загидуллиной [12], А.В. Ивановой [11], С.С. Елесина и А.В. Фещенко [9], В.В. Селиванова и Л.Н. Селивановой [14] и др.

Теоретики права необоснованно обходят вопрос использования VR-технологий в образовании стороной, возможно не находя почвы для правовых исследований. И зря, так как вопросы, требующие на сегодняшний день немедленной правовой оценки, остаются в подвешенном (нерешенном) состоянии. В частности, один из таковых, вопрос ответственности за вред, причиненный ребенку в следствие применения VR-технологий в образовательном процессе.

Одной из конституционно значимых целей является защита интересов несовершеннолетних. Так, Конституционный Суд в одном из своих постановлений [4] отмечает, детство – это период физической, умственной и психологической незрелости и одновременно важнейший этап развития личности, на котором закладываются основы моральных и нравственных качеств, формируются мировоззрение и взгляды, определяющие жизненные принципы и перспективы.

Как подчеркивается в Конвенции о правах ребенка [2] (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка (пункт 1 статьи 3); государство обязано принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации. (пункт 1 статьи 19). Таким образом, на международном и национальном уровне обозначена высокая значимость данного элемента для государства и мирового сообщества.

VR-технологии достаточно развиты уже сегодня, но, пока рано говорить о массовом характере их внедрения, данное обстоятельство обусловлено такими факторами, как высокая стоимость VR/AR гаджетов, неизученность вопроса о влиянии технологий на здоровье учеников, трудности в приобретении каче-

ственного контента, а также необходимость кардинального изменения методов образования.

Стоит выделить один из немаловажных факторов, который более значим для изучения правового аспекта внедрения технологий: разный уровень восприятия VR учениками. Как отмечают специалисты, у некоторых уже спустя пару минут возникает головокружение, тошнота и дезориентация. Это индивидуальные особенности организма, от которых никуда не деться [8].

Исследовать только негативный аспект, подтверждая его фактами и доводами было бы нелогично, а главное не научно. Отметим, что в мае 2018 года LG Display анонсировала технологию, которая, как утверждают в компании, позволяет устранить головокружение и тошноту при погружении в виртуальную реальность (VR). Исследователи выяснили, что провоцируют данные симптомы задержка и размытость изображений. Технология преобразует в режиме реального преобразует видео с низким разрешением в контент высокой разрешающей способности и как отмечают исследователи устраняет подобные проблемы [19]. Однако полностью исключать возможность появления подобных симптомов нельзя. Справляться с ними придется непосредственно преподавателю, что очень затруднит образовательный процесс.

Большинство исследователей утверждают, что использование VR практически безопасно. Тем не менее, полагаться на то, что причинение вреда совсем невозможно нельзя. Так, помимо головокружения и тошноты, травмы могут быть вызваны столкновением с объектами реального мира. Так, в 2017 году житель Москвы трагически погиб из-за использования очков виртуальной реальности [10] В классе в качестве подобных объектов выступают парты с острыми углами и т.д. Именно поэтому необходимо заранее продумать вопрос ответственности за ущерб, причиненный ребенку на уроке при применении VR-технологий.

Обсуждая регулирование образовательного процесса и место новых технологий в образовании, необходимо прежде всего учитывать нормативные документы, которые устанавливают роль педагогических работников в процессе цифровизации образования. Учителя являются конечными пользователями любого применяемого в образовании оборудования и контента, в том числе технологии виртуальной реальности. К сожалению, на сегодняшний день, список учебно-методических материалов,

утвержденных законодательно, достаточно ограничен. Поэтому возникает обоснованный вопрос о том, разрешено ли образовательным организациям и педагогам в частности использовать VR на уроках и насколько это необходимо?

Пункт 2 ст. 28 ФЗ говорит о том, что образовательные организации свободны в определении содержания образования, выборе учебно-методического обеспечения, образовательных технологий по реализуемым ими образовательным программам.

Часть 12 п. 3 ст. 28 ФЗ относит к компетенции образовательной организации в установленной сфере деятельности использование и совершенствование методов обучения и воспитания, образовательных технологий, электронного обучения; (ч. 12 п. 3 ст. 28 ФЗ).

Таким образом, законодатель допускает использование образовательных технологий, в том числе и VR технологий в образовательном процессе.

Согласно пп. 5 п.1 ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2020 года, педагогические работники обязаны применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания в целом. Это значит, что, если рассматриваемая технология соответствует критериям обоснованности и иное не указано в законодательстве, использовать ее можно. Более того, педагоги вправе самостоятельно подбирать содержание ИКТ (напр. виртуальный контент), оценивать его образовательную ценность для своей дисциплины и формировать рабочую программу с использованием выбранной технологии. Такое право на непосредственное участие в организации учебного процесса, подборе средств и методов обучения зафиксировано в подп. 2–7 п. 3 ст. 47 Закона «Об образовании».

Все же, каждая новая технология требует новых компетенций от пользователей. Бытовой опыт показывает, что многие учителя предпочитают отказываться от использования ИКТ ввиду того, что не обладают достаточными навыками для их использования. Ответственность за готовность педагогов к новым технологиям (в т.ч. цифровым) лежит в первую очередь на образовательных учреждениях. Образовательная организация, должна обладать необходимыми компетенциями в части ис-

пользования и совершенствования методов обучения и воспитания, образовательных технологий, электронного обучения (Статья 28 п.3 подп.12.). Также Федеральный государственный стандарт основного общего образования устанавливает: эффективное использование информационно-образовательной среды предполагает компетентность работников организации, осуществляющей образовательную деятельность в решении профессиональных задач с применением ИКТ, а также наличие служб поддержки применения ИКТ. Обеспечение поддержки применения ИКТ является функцией учредителя организации, осуществляющей образовательную деятельность.

Однако в ближайшие несколько лет ожидания к квалификациям педагогов в части применения новых технологий приобретут гораздо более отчетливые границы. Например, одним из результатов Федерального проекта «Цифровая школа» к 2024 г. станет подготовка ведущего кадрового состава общеобразовательных организаций по технологиям цифровизации образования (внедрение и использование технологий цифровизации образования).

К тому же для подобных ситуаций предусмотрен институт профессионального обучения педагогов (п. 1 ст. 73 ФЗ), однако, на данный момент никаких образовательных программ для профессиональной подготовки не создано. Законодатель понимает данную проблему, обозначив расширение зоны ответственности в условиях цифровизации, а, следовательно, и повышенные требования к компетентности в качестве одного из возможных рисков интеграции цифровых технологий [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нормативно правового регулирования касающегося внедрения VR-технологий в образовательный процесс на данный момент недостаточно. Законодательство не дает ответов на целый ряд важных вопросов: использование VR будет проходить принудительно или добровольно? Будет ли родитель давать согласие на применение технологий на уроке или это обязательно для всех вне зависимости от желания? Отметим, что на эти и многие другие вопросы необходимо ответить в ближайшем будущем или даже настоящем и законодательно закрепить проблемные вопросы во избежание критических ситуаций на уро-

ках. Дети – будущее страны, и мы не можем подвергать их даже малейшей опасности.

Список литературы

1. ДВФУ проводит апробацию приложений виртуальной реальности для российских школ [Электронный ресурс]. – URL : <https://xn--mlagf.xn--p1ai/events/dvfu-provodit-aprobatsiyu-prilozheniy-virtualnoy-realnosti-dlya-rossiyskikh-shkol/> (дата обращения 20.11 2020)

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990)

3. Распоряжение Министерства Просвещения Российской Федерации от 18 мая 2020 года № Р-44 «Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий».

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 года № 19-П.

5. Паспорт федерального проекта «Цифровая школа» [Электронный ресурс]. – URL: <https://edu-frn.spb.ru/files/iiMBxQ4cNH1BCsaWn2WqDgFinWeU3rVYpmO6sd33.pdf> (дата обращения: 21.10 2020)

6. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/projects/selection/643/> (дата обращения: 21.10 2020)

7. Более 600 школ из 40 регионов России участвуют в программе апробации образовательных приложений VR/AR [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/bolee_600_shkol_iz_40_regionov_rossii_uchastvuyut_v_programme_aprobatsii_obrazovatelnykh_prilozheniy_vr_ar/ (дата обращения: 19.10.2020)

8. Виртуальная реальность в образовании. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (дата обращения: 20.10.2020)

9. Елесин, С.С. Виртуальная реальность в образовании: сомнения и надежды / С.С. Елесин, А.В. Фещенко // Гуманитарная информатика. – 2016. – №10. – С. 109–114.

10. Москвич погиб из-за очков виртуальной реальности [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2017/12/22/reg->

cfo/moskvich-pogib-iz-za-ochkov-virtualnoj-realnosti.html (дата обращения: 20.10.2020)

11. Иванова, А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения / А.В. Иванова // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 3. – С. 88–107.

12. Набокова, Л.С. Перспективы внедрения технологий дополненной и виртуальной реальности в сферу образовательного процесса высшей школы / Л.С. Набокова, Ф.Р. Загидуллина // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – Т. 9, №2. – С. 2710–2719.

13. Селиванов, В.В. Виртуальная реальность как метод и средство обучения / В.В. Селиванов, Л.Н. Селиванова // Образовательные технологии и общество. – 2014. – № 17 (3). – С. 378–391.

14. Селиванов, В.В. Эффективность использования виртуальной реальности при обучении в юношеском и взрослом возрасте / В.В. Селиванов, Л.Н. Селиванова // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – №1 (9). – URL: <https://i1121.petsu.ru/journal/article.php?id=2729> (дата обращения: 28.10.2020).

15. Цифровая экономика РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 21.10.2020).

16. Шевко, Н.Р. Электронные образовательные ресурсы как инструмент формирования образовательного пространства / Н.Р. Шевко, Е.Э. Турутина // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. – 2014. – № 2. – С. 324–329.

17. Яковлева, К. Лучше всего спросить студентов, что нужно им / К. Яковлева // Всё об образовании в России и за рубежом, высшее и среднее образование в Москве. [Б. м.], 2015. – URL: <http://www.ucheba.ru/article/910> (дата обращения: 14.04.2016).

18. VR-уроки MEL Chemistry [Электронный ресурс]. – URL: <https://melscience.com/RU-ru/vr/> (Дата обращения 27.10.2020)

19. VR. [Электронный ресурс]. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d8e8f083639e600aefe087e/vr-5d8e90bc8d5b5f00aee415ce> (дата обращения: 20.10.2020).

3.4. Анализ социально-правовых подходов к формулировке понятия «робот»

Каримова Юлия Ибрагимовна

Мартьянов Никита Русланович

Каждый день человек взаимодействует с сотнями различных объектов: животные, электроприборы, предметы гардеробы и многое другое. Не так давно этот список расширился и теперь еще одним способом взаимодействия является связь человек – робот.

Роботизация стала одной из наиболее обсуждаемых тем в научной сфере. Поводом для этого служит ежегодное увеличение масштабов производства роботов. Так, в 2018 году в мире было установлено 422 тысячи промышленных роботов, что на 6% выше предыдущего показателя, установленного в 2017 году. По прогнозу Международной федерации робототехники, рост данного рынка составит 10–12% в год [6].

В конце 2019 – начале 2020 года в Китае был обнаружен новый коронавирус Covid-19, который массово заражает людей. Для борьбы с вирусом также используются роботы. Уже 7 февраля более 30 шанхайских роботов-дезинфекторов начали работать в больницах китайского города Ухань, они могут выполнять обеззараживание разных видов, роботы выполняют задачи по обеззараживанию круглосуточно в палатах-изоляторах, отделениях интенсивной терапии, операционных [4]. Также используют роботов и вне медицинских помещений, специальный робот-опрыскиватель помогает бороться с вирусом в густонаселённых кварталах городов, робот оснащенный гусеницами и распыляет дезинфицирующие средства [10].

В 2020 году появилась новость о создании робота, способного самостоятельно брать кровь из вены. Такая машина поможет уменьшить инфекции и тромбозы, которые могут появиться при некачественном заборе крови. Клиническое тестирование показало преимущественную эффективность робота над медицинским персоналом [16].

Роботов используют в освоении космического пространства, создаются луноходы, марсоходы, изобретаются роботы-аватары, которые позволяют человечеству узнавать с каждым днем новую

информацию о том месте, где он живет. Например, NASA планирует в скором времени отправить на МКС специфического вспомогательного робота Astrobeе. Это куб со стороной в 30 см, который будет летать по станции и помогать космонавтам в проведении опытов в условиях микрогравитации, а также служить дополнительными глазами и ушами [7].

В 2019 году в качестве эксперимента на МКС был запущен российский робот «Федор». Как выяснилось, робот выполнил все поставленные перед ним задачи. В частности, соединял и разъединял электрические разъемы, протер стены, выполнил другие порученные ему задачи. В том числе успешно отработала голосовая система робота, он общался с космонавтами и ответил на все их вопросы [8].

Роботов используют на производстве, создаются роботы и в сфере безопасности, масса разнообразных роботов применяется в военной сфере (морские, сухопутные и воздушные роботы), также есть роботы-полицейские, роботизированные системы пожаротушения. Огромное количество роботов применяется в быту, это роботы-пылесосы, роботы-газонокосильщики, роботы-массажеры, роботы-чистильщики бассейна и многие другие. Активно развивается применение роботов в сфере развлечений.

В настоящее время производством роботов занимается немалое количество различных компаний. К крупнейшим из них можно отнести следующие: FANUC, KUKA, ABB, KAWASAKI, MOTOMAN, OTC DAIHEN, PANASONIC, BOSTON DINAMICS. Роботы начинают замещать людей почти во всех сферах бизнеса. В США уже ни раз предлагалось ввести налог на роботов, что должно проявить себя как сдерживающая мера позволяющая направить собранные средства на переобучение сотрудников, развитие образовательных программ и грантов для студентов вуза.

Обобщая вышесказанное можно заметить, что количество сфер применения роботов растет, также, как и их разнообразие.

Современное общество предлагает множество трактовок понятия «робот». Ученые-экономисты обсуждают сокращение рабочих мест, инженеры бьются над проблемами визуального распознавания и самообучения, открывая совершенно новые возможности электронных машин, юристы предлагают варианты регулирования отношений с цифровым субъектом. Так, авторы вкладывают в определение признаки, обусловленные спецификой их профессии тем самым придавая формулировке определенный от-

тенок. В таком многообразии сложно остановиться на едином определении. Сразу вспоминается высказывание Джозеф Энгельбергера: «Я не могу дать определение робота, но когда я вижу робота – я знаю, что это он» [20]. Однако такой подход недопустим, например, в случае правоприменения, где термины должны толковаться ясно и четко. Поэтому, во избежание коллизий и недопонимания, возникает необходимость в разработке единого понятия.

Проанализировав различные понятия «робот» в современном мире, предлагаем классифицировать понятие «робот» следующим образом: в первую группу входят понятия, предложенные в научной литературе их мы разделим на технические и гуманитарные, вторую группу образуют официальные (законодательные) понятия. Кроме того, эти группы следует также разделять на понятия зарубежные, международные и отечественные. Подробнее разберем данную классификацию.

Рассматривая доктринальные определения обратимся к понятиям предложенным учеными работающими в технической сфере. В регламенте международных соревнований FIRST Tech Challenge указано, что робот – любой механизм, прошедший проверку и выставленный командой на игровое поле до начала матча [15].

«Робот – это автоматическое устройство с обратной связью, действующее по заложенной в него программе. Робот способен самостоятельно взаимодействовать с окружающей средой и обладает искусственным интеллектом или его зачатками. Робот обладает тремя основными составляющими: механической, электронной, программной, каждая из которых играет существенную роль в его работе» – такое определение дается в регламенте ежегодного международного фестиваля робототехники «РобоФинист» [9].

Австралийский робототехник Родни Брукс утверждает, что робот – это нечто, что оказывает физическое воздействие на мир, причем делает это на основании того, как оно ощущает (воспринимает) мир, и как мир вокруг него изменяется [21].

Гуманитарные понятия – это прежде всего те, которые выведены в доктрине, учеными юристами, философами и другими представителями гуманитарных профессий.

Так, советский лингвист С.И. Ожегов определил робота как автомат, осуществляющий действия, подобные действиям человека [5].

В проекте Федерального Закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники», предложенный Дмитрием Гришиным, используется следующее понятие робота – устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека [14].

В Кембриджском словаре дано несколько определений понятию робот. Например, робот (человек) – это тот, кто делает все очень эффективно, но никогда не проявляет своих эмоций. Робот (ИТ, производство) – это машина, которая управляется компьютером и выполняет задания автоматически. Робот (англ. Robot) – механическое устройство, работающее автоматически или под управлением компьютера [13].

Подобные определения содержатся и в Оксфордском словаре [18].

В словаре Merriam-Webster приведено следующее определение: робот – машина, которая внешне напоминает человека и осуществляет различные сложные действия (напр., ходит, говорит), свойственны человеку [19].

Нельзя сказать, что роботы в России получили широкое распространение как, например, в Японии, Южной Корее и некоторых других странах, являющихся ведущими в этой сфере. Возникает потребность в изучении законодательного опыта зарубежных стран и возможности его применения на территории Российской Федерации.

Однако говорить о полном отсутствие правовой основы также нельзя. Так, с 1 января 2016 года в России действует ГОСТ Р ИСО 8373–2014 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения». Проведя анализ документа, можно заметить его идентичность с международным стандартом ISO 8373:2012. Пункт 2.6 ГОСТ закрепляет понятие «робот», под которым понимается исполнительный механизм, программируемый по двум или более степеням подвижности, обладающий определенной степенью автономности и способный перемещаться во внешней среде с целью выполнения задач по назначению [1].

Другого легального определения законодатель не выработал.

Международные источники. Здесь необходимо обратить внимание на международный стандарт ISO 8373:2012 «Robots and robotic devices – Vocabulary» там говорится, что робот – привод-

ной механизм, программируемый по двум осям, имеющий некоторую степень автономности, движущийся внутри рабочей среды и выполняющий задачи по предназначению [12].

В Законе Южной Кореи о содействии развитию и распространению умных роботов №9014 от 28.03.2008 под «умным роботом» обозначается механическое устройство, которое способно воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигается самостоятельно [2].

Согласно Закону Эстонии «О внесении изменения в Закон о дорожном движении» самодвижущийся робот-курьер – устройство с полностью автоматической или дистанционной формой управления, работа которого обеспечивается за счет колес или иного вида шасси, соприкасающегося с землей, и системы датчиков, камер или другого оборудования, которые, предоставляя информацию об окружающей обстановке, позволяют устройству частично или полностью перемещаться в автономном режиме [3].

Проанализировав различные понятия робота, мы приходим к выводу о необходимости законодательного закрепления универсального определения, которое охватывало бы все разнообразие роботов на рынке робототехники.

Далее стоит классифицировать всех существующих на данный момент роботов и разрабатывать регулирование уже в рамках классификации, так как обобщенный подход к этому вопросу может привести к возникновению большого количества коллизий и отрицательно сказаться на правовом регулировании в целом.

Встает вопрос о необходимости выделения оснований разграничения. Мы считаем, что при разработке законодательной концепции в области робототехники необходимо руководствоваться следующими критериями:

1. *Критерий автономности.* Пожалуй, основной критерий, так как именно его мы берем в расчет признавая, что автомобиль самолет и другие устройства, обладающие программным обеспечением и способностью к производству физических действий, тем не менее, не являются роботами, так как управляются человеком. Отсутствует важнейший признак, характерный для роботов, – автономность. Существуют роботы с низкой и с высокой степенью автономности. Очевидно, можно каким-то образом разбить автономность по уровням, присвоив каждому роботу свою категорию [11]. Мы не гово-

рим о том, что робот пылесос, имеющий высокую степень автономности и не требующий вмешательства человека при уборке помещения нуждается в более детальном регулировании, чем, например, авиалайнер, управление которым невозможно без участия пилота. Стоит заметить, что это основание стоит рассматривать комплексно с не менее, а может и более важным основанием: безопасность.

2. *Критерий безопасности.* Особенно значимым является в период, когда автономность таких сложных технических устройств как машина или самолет возросла с появлением роботизированных коробок передач. Поэтому, в зависимости от уровня потенциальной опасности возникает необходимость в выделении категорий безопасности.

Так же можно выделить критерий деления в зависимости от внешнего вида робота: похожие на человека (роботы-гуманоиды: андройды, киборги) и напротив отличные от него (производственные, промышленные роботы). Однако, данное деление стоит оставить в теоретической плоскости, так как одинаковые внешне роботы могут наделяться совершенно разным содержанием и комплектацией.

Стоит заметить, правовое регулирование в России в сфере робототехники отстает от технического прогресса. Пока за рубежом делаются попытки законодательного регулирования, мы «топчемся на одном месте».

Необходимо четко, детально проработать общее понятие робота, опираясь на несовершенства нынешнего законодательства и опыт других стран. Законодателю необходимо серьезно отнестись к существующему пробелу. Точное урегулирование понятий роботов позволит структурировать законодательство в этой сфере и предотвратить появление возможных коллизий.

Робот рассматривается в праве на сегодняшний день исключительно как объект, то есть часть внешнего для субъекта (человека или коллективных образований, в том числе имеющих статус «юридического лица») мира вещей, которые могли быть присвоены (созданы, уничтожены, переданы в результате сделки и т.д.). В юридическом смысле робот – имущество, а не «persona»; объект, а не субъект правоотношений. Однако в научных кругах с каждым годом появляется все больше мнение по поводу перевода робота из объекта в субъекты правоотношений.

Список литературы

1. Пункт 2.6 ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14 февраля 2019 № 31-ст.
2. Закон «О содействии развитию и распространению умных роботов» № 914 от 28. 03.2008. – URL: http://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения: 20.02.2020).
3. Закон Эстонии «О внесении изменения в Закон о дорожном движении». – URL.: http://robopravo.ru/estonskii_zakon_o_robotakhkurierakh (дата обращения: 20.02.2020).
4. В Ухане более 30 роботов помогают бороться с коронавирусом. – URL: <https://ria.ru/20200207/1564382200.html> (дата обращения: 20.02.2020).
5. Ожегов, С.И. Робот / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Толковый словарь русского языка. – Москва: Азъ, 1992. – URL: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt (дата обращения: 02.02.2020).
6. Развитие мирового рынка робототехники. – URL: <https://wtcmoscow.ru/services/international-partnership/actual/razvitiemirovogo-rynka-robototekhniki/> (дата обращения: 05.02.2020).
7. Роботы стремятся к звездам. – URL: <https://habr.com/ru/company/mailru/blog/407165/> (дата обращения: 17.02.2020).
8. Робот «Федор» во время полета на МКС перевыполнил план. – URL: <https://ria.ru/20190919/1558831674.html> (дата обращения: 17.02.2020).
9. РобоФинист. Регламент соревнований «Свободная творческая категория». Версия 1.5 от 4 октября 2018 г. – URL: <https://goo.gl/jH1sJ3> (дата обращения: 04.02.2020).
10. Синьхуа (Китай): робот-опрыскиватель присоединяется к борьбе с эпидемией в Китае. – URL: <https://inosmi.ru/social/20200212/246833066.html> (дата обращения: 20.02.2020).
11. Сулин, А. Регулирование роботов: с чего начать? 2017. – URL: <https://www.iemag.ru/analitics/detail.php?ID=39809> (дата обращения: 18.04.2020).
12. ISO 8373:2012 Robots and robotic devices. – URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:8373:ed-2:v1:en> (дата обращения: 06.02.2020).

13. Cambridge Dictionary «Robot». – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/robot> (дата обращения: 01.02.2020).
14. Dentons разработала первый в России законопроект о робототехнике. URL: <https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2017/january/27/dentons-develops-first-robotics-draft-law-inrussia> (дата обращения: 01.02.2020)
15. FIRST Tech Challenge Game. Manual. Part 1. 2018–2019. – URL: <https://goo.gl/hV5DXz> (дата обращения: 06.02.2020).
16. New Robot Does Superior Job Sampling Blood. URL: <https://news.rutgers.edu/new-robot-does-superior-job-sampling-blood/20200204#.XkoaiEczbIX> (дата обращения: 17.02.2020)
17. Oxford Advanced American Dictionaries. «Robot». – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/robot (дата обращения: 02.02.2020).
18. Oxford Learner’s Dictionaries. «Robot». – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/robot?q=robot> (дата обращения: 02.02.2020).
19. Robot. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/robot> (дата обращения: 20.02.2020).
20. Robotics: Concepts, Methodologies, Tool, and Application/Information Resources Management Association, IGI Global, 2013:2.
21. Yang, S. et al. Experiences developing socially acceptable interactions for a robotic trash barrel. Robot and Human Interactive Communication (ROMAN), 2015 24th IEEE International Symposium on.IEEE, 2015, 277–284.

3.5. Проблемы деформации права

Кирияченко Оксана Игоревна

На сегодняшний день достаточно много правовых актов регулируют сходные правоотношения, что вносит некоторую неразбериху на практике применения таких актов. Большой пласт пробелов в праве составляют юридические коллизии.

В связи с этим достаточно актуальным в настоящее время является вопрос ликвидации возникшей деформации права в виде преодоления существующих в российской правовой системе юридических коллизий.

Прежде чем рассмотреть возможные варианты устранения правовых коллизий, постараемся разобраться, какие существуют виды коллизий действующего законодательства РФ.

Так, например, интересной нам представляется классификация юридических коллизий, предложенная Н.И. Мутузовым. Согласно данной классификации, в теории права принято выделять следующие виды коллизий:

- коллизии, которые встречаются в отдельных нормативно-правовых актах (далее – НПА);
- одновременное опубликование противоречащих друг другу НПА;
- коллизии, возникающие непосредственно на практике применения НПА;
- коллизии на внутригосударственном и международном уровнях;
- коллизии статусов или полномочий различных должностей на разных уровнях [1, с. 128].

Считаем, что предложенная Н.И. Мутузовым классификация не достаточно полная и не охватывает всего того огромного многообразия случаев и вариантов возникновения юридических коллизий.

Существуют также коллизии между законами и подзаконными актами. В качестве примера можно привести (ч. 2 ст. 4; ч. 3 ст. 90; ч. 1 и 2 ст. 115; ч. 2 ст. 120 Конституции России [2]). Также противоречие НПА Основному закону РФ.

В случае, например, выявления противоречий между внутригосударственным законодательством и международными правовыми актами, приоритет отдается международным НПА.

А.Я. Курбатовым предложена немного иная классификация юридических коллизий, согласно которой выделяют:

- противоречия, возникающие между федеральным законодательством и законодательством субъектов РФ;
- противоречия, возникающие между правовыми нормами актов с равной юридической силой; общеправовыми и специальными нормами права; нормой права, действующей до принятия новой нормы и нормой, которую приняли позже, регулируемыми одни отношения и имеющие равную юридическую силу [3, с. 45].

Именно наличие правовых коллизий является причиной деформации права, и это не только связано с уровнем компетенции самого законотворческого органа, но и напрямую зависит от уровня юридической грамотности самого правоприменителя.

Причиной возникновения правовых коллизий также является постоянное изменение общественно-социальных отношений, нормы права, не успев «поработать», уже устаревают и теряют свою практическую значимость и назревает необходимость в принятии новых НПА, которые бы не противоречили уже имеющимся, при этом регулировали и в полной мере возникшие новые правоотношения.

В.В. Трофимов выделил следующие причины возникновения юридических коллизий:

- постоянное развитие общественных отношений;
- огромная территория Российской Федерации и как следствие большое количество субъектов федерации;
- отсутствие единой системы правовых принципов действия права [4, с. 153].

К объективным причинам возникновения коллизий В.В. Денисенко относит:

- стремительное развитие правоотношений во времени, то есть происходит конкуренция и противоречие вновь принятых правовых актов с уже существующими, при этом уже принятые ранее правовые акты являются действующими и не утратившими свою юридическую силу;
- возникновению коллизий способствует изменение правоотношений во времени и в пространстве, а также и сама природа данных отношений, их особенности.

Таким образом, приходится констатировать, что одной из главных причин появления юридических коллизий и как следст-

вие связанная с ними деформация права является постоянная трансформация общественных и социальных правоотношений.

Тем не менее, помимо объективных причин возникновения деформации права существуют также и субъективные причины, среди которых следует выделить: наличие пробелов в праве, отсутствие строгой структуры НПА, перераспределение и делегирование полномочий законотворческих органов, некомпетентность субъектов правовой деятельности.

Также в юридической литературе В.С. Нерсисянц пишет о достаточно низком уровне правовой культуры и некомпетентность органов законотворческой деятельности, о чем мы упоминали ранее [5, с. 98].

Совершенно справедливым считаем высказывание В.В. Лазарева по данному поводу о том, что в качестве субъективной причины можно назвать также нарушение конструкции правовой нормы в законе, среди которых можно отметить и регулирование неких похожих отношений, помещаемых не в общую, а в особенную часть; игнорирование законодательной техники; недостатки конструкции правовых норм [6, с. 22].

Существующие пробелы действующего законодательства РФ влекут за собой деформацию восприятия реальности государства как правового механизм, как следствие слабая роль правовой системы в целом и органов государственной власти в частности.

Именно мониторинг пробелов в праве и правовых коллизий, возникающих на практике применения законодательства помогло бы значительно снизить объемы деформации права и предупредить его возникновение еще на начальной стадии законотворческого процесса.

На основании изложенного следует, что юридическая ошибка образуется в результате незаконной деятельности властей, не отвечающей нормам права, что происходит ввиду неисполнения всех процедур для постижения подлинной цели, в случае заблуждения либо неосторожности. Так, среди общих юридических ошибок отмечают противостояние законности и целесообразности; ошибочный выбор предмета регулирования законом; незаконный выбор форм нормативных актов; не соблюдение процедуры, подготовки и обсуждения проекта закона либо другого акта; неправильное выражение и в дальнейшем употребление терминов и понятий нормативного характера, не обоснованная юри-

дическая квалификация юридических фактов и правовых явлений; ошибочный выбор норм и НПА, имеющие отношение к субъекту и объему его прав; отличающееся толкование статуса индивидов и юридических лиц, ошибочное создание конструкции правовой нормы; ошибочные толкования нормы; ложное обращение за правовой защитой; ошибочный взгляд на не правомерные действия, якобы не имеющие отношения к незаконным; ошибочное применение средств исполнения права; не использование мер ответственности.

В заключение отметим, что, изучив деформации права в судебных актах стало очевидно, что в праве имеются разные виды деформаций, среди которых большое значение имеют, представляющие перед нами своим многообразием по разным критериям: формам выражения, иерархии, характеру, структурированности, актуальности, отраслевой принадлежности, методам их решения, политизированности, содержанию, социально-общественной направленности.

В основании деформаций права внутрисистемно установлены причины субъективного и объективного порядка. При этом объективными являются некие противоречия, которые зарождаются области правового регулирования по причине постоянного изменения общественных отношений. К субъективным причинам возникновения деформации права относят те, которые зависят от сознания и воли политической элиты, законотворцев.

В системе юридических способов и средств, применяемых при решении задач по ликвидации дефектов права, выделяют такие их виды: анализ прежнего либо создание нового юридического состояния; толкование права; гармонизация норм права (в рамках правового творческого и правового применения); системно-упорядоченное и последовательное развитие всего законодательства (внесение уточнений и изменений в действующие акты); выработка согласительных комиссий; реализация закона; употребление выработанных юридической практикой методик и коллизионных норм; исследование юридических споров (третейских, административных и прочих).

Список литературы

1. Матузов, Н.И. Юридические коллизии и способы их разрешения // Теория государства и права: курс лекций / под ред. П.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов, 2015. – 489 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158429/.

3. Курбатов, А.Я. Порядок разрешения коллизий в российском праве / А.Я. Курбатов // Корпоративный юрист. – 2015. – № 11. – С. 41–48.

4. Трофимов, В.В. Юридические коллизии: основные причины и роль юридической техники как средства правовой политики в вопросе их предупреждения / В.В. Трофимов // Юридическая техника как важнейшее средство правовой политики: сборник научных трудов по материалам международного круглого стола / под общ. ред. А.В. Малько, М.А. Костенко. – Таганрог, 2010. – С. 152–154.

5. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. – Москва: Норма-Инфра-М, 2016. – 692 с.

6. Лазарев, В.В. Пробелы в праве / В.В. Лазарев. – Москва, 2014. – 458с.

7. Сухов, Э.В. Правовые коллизии и способы их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук / Э.В. Сухов. – Нижний Новгород, 2004. – 169 с.

3.6. Международно-правовое регулирование киберпреступности

Кирияченко Оксана Игоревна

Информационные технологии, ставшие неотъемлемой частью общественной жизни, пронизывают все сферы деятельности, как на международном, так и внутригосударственном уровнях. Однако, с приходом в нашу повседневную жизнь информационных технологий, возникает ряд рисков и угроз, порождающих необходимость эффективного и быстрого решения новых задач по предупреждению киберпреступности, особо опасной формой которой является именно киберпреступность на глобальном, международном уровне.

Киберпространство является доступной сферой для внедрения извне с целью получения необходимой информации, ее изменения, вбрасывания вирусов в компьютерную систему, в связи с чем оно стало весьма уязвимой областью всей системы международной безопасности. Вышесказанное подтверждается многочисленными «хакерскими атаками», которым в последние годы много раз подвергались стратегически важные отрасли США, Сирии, Великобритании, Грузии и других государств.

Однако несмотря на глобальный уровень опасности происходящих кибератак, полагаем недостаточным международно-правовое регулирование понятий киберпреступности, и международно-правовой механизм регламентирования правоотношений в современном киберпространстве.

Актуальность означенной проблем подтверждается тем уроном в экономике и политике, который причиняется при кибератаках: полностью прекращается работа крупных коммерческих структур, парализуется работа государственных и международных органов. Нет тех государств, которым не угрожали угрозы и риски таких атак. При этом специалистам в области компьютерных технологий не так просто обнаружить и устранить их источники, поскольку к таковым могут относиться, как хакеры либо их группы, так и спецслужбы некоторых государств, преступные сообщества или террористические группировки.

Бесспорно, что к киберпреступности относятся компьютерные преступления, имеющие латентный характер, который, как отмечают зарубежные эксперты, «в США достигает 80%, в Великобритании – 85%, в ФРГ – 75%, а в России – более 90%» [1, с. 175]. По некоторым статистическим данным, приведенным международной службой Symantec Security, в современном информационном пространстве кибератакам подвергаются не менее двенадцати человек в секунду, а в целом по всему миру насчитывается около 560 млн компьютерных преступлений, причиняющих около 100 млрд долларов. Компьютерными преступлениями нарушаются экономические и политические интересы государств и индивидов.

Именно поэтому вопросы безопасности информационных интернет-систем требуют разрешения проблем кибербезопасности посредством усилий, как международного сообщества, так и внутригосударственных структур и частных лиц. Но при этом непосредственно каждое государство в состоянии и обязано максимально противостоять совершению киберпреступлений, способствовать созданию эффективной системы защиты информации для таких наиболее уязвимых субъектов коммерческой и иной деятельности, как банки, правоохранительные и иные исполнительные органы государства.

Итак, определимся с понятием «киберпреступление». Как правило, к таковым причисляют преступные деяния, которые совершаются в информационной телекоммуникационной сфере Интернет, а также посредством ее или против нее.

Слово «киберпреступность» как сложное слово состоит из двух частей.

Согласно толковому словарю, приставка «cyber» означает «относящийся к информационным технологиям, сети Интернет, виртуальной реальности» [1, с. 176].

В Кембриджском словаре приставка «cyber» означает «включающий в себя использование компьютеров или относящихся к компьютерам, особенно к сети Интернет» [1, с. 176].

Под киберпреступлением следует понимать «преступление, связанное с использованием информационных технологий и глобальных сетей» [2, с. 121].

Итак, киберпреступностью является весь перечень преступлений, которые совершают субъекты в киберпространстве непо-

средственно в компьютерных системах либо компьютерных сетях, а также используя компьютерные системы либо компьютерные сети и прочие средства доступа к киберпространству, находясь в этих компьютерных сетях и компьютерных данных.

В современных правовых системах все виды киберпреступлений принято подразделять в зависимости от следующих критериев:

- «по объекту посягательства: экономические компьютерные преступления; компьютерные преступления против личных прав и неприкосновенности частной сферы; компьютерные преступления против общественных и государственных интересов;

- по характеру использования компьютеров или компьютерных систем: деяния, в которых компьютеры являются предметами преступлений (похищение информации, несанкционированный доступ, уничтожение или повреждение файлов); поступки, при которых компьютеры применяются как орудия преступления (электронные хищения); преступления, при которых компьютеры играют роль интеллектуальных средств (размещение в сети Интернете вредоносных сайтов)» [1, с. 176].

С целью борьбы с указанными преступными явлениями в информационной среде международное сообщество принимает меры по трем основным направлениям:

- выработка нормативно-правовых актов унифицированного характера на международном уровне, предложив общие рекомендации по борьбе с киберпреступностью;

- формирование внутригосударственной правовой базы для борьбы с киберпреступлениями;

- проработка и введение действенного механизма взаимодействия между государствами и международными органами по предупреждению и расследованию компьютерных преступлений.

Существующие в национальных системах права международно-правовые механизмы сотрудничества, учитывая запросы, помощь по уголовным делам, выдача преступников, конечно же необходимы, однако недостаточны, поскольку киберпреступления совершаются в виртуальном пространстве и их могут совершить с любой территории нашей планеты в течение нескольких секунд.

Международно-правовая регламентация борьбы с компьютерными преступлениями является основой всей системы по их предупреждению и противодействию им. Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) ведется активная работа по усовершенствованию правовой базы для осуществления борьбы с рассматриваемым в рамках данной статьи явлением. Большое значение здесь играет и создание правовой базы по борьбе с киберпреступностью на региональном уровне, так как системы прав различных государств имеют свою специфику.

Вместе с тем для международного сообщества представляет некую сложность создание международных актов по борьбе с киберпреступностью, состоящую в том, что действующие в настоящее время законы сложно применять, поскольку кибератаки, которым подвергаются компьютерные системы, не поддаются отслеживанию и локализации, происходят в масштабах всего Земного шара, а их доказательства могут находиться в разных уголках Земли и виртуальны.

Однако известна практика отдельных государств по применению норм действующих международных договоров для борьбы с компьютерными преступлениями, а также заключения новых договоров. В качестве примера следует привести Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [3], которая может быть применима при привлечении к уголовной ответственности организованных преступных групп, которые осуществляют свою преступную деятельность в киберпространстве. В данной Конвенции закреплены важнейшие направления международного сотрудничества в этой области.

За последнее десятилетие в рамках международного правотворчества была разработана Конвенция ООН об обеспечении международной информационной безопасности 2011 г. [4] Данная Конвенция состоит из преамбулы, двадцати трех статей, составляющих основную часть и заключительных положений.

В основной части сосредоточены пять глав, представляющих собой логически оформленный, целостный материал. В статье 4 данного документа оформлены важнейшие угрозы международной информационной безопасности, которые дифференцированы на

одиннадцать базовых и четыре дополнительных. К базовым отнесены:

- «использование информационных технологий и средств для осуществления враждебных действий и актов агрессии;
- целенаправленное деструктивное воздействие в информационном пространстве на критически важные структуры другого государства;
- трансграничное распространение информации, противоречащей принципам и нормам международного права, а также национальным законодательствам государств» [4].

Недостатком данного раздела является то, что в нем отсутствует указание на важнейшие и реальные угрозы международной информационной безопасности, как распространение наркотиков, детской порнографии, совершение компьютерных преступлений.

Интерес представляет ст. 5 Конвенции, где закреплены основополагающие принципы, гарантирующие обеспечение международной безопасности в сфере информации. Изучив приведенные принципы, мы можем сделать вывод, что они представлены четырьмя следующими группами:

- принципы участия государства в системе международной информационной безопасности как члена международного сообщества;
- принципы, которые дают возможность странам сохранять свой суверенитет при осуществлении международного сотрудничества в борьбе с информационными преступлениями;
- принципы, способствующие обеспечению свободного информационного обмена между государствами;
- характер взаимного действия стран и частных лиц при осуществлении международного сотрудничества в борьбе с информационными преступлениями.

Однако в данной Конвенции не освещены принципы международного сотрудничества в борьбе с информационными преступлениями, не считая направленного против действий террористического характера.

Положительный момент рассматриваемой Конвенции – это проработка главы 5, регламентирующей вопросы международного сотрудничества в сфере международной информационной безопасности. Между тем, считаем, что в главе не совсем подробно и полно отражены меры международного сотрудничества в борьбе с кибер-

преступностью и не позволят максимально эффективно работать в этом направлении всей системе международно-экономической безопасности. Следует отметить, что в рамках главы 5 рассматриваемого документа предложены такие меры, как:

- «обмен национальными концепциями обеспечения безопасности в информационном пространстве;
- оперативный обмен информацией о кризисных событиях и угрозах в информационном пространстве;
- принимаемых мерах в отношении их урегулирования и нейтрализации»;
- консультации по вопросам деятельности в информационном пространстве, которая может вызывать озабоченность государств-участников, и сотрудничество в отношении урегулирования конфликтных ситуаций военного характера» [4].

Неполная проработка рассматриваемых форм состоит в том, что здесь не учли особое значение и необходимость оперативного взаимного действия правоохранительных органов отдельных государств по разным вопросам.

По нашему мнению, закрепленные в Конвенции ООН «Об обеспечении международной информационной безопасности» правовые нормы направлены на предупреждение и борьбу с информационными войнами, кибертерроризмом и имеют компромиссный характер.

Помимо унифицированного акта, принятого ООН, отдельные специализированные нормативно-правовые акты и договоры, направленные на борьбу с киберпреступлениями, были приняты в рамках Европейского союза. Примечательно, что именно Евро-союз обладает самой развитой системой по обеспечению информационной безопасности. Примечательно, что еще в октябре 1999 г. на Тамперском совещании Европейского совета решили ввести преступления в сфере высоких технологий в число преступлений, которые необходимо криминализировать, исходя из европейской доктрины. В 2001 г. Европейской комиссией было оглашено специальное сообщение «Создание безопасного информационного общества посредством повышения защищенности информационной инфраструктуры и борьбы с преступлениями с использованием компьютерных средств», где отразили предложения правового и организационного характера, осве-

щающие вопросы борьбы с киберпреступностью непосредственно в Европейском союзе [5, с. 369].

В качестве примера приведем принятую в 2001 г. Советом Европы Конвенцию о киберпреступности [6]. В данном правовом акте определены меры борьбы с киберпреступностью. Следует указать, что наше государство не присоединилось к данному акту ввиду того, что положения ст. 32b не отвечают нормам законодательства России и нарушают российский суверенитет, что отражается в том, что установленные в ней меры вправе совершать, предварительно не уведомив сторону и не получив ее согласие. Помимо этого, в российском уголовном законодательстве отсутствует статья, по которой привлекаются к уголовной ответственности юридические лица за преступления в сфере компьютерной информации.

Кратко охарактеризуем ее структуру и содержание. Конвенция включает в себя преамбулу, в которой определена следующая ее цель:

– приоритет в формировании общей политики в области уголовно-правового регулирования, которая направлена на защиту информации от киберпреступности, а также путем принятия необходимых правовых актов и упрочения сотрудничества государств;

– предупреждение и недопущение любых действий, посягающих на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных систем и сетей и компьютерной информации, в том числе против всяких злоупотреблений подобными системами, сетями и информацией, посредством обеспечения привлечения к уголовной ответственности за данные деяния и наделения полномочиями, необходимыми для результативной борьбы с подобными правонарушениями, посредством помощи обнаружения и расследования кибер-преступлений, а также судебному преследованию за их совершение на национальном и международном уровнях с помощью проработки договоренностей касательно незамедлительного и верного сотрудничества между государствами.

Анализируемая Конвенция говорит об исполнении действий на уровне различных государств, являющихся ее участниками, на международном уровне. Что касается внутригосударственного уровня, то в Конвенции предполагается развитие материально-правовых уголовных норм: создание в уголовном законодательстве государств норм об ответственности за преступления, посягающие на конфиденциальность, целостность и доступность ком-

пьютерных систем, сетей и информации, за преступления, посягающие на неправомерное использование компьютерных средств, с содержанием информации, с нарушением авторских и смежных прав; установление дополнительных видов ответственности и санкций (предусмотреть ответственность за покушение на совершение преступления, соучастие в нем либо подстрекательство к его совершению в данной области); предусмотреть уголовную ответственность юридических лиц, но такая ответственность противоречит положениям уголовного законодательства некоторых государств.

Приведем классификацию киберпреступлений, приведенную в Конвенции о киберпреступности 2001 г.:

- «преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем: незаконный доступ; неправомерный перехват; воздействие на данные; воздействие на функционирование системы; незаконное использование устройств;

- правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств: подлог с использованием компьютерных технологий; мошенничество с использованием компьютерных технологий;

- преступления, связанные с содержанием данных – преступления, связанные с детской порнографией;

- правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав» [6].

В 2003 г. был принят Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности 2001 г. [7] дополнил вышеприведенный список такими видами киберпреступлений: «распространение расистских и ксенофобских материалов посредством компьютерных систем; мотивированная угроза расизма и ксенофобии; расистское и ксенофобское мотивированное оскорбление; отрицание, чрезвычайная минимизация, одобрение или оправдание геноцида или преступлений против человечества» [7].

В рассматриваемом правовом акте предусмотрена необходимость выработки уголовно-процессуальных норм – о необходимости законодательно закрепить «оперативное обеспечение сохранности накопленной компьютерной информации, процедуры проведения обыска и выемки хранимых компьютерных данных» [7].

Но преимущественно нормы Конвенции регулируют вопросы международного сотрудничества, о чем говорится в главе 3. Среди принципов международного сотрудничества следует отметить

общие принципы взаимопомощи; вероятность трансграничного доступа ко всей содержащейся компьютерной информации с соответственного согласия либо к общедоступной информации, взаимопомощи в связи с оценкой хранящихся электронной информации, правовой взаимопомощи по сбору информации о потоках в режиме реального времени; создание сети).

Необходимо отметить, что кроме указанных международных документов, международное сотрудничество, направленное на предотвращение киберпреступности регулируется такими международными договорами: Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 г., «Окинавская Хартия глобального информационного общества» от 22 июля 2000 г., Женевская Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» 2003 г., Тунисская программа для информационного общества 2005 г., Программа «Информация для всех» 2001 г., Руководство Международного союза электросвязи (ITU): «Понимание киберпреступности: Руководство для развивающихся стран».

На региональном уровне также велась разработка правовых актов, регулирующих отношения в сфере информационной безопасности, среди которых хочется отметить: Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам в том, что касается судебных поручений о перехвате телекоммуникационных сообщений; Конвенцию о борьбе с пиратством в области авторского права и смежных прав; Конвенцию о порядке использования персональных данных полицией, Конвенцию о защите персональных данных в сфере телекоммуникационных услуг, в особенности телефонных услуг; Конвенцию о преступлениях, связанных с компьютерами; Конвенцию по проблемам уголовно-процессуального права, связанным с информационными технологиями.

С целью урегулирования правоотношений в сфере безопасности информации в сети Интернет, десять государств СНГ также разработали Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г.

Интерес представляет и разработанное в 2013 г. Таллинское руководство по международному праву, которое может быть использовано в случае кибервойны. Однако этот международный документ имеет чисто рекомендационный и теоре-

тический характер, и разработан на основе рассмотрения международно-правовых обычаев и принципов, условий международных договоров, документов международных межправительственных организаций, а также практики международных трибуналов и судов.

Таллинское руководство включает две основные части, которые содержат 95 правил ведения кибервойны:

– часть А устанавливает «Международное право кибербезопасности» и состоит из двух глав и 19 правил, определяющих права конфликтующих сторон на ведение кибервойны;

– в части В – «Право киберконфликтов», включающей пять глав и 76 правил, установлено поведение сторон в ходе кибервойны.

Данные Таллиннского руководства были приняты с целью оценки нормативно-правовой базы в сфере информационной безопасности и изучения их действенности на современном этапе. Данное Руководство включает в себя немаловажную норму, что любое государство должно понимать результаты разработки, внедрения и применения новых видов вооружения, учитывая и кибероружие, в рамках международного гуманитарного права. Между тем, отдельные ученые полагают ложным использование норм гуманитарного права в киберконфликтах, считая эти отношения чисто уголовно-правовыми и применимыми посредством Международного уголовного трибунала по киберпространству.

Полагаем, что данный документ можно рассматривать как желание нормативно определить применимость международно-правовых норм к «киберугрозам», однако и в руководстве не приведено толкования киберпреступления.

По нашему мнению, на сегодняшний день назрела необходимость принятия международной Конвенции по борьбе с киберпреступностью универсального характера, в которой проработать терминологию, связанную с компьютерными преступлениями. При чем разработку такую необходимо провести на базе ООН. Усовершенствование международно-правового механизма по борьбе с киберпреступлениями является наиболее эффективным способом избежать возможного информационного хаоса, вызванного киберпреступностью.

Помимо развития области применения информационных технологий, которые дают все больше возможности для проти-

возаконной деятельности отдельным лицам и преступным группам, следует наращивать непрерывное международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью. На сегодняшний день стало очевидно, что бороться с киберпреступностью силами отдельного государства достаточно сложно и здесь большую роль играют именно международно-правовые механизмы в этой сфере.

Список литературы

1. Мартьянов, Н. Р. Уголовно-правовая борьба с киберпреступлениями на современном этапе / Н. Р. Мартьянов // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 1. – С. 175–177.

2. Талипова, Л. Р. Международно-правовая регламентация киберпреступности / Л. Р. Талипова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 2. – С. 121–123.

3. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543/.

4. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) от 22 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] / <https://www.mid.ru>. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666.

5. Якимова, Е. М. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью / Е. М. Якимова, С. В. Нарутто // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – №2. – С. 369–378.

6. Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) Будапешт, 23 ноября 2001 года [Электронный ресурс] / <https://dejure.az/ru>. – URL: <https://dejure.az/ru/legislation/konvenciya-po-kiberprestupleniyam>.

7. Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем ETS № 189 (Страсбург, 28 января 2003 г.) [Электронный ресурс] / СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/4084840/#friends>.

3.7. Проблемы повышения правосознания и правовой культуры общества в современной России

Фуенсун Анастасия Дмитриевна

На данный момент в юридической литературе имеется множество вопросов, касающихся правовой культуры и правового сознания, на которые по-прежнему нет однозначного ответа, но существует множество различных мнений, представлений. Это связано с разными аспектами данного вопроса.

Актуальность данной темы заключается в развитии высокого уровня правовой культуры как одного из главных условий для формирования правового государства. Правовая культура обусловлена уровнем правового сознания общества.

На сегодняшний день в социуме существуют следующие проблемы:

- отсутствие правового сознания и правовой культуры,
- беспорядок в юриспруденции,
- правовой нигилизм, который проявляется во всех сферах жизни отношений людей,
- непоследовательность и бесформенность правовой системы,
- правовая неграмотность населения, особенно молодого поколения,
- правовая некультурность средств массовой информации.

Правовая культура – это единство правовых знаний, их понимание и исполнение. По мнению А.В. Ефремова, в нашей стране мы сталкиваемся с проблемой правового нигилизма, так как законодательство, которое мы имеем, несовершенно. Права человека составляют ядро гуманистически-демократического сознания, именно поэтому их значимость будет признана в тот момент, когда народ не только сможет воспользоваться формальным значением прав, но и будет понимать надежность их гарантий, когда обеспечение прав будет пониматься как благо и ценность жизни [3, с. 80–84].

О.А. Лядов в своей статье о роле правовой культуры указывал на повышение качества правовой культуры через работу со студентами в вузах и иных образовательных учреждениях правового профиля, которые занимаются обеспечением кадрового

потенциала в правоохранительных органах, юридических учреждениях и т.д. Развитие правовой культуры зависит от преодоления юридической безграмотности и правового нигилизма [4; с. 1–3].

Правовая культура имела разный уровень развития на каждом этапе своего становления. В советское время перестройка в России многое сделала для предоставления гражданам правовой информации и повышения их правовой культуры: активные лекции и издательская деятельность проводились с участием адвокатов, сотрудников правоохранительных органов и юрисконсультов. На сегодняшний день участие юристов в юридической подготовке не является их официальной обязанностью, хотя, имеет смысл вернуться к разъяснению применяемых законов, правовой пропаганды и права обучать юристов посредством консультаций, лекций, выступлений через СМИ.

Взаимосвязь правовой культуры с моральными установками способствуют обеспечению легитимности и укреплению государственности. Правовая культура – это не только установки, которые действуют на сознание и психику, это совокупность деятельности и поведения социума в целом.

Е.Ф. Усманова рассматривает правовую культуру, как явление материально-духовного порядка, которая ориентирована на развитие политического и правового сознания людей в сферах правового регулирования путем воздействия и закрепления духовных ценностей и правовых ориентиров и установок, а также содержанием новых взглядов на устаревшие стереотипы. Интегрированные качества правовой культуры должны активно внедряться в социальную среду и развивать понимание у членов данной среды в определенных типах правового поведения [5].

Правосознание является неотъемлемой частью правовой культуры. Именно через правосознание можно понять, как право осознается и оценивается определенным субъектом и как этот субъект к нему относится. Следовательно, правовая культура свойственна тем субъектам, у которых есть правосознание.

Правосознание является формой общего сознания вместе с религиозным, философский, политическим и т.д.

Н.М. Виленский в своей статье о правовом нигилизме как о проблеме российского правосознания указывал на важность аспекта юридического невежества, говорил о недостаточном знании законов и правовой неграмотности. Н.М. Виленский, как и

большинство исследователей данного вопроса, указывает на то, что правовой нигилизм сформирован в далеком прошлом и является менталитетом русского народа, начиная с периода крепостничества до настоящего времени, подчеркивая русское правосознание нелюбовью к формализму [1; с. 125–127].

Еще одним факторов образования нигилизма автор выделяет незрелость гражданского общества как проявление пассивности к познанию собственных прав и свобод. Данный факт и является причиной образования низкой правовой культуры. Отличительные черты нигилизма – это массовость и распространение неграмотности среди должностных структур и обычных граждан.

Для преодоления правовой безграмотности в Российской Федерации необходимы преобразования, которые будут способствовать повышению уровня правовой культуры. Для этого целесообразно:

- регулировать закон путем обязательности его исполнения для граждан и для всех представителей власти. Закон единый для всех;

- повысить юридическую грамотность в молодежных кругах. Здесь большую роль могут сыграть интернет ресурсы и средства массовой информации;

- повысить правовую активность путем отстаивания своих прав за эффективную власть государства.

Как говорилось выше, в развитии правовой культуры ключевая роль отведена будущему поколению и уровню развития их правосознания.

Для определения уровня правового сознания и правовой культуры было проведено исследование, в ходе которого приняли участие граждане Российской Федерации в количестве 112 человек. Контингент участников исследования и их возрастная категория состояли из студентов различных вузов в возрасте от 21 до 24 лет.

Целью данного исследование являлось определение уровня правовой культуры через правосознание студентов как будущего поколения России.

Исследование проходило в форме интервью с обсуждением следующих вопросов:

1. Были нарушены когда-нибудь ваши права?
2. Какие права были нарушены (если нарушались)?

3. В каком законе описаны данные права?
4. Какие права и обязанности, прописанные в Конституции РФ, вы знаете?

Данное исследование показало следующие результаты (см. рис.).

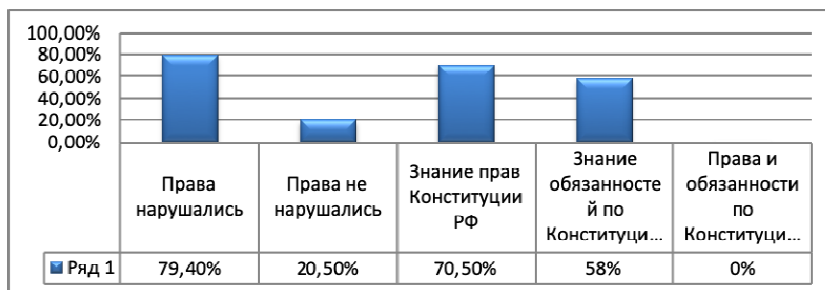

Рис. Результаты исследования

Из опрошенных студентов на вопрос о том, нарушались ли их права когда-либо, положительно ответило 89 (79,4%) человек.

На вопрос, какие именно права были нарушены, ответили 23 человека (25,8%) из 89, которые ответили положительно на вопрос о нарушении их прав, остальные 66 человек (74,1%) затруднились ответить.

На вопрос: «В каком законе описаны данные права?» – смогли ответить 34 человека (38%) из 89 респондентов, чьи права нарушались.

Прописанные права и обязанности в Конституции РФ из 112 человек полностью не перечислил никто. Из определенных гражданских, политических и социально-экономических прав, чаще всего называли гражданские: право на жизнь и свободу личности, а также социально-экономические: право на образование, на труд и отдых.

По результатам исследования можно сделать вывод, что из 112 опрошенных 89 человек подтвердили нарушение своих прав, но не смогли ответить, какие именно права нарушены и где они прописаны.

В ходе интервью выяснилось, что свои права и обязанности по Конституции РФ в полном объеме не знает никто. Чаще всего

были названы те права, с которыми сталкиваются в повседневной жизни: право на жизнь и свободу личности, а также социально-экономические: право на образование, на труд и отдых 79 человек (70,5%).

Из обязанностей перед государством была названа только одна – это оплата налогов. Так ответили 65 человек (58%) из 112 опрошенных.

Таким образом, в данном исследовании отчетливо видно, что молодое поколение не владеет информацией о правоотношениях. Проблема повышения уровня правосознания и правовой культуры в целом в современном обществе России является нерешенной и достаточно актуальной. Из-за отсутствия правового сознания не сформирована правовая культура.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что значение правовой культуры проявляется в развитии правового общества, а вместе с ним и государства в целом.

Список литературы

1. Виленский, Н.М., Правовой нигилизм как проблема Российского правосознания / Н. М. Виленский [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-kak-problema-rossiyskogo-pravosoznaniya/viewer>.

2. Гасанов, К.К. Международное право: учебник. – 2-е изд. перераб. и доп. / под ред. К.К. Гасанова. – Москва, 2010. – 479 с.

3. Ефремов, А.В. Правосознание и правовая культура в Российской Федерации: проблемы становления и пути решения. – Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 6. – С. 80–84.

4. Лядов, А.О. Роль и место правовой культуры, 2012 / А.О. Лядов [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-pravovoy-kultury-v-pravozaschitnoy-deyatelnosti/viewer>.

5. Усманова, Е.Ф. Задачи правовой культуры и ее роль в правотворческой и правоприменительной деятельности / Е.Ф. Усманова // Мир науки и образования. – 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zadachi-pravovoy-kultury-i-ee-rol-v-pravotvorcheskoy-i-pravoprimeritelnoy-deyatelnosti/viewer>

3.8. Особенности электронных форм правоприменения в договорных обязательствах

Берёза Валерия Валерьевна

На сегодняшний день в Российской Федерации в области потребления, сфере услуг и в коммерческой деятельности широкое распространение получили электронно-цифровые технологии, которые повлияли на становление электронных средств обмена информацией. Внедрение новейших технологий информационного характера, появление объектов в области интеллектуальной собственности, имеет прямое влияние на гражданские правоотношения. Информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого из нас, так как помимо существенной экономии времени ввиду автоматизации многих процессов, они способствуют эффективному взаимодействию субъектов гражданского права.

Наблюдается не только значительное усовершенствование цифрового права, изменениям подверглись способы заключения гражданско-правовых сделок. Преимущественное использование электронного документооборота обуславливаются простотой применения и скоростью. Взаимодействие с контрагентами на выгодных условиях, несмотря на дистанцию между ними, способствует частому использованию электронной формы сделок. Данные условия дают толчок к реализации гражданами своих прав и обязанностей на новом уровне, стало возможным заключение сделок в электронном виде, а именно с применением электронных средств связи.

В то же время использование электронных средств коммуникации при заключении гражданско-правовых сделок является затруднительным ввиду правовой неопределенности сущности договора, заключаемого в электронном формате.

Так, обратившись к гражданскому законодательству, можно заметить, что в законе не содержится главы «исполнение договора», однако имеется глава 22 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ [1]), которая называется «исполнение обязательств» и регулирует непосредственно договорные отношения. Кроме данной главы, в зависимости от вида заключаемого договора (аренды, хранения, займа и т.д.), гражданское законода-

тельство содержит специальные нормы, посвященные тому или иному виду договора, которые также регулируют исполнение конкретного вида договора. Помимо гражданского законодательства, нормативное регулирование исполнения отдельных видов договоров может содержаться и в иных нормативно-правовых актах.

Само по себе исполнение обязательств состоит в совершении сторонами действий, составляющих содержание их взаимных прав и обязанностей.

Исполнение договорных отношений строится на определенных принципах. Применительно к договору в электронной форме возникают сложности в реализации такого принципа как надлежащее исполнение. Так, говоря об исполнении обязательств надлежащим лицом и надлежащему лицу, следует учитывать, что идентификация лица, направившего, например, оферту или акцепт, в некоторой степени носит условный характер, поскольку действия, совершаемые в интернет-пространстве, не имеют столь явно выраженной привязки к конкретной личности и могут быть совершены кем угодно. Это, в первую очередь, вызвано презумпцией, согласно которой письмо, отправленное с электронного почтового ящика, номера телефона, посредством которого происходит подтверждение текстового кода и др., указанного в официальных документах, считается сообщением, акцептом именно стороны договора [3, с. 49].

О договорных отношениях также может свидетельствовать переписка, совершенная с использованием электронной почты, SMS-сообщений и т.д. в совокупности с совершением каких-либо активных действий в пользу одного из участников договорных отношений (например, перечисление денежных средств по потребительскому кредиту, оплата товара и т.д.). На наш взгляд, само по себе наличие переписки не всегда свидетельствует о заключении договора, поскольку стороны могут не прийти к соглашению по поводу существенных условий, заключаемого электронного договора.

При подписании договора, заключаемого в электронной форме, личность стороны по договору может быть определена с помощью электронной подписи. Однако, как уже было отмечено ранее, нельзя достоверно идентифицировать субъекта, например, посредством логина и пароля или же высылаемого индивидуального кода, посредством SMS-сообщения, которое подтверждает то или иное действие и выражает акцепт.

Получение или отправка сообщения с использованием адреса электронной почты, известного как почта самого лица или служебная почта его компетентного сотрудника, свидетельствует о совершении этих действий самим лицом, пока им не доказано обратное (при установлении соблюдения порядка проведения проверки и изъятия доказательств).

Так, истец ООО «Реконза» обратился в суд с иском к ответчикам ООО «Ремстройком» В.Н. о взыскании задолженности по договорам займа, процентов, неустойки, расходов по госпошлине, мотивируя свои требования тем, что между ООО «Ремстройком» и различными физическими и юридическими лицами были заключены договоры займа. В обеспечение исполнения указанных договоров займа были заключены договоры поручительства между заимодавцами и В.Н. Договоры между сторонами были подписаны с помощью электронных подписей. В нарушение условий договоров заемщик не осуществил в полном объеме возврат сумм займов, не выплатил проценты за пользование займами, допустил нецелевое использование займов.

В целях проверки доводов апелляционной жалобы, судебной коллегией в судебном заседании просмотрен сайт gosuslugi.ru, а также приняты сведения с данного сайта, согласно которым на сайте размещены договоры поручительства от каждого заимодавца и вышеприведенные согласия на их заключение подписанные электронной подписью владельцем которой значится В.Н., генеральный директор ООО «Ремстройком», с периодом действия сертификата ключа, что указывает на заключение договора поручительства в письменной форме.

Таким образом, основываясь на положениях ст. 431 ГК РФ, при буквальном толковании текста договора займа в его взаимосвязи с договором поручительства, рассматривая договор поручительства как документ об обеспечении исполнения договора займа, учитывая порядок и способ заключения вышеуказанных сделок предшествующее и последующее поведение сторон, сведения системы электронного документооборота, оснований для вывода об отсутствии у В.Н. волеизъявления на заключение договоров поручительства у суда не имелось. Тот факт, что договоры поручительства, подписаны В.Н. как генеральным директором ООО «Ремстройком», о невозможности заключения договоров поручительства не свидетельствует. Из материалов дела следует,

что сертификат ключа проверки электронной подписи выдан с указанием конкретного физического лица – В.Н. Сведений об утрате, хищении, ином выбытии из владения ответчика В.Н. средств квалифицированной электронно-цифровой подписи материалы дела не содержат. Таким образом, суд первой и апелляционной инстанций пришел к выводу о взыскании с В.Н. как поручителя задолженности по договорам займа [2].

Стоит отметить, что судебная практика по спорам, возникающим из договоров, заключенных в электронной форме, в основном складывается из кредитных договоров и займа. По остальным разновидностям договоров практика пока еще не сложилась.

Помимо вышеуказанного, предложение заключить договор может содержаться в самостоятельном документе, размещаемом в сети Интернет и прямо именуемом публичной офертой. Договор также может быть заключен путем совершения действий через веб-сайт (например, покупка товаров, заказ услуг через интернет-магазин, или интернет-аукцион, а также посредством приложений для смартфона). Как раз на подобные ситуации рассчитана новая редакция ст. 160 ГК РФ, действующая с 1 октября 2019 г., устанавливающая правило, согласно которому письменная форма сделки считается соблюденной, если сделка совершена с помощью электронных и других технических средств.

Стоит указать, что несмотря на то, что продавец или исполнитель должны обеспечить возможность ознакомиться с условиями договора, заключаемыми посредством присоединения через Интернет реально контролировать этот процесс практически невозможно. Поэтому не исключено, что при возникновении конфликта суд может прийти к выводу о несвязности потребителя условиями договора, к которому он присоединился.

Размещение формуляра договора таким образом, чтобы потребитель обязательно ознакомился с ним, должно способствовать информированию потребителя и защите его интересов. При этом нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что потребитель некритически относится к условиям договора, осуществляемого посредством сети Интернет, и подписывается под условиями, даже если они несправедливые. В то же время следует признать, что онлайн-торговля носит массовый характер, сумма сделки не является значительной для покупателя (заказчика),

поэтому незнание действительной информации о заключаемом договоре, как правило, не влечет для него негативных последствий. Кроме того, эффективными можно признать процедуры разрешения споров, используемых на крупных торговых площадках, таких как AliExpress: это так называемые «споры», которые ведутся сначала с продавцом, а затем с администрацией торговой площадки, и завершаются в большинстве случаев удовлетворением требований потребителя.

Другой проблемой исполнения электронных договоров считается неопределенность местоположения сторон, отсюда следует вероятное возникновение проблем с применимым правом [4, с. 139].

Важно обозначить, что каждая из сторон по договору, который заключается в электронном виде, вправе находиться не только в разных городах и странах, но и в различных серверах, на которых offerentом может быть размещена offerта. Под серверами понимаются обслуживающие устройства в системе автоматической обработки информации. Их расположение и местонахождение может быть в любой точке земли. Помимо этого, акцептантом возможна отправка акцепта с ноутбуков или портативных компьютеров, (например, пребывание на борту самолета). Субъекты коммерческой деятельности в Интернет могут не владеть торговыми помещениями, офисами. Единственным признаком распознавания субъекта, будет представляться адрес веб-сайта и веб-серверов.

Можно отметить тот факт, что подобные проблемы в законодательстве РФ не урегулированы на должном уровне, имеются существенные пробелы, из чего следует предложение внести соответствующие дополнения, способствующие однозначному определению и применению права при заключении договоров в электронном виде.

Таким образом, исполнение договора, заключенного с использованием электронных средств связи, регулируется общими положениями об исполнении обязательств, которые установлены в главе 22 ГК РФ. Традиционно к принципам исполнения обязательств в науке гражданского права выделяют надлежащее исполнение договора и реальное исполнение. Нами также был выделен принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения договора, который принято считать составным принципом надлежащего исполнения договора и реального исполнения.

Анализ теоретических позиций ученых и судебной практики показал имеющиеся недостатки законодательного регулирования исполнения договоров в электронной форме. Однако это также связано с тем, что договор, заключаемый в электронной форме хоть и набирает популярность в правоприменительной практике Российской Федерации, но не является настолько распространенным как в зарубежных странах.

Основными проблемами в части исполнения электронных договоров можно выделить: исполнение обязательств надлежащим лицом или надлежащему лицу, поскольку идентификация лица, направившего, например, оферту или акцепт, в некоторой степени носит условный характер, поскольку действия, совершаемые в интернет-пространстве, не имеют столь явно выраженной привязки к конкретной личности и могут быть совершены кем угодно; также можно отметить неопределенность местоположения сторон, в случае заключения договора в электронной форме между субъектами, находящимися на территориях разных государств, в связи с чем могут возникнуть проблемы с применимым правом. Данные проблемы требуют совершенствования действующего законодательства, посредством введения отдельных норм, положений, которые бы регламентировали не только более детально общие положения о договорах, заключаемых в электронной форме, но и в том числе особенности в заключении, исполнении, а также изменения и расторжения таких договоров.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.10.2019 по делу № 33-35076/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.10.2020).
3. Козлова М.Ю. Текст договора в электронной форме // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 48-53.
4. Самсонова А.М. Некоторые проблемы защиты прав сторон сделки, заключенной в электронной форме // Проблемы защиты прав и охраняемых законом интересов: материалы Международной научной студенческой конференции. – Тверь, 2020. – С. 136–143.

3.9. Информация как объект гражданского права: понятие, признаки и свойства

Любецкая Ольга Сергеевна

В условиях современного общества информация не только приобретает черты ценнейшего ресурса, без которого невозможно представить себе функционирование различных сфер общественной жизни, но и все чаще становится объектом, по поводу которого взаимодействуют различные субъекты гражданского оборота. Информация предоставляется, распространяется, используется, передается, продается. Все эти действия, происходящие с информацией, подвергаются правовому регулированию. Вместе с тем, до настоящего времени так и не решена проблема отнесения информации к числу объектов гражданского права. Сомнения в данном вопросе обусловлены исключением в 2008 году информации из числа перечня объектов гражданского права, содержащегося в ст. 128 ГК РФ [1], а также отсутствием указания на информацию в ст. 2 ГК РФ, посвященной отношениям, регулируемым гражданским правом. Юридической литературе высказываются противоположные мнения на данный счет: от полного отрицания самостоятельности информации как объекта гражданского права, до безоговорочного признания ее таковой.

Учитывая востребованность информации в гражданском обороте, в настоящей работе предпринимается попытка подтвердить тот факт, что информация является объектом гражданского права. Кроме того, очевидно, что не вся реально существующая информация может выступать как гражданско-правовая категория. Для того чтобы определить основания возникновения и порядок осуществления права на информацию, необходимо выяснить, какая именно информация может являться объектом гражданско-правовых отношений. Именно поэтому в настоящей работе предпринимается попытка выделить те признаки и характерные свойства, которыми обладает информация как объект гражданских правоотношений.

Выводы, сделанные в настоящей работе, основаны на использованных при ее написании как общенаучных, так и специально-юридических методах, в том числе методе анализа, синте-

за, сравнения, работы с правовыми документами, их толкования, методов обобщения социально-правовых данных, изучения нормативно-правовых норм. В основу исследования положены мнения таких ученых-теоретиков, занимающихся разработкой обозначенной проблематики, как Л. Б. Ситдикова, А. А. Ефремов, Д. В. Огородов, М. А. Родкова, В. А. Лапач.

Термин «информация» происходит от лат. «informatio» – сведения, изложение, разъяснение, толкование. Наиболее полно признаки информации были выделены профессором А. Б. Венгеровым, который в качестве таковых выделил: определенная самостоятельность информации по отношению к своему носителю; возможность многократного использования одной и той же информации; неисчерпаемость информации при потреблении; сохранение передаваемой информации у передающего субъекта (этим признаком она отличается от объектов вещных прав); способность к агрегированию, сохранения, накоплению, сжатию; количественная определенность, системность [7].

Легальное определение понятия «информация» дается в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149 ФЗ «Об информации, информатизационных технологиях и о защите информации» [3]. В данном нормативно-правовом акта термин «информация» определяется в довольно общем виде как «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

Информация уже давно приобрела характер некоего блага, по поводу которого взаимодействуют субъекты правовых отношений, но и которое при определенных условиях может быть подвергнуто материальной оценке. При таких условиях, очевидно, информация может выступать в качестве объекта правовых отношений, в том числе и гражданских.

Из содержания ст. 5 Закона об информации четко следует вывод о том, что информация «может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений» и что «нарушение требований настоящего Федерального закона влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

То, что по поводу информации возникают гражданско-правовые отношения не вызывает сомнений. Вопрос заключается в

том, при каких условиях информация выступает в качестве объекта названных правоотношений.

Для ответа на этот вопрос, прежде всего, определим понятие объектов гражданских прав (правоотношений). Традиционно под ними понимают некие блага, по поводу которых существуют соответствующие права (правоотношения). Объектам гражданских прав посвящена статья 128 ГК РФ. Среди объектов гражданских прав в ней названы вещи иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Нельзя не обратить внимание на то, что Федеральным законом РФ от 18.12.2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4] понятие «информация» было исключено из перечня объектов гражданских прав. Подобное законодательное решение может означать либо то, что информация не является самостоятельным объектом гражданских прав, либо то, что данный объект уже включен в перечень объектов, перечисленных в названной статье.

Анализ объектов гражданских прав, поименованных в ст. 128 ГК РФ, действительно позволяет сделать вывод о том, что некоторые из перечисленных объектов представляют из себя не что иное, как информацию. Так, информацией являются некоторые из объектов интеллектуальной собственности и такие нематериальные блага как честь и деловая репутация [17]. В частности, информация, составляющая коммерческую тайну (секрет производства), отнесена к объектам интеллектуальной собственности. Косвенно информацию можно связать с результатами работ, услуг, нематериальными благами [14].

Исходя из того, что законодатель ввел понятие охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а в ст. 11 Закона об информации устанавливает правовой режим права собственности и иных вещных прав на материальные носители документированной информации, Л.Б. Ситдикова делает вывод, что «законодатель растворил информацию среди объектов гражданских прав, как-то: вещного, прав интеллектуальной собственности, работ, услуг и т.д.,

что свидетельствует о законодательном закреплении конструкции сочетания средств института права собственности и авторского права» [18].

Интересно отметить, что в юридической литературе для обозначения тех случаев, когда информация выступает компонентом (элементом, частью) отдельных объектов гражданских прав, используется формулировка «объекты гражданского права, имеющие информационное содержание» [9] (например, ст.ст. 19, 67, 495, 726 ГК РФ [2] и т.д.). К числу таких объектов как раз и относят, в частности, такие нематериальные блага, как доброе имя, честь, достоинство и деловая репутация (ст. 150 ГК РФ).

В связи с этим ряд авторов дифференцируют информацию как объект гражданского права и информацию, которая не является отдельным объектом гражданско-правового регулирования, а является информационной составляющей других объектов, способом оформления, формой существования определенных отношений [15].

Открытым остается вопрос о возможности информации выступать в качестве самостоятельного объекта гражданского права. Очевидно, что не всякая информация выступает в качестве объекта гражданского права, а лишь та, которой присущи признаки объекта гражданского права.

Интересно отметить, что вопрос о признаках объекта гражданского права в науке является довольно дискуссионным.

Полагаем, что единственным признаком, присущим всем без исключения объектам, является потребительную ценность, т.е. способность к удовлетворению определенных потребностей субъекта [5]. В науке встречаются и другие точки зрения по данному вопросу. Например, В.А. Лапач обозначает такие свойства объектов, как дискретность (то есть обособленность от других объектов), юридическая привязка (принадлежность определенным субъектам), системность (взаимосвязь с другими объектами) [13]. А.В. Кашанин общим свойством объектов считает их подчиненность власти усмотрению их обладателя [11].

Исходя из перечисленных признаков объекта гражданского права, в качестве объекта гражданского права может выступать только та информация, которая обладает названными признаками. Так, в качестве объекта гражданского права может выступать не любая информация, а имеющая ценность для субъектов право-

отношений. А. М. Гатин полагает, что «для гражданского права значение имеют лишь те вещи, которые обладают полезными свойствами, позволяющими их эксплуатировать и вступать по их поводу в правоотношения, вещи, способные удовлетворять какую-либо потребность человека» [16]. Кроме того, не вызывает сомнений тот факт, что в качестве объекта гражданского права можно рассматривать только ту информацию, которая является результатом человеческой деятельности.

Свойство дискретности информации проявляется в необходимости ее выражения, закрепления в какой-либо форме. Закон об информации содержит в себе указание на две характеристики информации – содержательную и формальную. По справедливому утверждению Е. А. Войниканис, «свою конкретизацию понятие информации получает только в связи с тем или иным информационным объектом (интернет-сайтом, доменным именем и т.п.)» [8]. При этом названный автор указывает, что право всегда регулирует отношения, связанные с тем или иным информационным объектом, а не с информацией как таковой. Интересно отметить позицию О. А. Беляевой, которая утверждает, что «в структуре любой информации выделяют два элемента: содержание и форму выражения. При этом форма объективного выражения информации не имеет юридического значения, т.к. права на информацию возникают, осуществляются и прекращаются независимо от формы ее предоставления» [6]. Между тем, хотя форма выражения информации и не имеет юридического значения, информация как объект права не может существовать вне связи с какой-либо формой выражения, вне какого-либо носителя.

Следующий признак объекта гражданского права – принадлежность субъектам или юридическая привязка. Применительно к информации данный признак проявляется в принадлежности информации кому-либо. В этом смысле, очевидно, что не является объектом правоотношений общедоступная информация (иначе отсутствовал бы объект передачи, объектом были бы не сведения, а их использование [16]). Данный вид информации способен участвовать в гражданском обороте путем переработки или копирования.

Е.А. Суханов, считает, что не всякая информация является объектом гражданских прав, между тем во главу угла ставит не форму ее закрепления, а такое ее свойство как «охраноспособность» (например, коммерческая тайна, которая может выступать

объектом имущественного права). «Для того, чтобы быть объектом правоотношения, информация должна быть объектом субъективного гражданского права участника» [12].

Системность информации проявляется в том, что информация связана с перечисленными в ст. 128 и ст. 150 ГК объектами гражданского права – результатами интеллектуальной деятельности, работ и услуг, личной и семейной тайной, авторством и пр.

Таким образом, не вся информация может быть объектом права, а лишь обособленная часть информации, которая может быть идентифицирована, то есть в определенной мере индивидуализирована.

В свою очередь информация, являясь объектом гражданского права, обладает некоторыми особыми признаками (свойствами), позволяющими выделять ее среди иных объектов права. Наиболее заслуживающими внимание, на наш взгляд, являются следующие характеристики информации:

- 1) физическая неотчуждаемость от носителя информации;
- 2) содержательность и независимость форм предоставления сведений;
- 3) обособляемость;
- 4) тиражируемость;
- 5) экзemplарность;
- 6) релевантность (полезность и способность удовлетворять различные потребности субъектов).

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) информация может являться самостоятельным объектом гражданского права либо выступать в качестве элемента отдельных объектов гражданских прав (объектов гражданского права, имеющих информационное содержание); 2) не всякая информация может выступать объектом гражданского права, а лишь та, которая является результатом человеческой деятельности и не является общедоступной, имеет потребительскую ценность, обладает свойствами дискретности, юридической привязки и системности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ. Часть 1 от 30 ноября 1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информатизационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448 (далее – Закон об информации).
4. Федеральный закон РФ от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.
5. Астахова, М.А. Объект субъективного гражданского права: понятие и признаки / М. А. Астахова // Гражданское право. – 2006. – № 2. – С. 3–4.
6. Беляева, О.А. Предпринимательское право России: курс лекций. – 2-е изд., перераб. и доп. / О.А. Беляева. – Москва: Юстицинформ, 2006. – 136 с.
7. Венгеров, А.Б. Право на информацию в условиях автоматизации управления / А.Б. Венгеров. – Москва, 1978. – 208 с.
8. Войниканис, Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. – Москва: Юриспруденция, 2013. – 552 с.
9. Ефремов, А.А. Информация как объект гражданских прав / А.А. Ефремов [Электронный ресурс]. – URL: www.netlaw.spb.ru/articles/paper16.htm/.
10. Карташян, А.Г. Гражданско-правовой режим коммерческой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Карташян. – Москва, 2007. – 155 с.
11. Кашанин, А.В. Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности / А.В. Кашанин // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 93–97.
12. Кириченко, О.В. Информация как объект гражданских правоотношений / О.В. Кириченко // Современное право. – 2014. – № 9. – С. 77–81.
13. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика / В.А. Лапач. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.
14. Лебедева, Д. С. Информация как объект гражданского права / Д.С. Лебедева, А.О. Яценко // Ученые записки Крымского

Федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69), № 4. – С. 163–167.

15. Огородов, Д. В. Правовые отношения в информационной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Огородов. – Москва, 2002. – 243 с.

16. Рожкова, М.А. Информация как объект гражданских прав, или что надо менять в гражданском праве / М.А. Рожкова [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/6/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave

17. Самыгин, А. В. Информация как объект гражданского права в современной России / А.В. Самыгин // [Электронный журнал «Синергия наук»], 2016 г. – URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article2394>

18. Ситдикова, Л. Б. Информация как правовая и как гражданско-правовая категория: статус информации в гражданском праве / Л. Б. Ситдикова // Гражданское право. – 2007. – № 2. – С. 46–49.

3.10. Политическая коммуникация в современном обществе: основные акторы, формы и тенденции развития*

Пургина Шушанна Аветисовна

Актуальность данной темы заключается в том, что на сегодняшний день в современном обществе происходит усиление роли власти за счет быстрого развития различных форм политической коммуникации. С каждым годом, под воздействием информационных технологий, изменяются и модернизируются все средства и формы общения между людьми. Сформированная новая глобальная информационная среда, оказывает решающее влияние на различные сферы человеческого общества: начиная от экономической сферы и заканчивая политической сферой.

Ядро современной политической цивилизации – это информационно-коммуникационные процессы, воздействующие на политическую власть и управление. На сегодняшний день с помощью преобразованных информационных технологий, которые объединяют мир в единое целое, создаются новые конструктивные механизмы, осуществляющие взаимодействие между политической властью и обществом.

Понятие «информация» выступает в роли нового политического ресурса, которое наделяется такими качествами, как неубывание (информация не убывает по мере того, как ее используют, поэтому ее политическое влияние хватает на любую аудиторию), неотчуждаемость (когда общество получает какую-либо информацию, оно в любой момент может приобрести ее в таком же количестве, как и прежде) и мгновенное распространение в пространстве (потребление информации различными политическими акторами) [1].

В целом, понятие «коммуникация» включает различные виды вербального и невербального общения (информация, мысли, чувства, эмоции, которые передаются от одного человека к другому). Понятие «политической коммуникации» включает в себя уже «не просто общение», а именно получение и передачу какой-либо

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № НШ-2668.2020.6

глобальной информации, имеющей ценность для политической деятельности.

На политическую коммуникацию оказывают особое влияние ее акторы, формы и тенденции, благодаря которым она развивается. Говоря об основных акторах политической коммуникации, они существуют в виде трех основных групп:

- государственные акторы политической коммуникации;
- негосударственные акторы политической коммуникации;
- индивидуальные политические акторы [2].

Государственные акторы – это политическая элита, в которую входят федеральные, региональные и муниципальные органы власти, непосредственно взаимодействующие со средствами массовой информации прежде всего для «выстраивания» своего положительного образа для общественности. Работа государства с электоратом заключается в донесении своих политических решений до общественности для того, чтобы обосновать свою конкретную позицию по вопросам в различных государственных отраслях.

Негосударственные акторы в лице общественных объединений в основном противоречат государственным интересам, а также ведут активную коммуникационную работу для привлечения внимания общественного потребителя информации.

Индивидуальные политические акторы служат неким механизмом помощи слияния новейших технологий, при котором налаживается обмен общественным мнением во Всемирной сети Интернет. Благодаря этому интернет-пользователи могут публиковать свои политические высказывания и тексты в различных онлайн-ресурсах для большего охвата и привлечения заинтересованной аудитории. С помощью информационных сетей индивидуальные акторы постепенно влияют на политически активных пользователей, помогая узнать новую политическую информацию.

У каждого актора, или иными словами политического агента, есть единая цель – захват информационной политической власти, который отражается в собственных интересах и личных стратегиях акторов для того, чтобы сформировать единое политическое общественное мнение, политические агенты оказывают на него влияние с помощью объективной и достоверной информации, касаясь подробностей, целей и установок общественных групп.

Такое влияние обычно актер оказывает на современную целевую аудиторию с помощью определенного контента, который как раз и выражается в данной достоверной информации.

Целевая аудитория – это общество граждан, которые имеют свое мнение и свои взгляды на получаемый контент. Данное мнение является важнейшим источником информации для государства, так как это механизм выражение того, как граждане относятся к власти, что им нравится, а что нет, какие конкретные действия они хотят увидеть от государства в будущем.

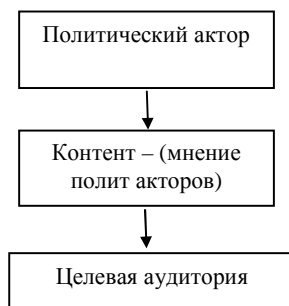

Рис. 1. Влияние политического актора на целевую аудиторию

Рассматривая данный рисунок, следует отметить, что основная роль политических акторов в процессе политической коммуникации заключается в том, чтобы осуществлять процессы передачи информации среди ее участников [3]. В данном случае – это обмен информацией между политическим актором и целевой аудиторией. Политический актер доносит какой-либо определенный контент, на основе полученного контента формируется стабильный механизм политики – общественное мнение, выражаемое целевой аудиторией, где презентуются интересы общества, которые в дальнейшем станут итогом демократического развития страны и становлением гражданского общества.

Политические акторы являются управляющими с помощью референдумов, выборов, политических и неполитических организаций, а также с помощью средств массовой информации, которые оказывают влияние на управляемых (целевая аудитория).

Таким образом, можно сказать о том, что под своим воздействием политические акторы массово привлекают граждан тому, чтобы прийти к общему решению о том, как будет происходить

общественное развитие в будущем, а также принять важные политические решения приняв во внимание мнение большей части общественной структуры.

Говоря об основных тенденциях развития политической коммуникации в современном обществе, следует отметить, что в современных условиях жизни, как нашу страну, так и весь мир в целом уже невозможно представить без различных гаджетов, которые позволяют выйти в глобальную сеть Интернет для получения различного рода информации. А ведь еще несколько десятилетий назад такая информационная эпоха считалась неизведанной и почти нереальной. Но уже сейчас информатизация охватила все сферы человеческого жизнеобеспечения и можно планировать ее дальнейшее будущее в информационном сообществе [4].

Политической коммуникация сегодня – это важнейший инструмент, который используется для того, чтобы сформировать все политическое пространство в мире.

Развиваются средства массовой коммуникации в политике, «политический Интернет» и другие различные новые информационно-технологические формы, которые способствуют расширению политического участия общества под воздействием компьютерной политической коммуникации.

Тенденции развития политической коммуникации можно разделить на три основных этапа:

- конец 50-х середина 60-х годов;
- середина 60-х конец 80-х годов;
- 90-е годы XX века [5].

Первый этап во многом характеризуется глобальной методологической парадигмой, которая дала существенный импульс многим развитым общественным наукам того времени. Данный период – это период накопления информации для продвижения грядущего общества. Именно в данное время технологические факторы брали вверх над политическими и социальными, что в последствии вылилось в «теорию постиндустриального общества», введенную в оборот американским социологом Рисменом в 1958 году.

Второй этап можно именовать как футурологический, так как в исследуемый период общество рассматривалось как определенный процесс социального становления в будущем.

Третий этап начался с 90-х гг. XX века. Основным смыслом данного этапа заключается в переходе от индустриального общества к экономическому, ядром которого будет являться знания, основанные на информации. Данный период характеризуется радикальной перестройкой, а именно, преобразованием капиталистического общества в общество, основой которого станут знания. Новое общество данного этапа характеризуется как «сетевое», построенное на глобальной экономике и международных финансовых рынках. В нем политическая информация одновременно является как средством, так и результатом глобализации общества [6].

На сегодняшний день современные тенденции развития политической коммуникации, включают в себя такие ключевые черты, как:

- увеличение роли обратной связи между обществом и государством в сфере политических вопросов;
- появление новых возможностей для того, чтобы формировать и выражать общественное мнение;
- применение различных административных ресурсов для контроля проблем, связанных с распространением политической информации;
- расширение политических технологий и услуг на рынке политического консалтинга;
- процесс рекламизации политической информации, направленный на освещение политической информации в положительном ключе.

Одной из важнейших тенденций, которая отражает динамику политической коммуникации в обществе – новая информационная организация избирательного процесса. Система электоральной политической коммуникации является отражением процесса демократизации России, основные изменения в которой сейчас заключаются в том, что на передний план выдвигаются проблемы выборных кампаний. При выстраивании коммуникативного взаимодействия основной упор делается на восприятие, материалы политической рекламы и агитации становятся «более агрессивными», а также формируется новый подход к адресности и электоральной активности.

Таким образом, можно сказать о том, что на современном общественном этапе тенденции развития политической коммуникации имеют широкое распространение в сфере властных

политических отношений, свою специфику и определенные требования к построению и развитию.

Помимо акторов, входящих в процесс осуществления политической коммуникации, существуют так называемые формы и каналы ее развития. Множество форм и каналов современной политической коммуникации диктуют определенные требования в организации получения политической информации с помощью разнообразных онлайн ресурсов и технологий для донесения такой информации до определенной целевой аудитории.

К основным формам политической коммуникации относятся:

- межличностная неформальная политическая коммуникация;
- устная и письменная агитация и пропаганда, которая осуществляется через различные общественно-политические институты и организации;
- печатные и электронные средства массовой информации.

Говоря о неформальных формах политической коммуникации, особое место выделяется такой форме, как «слухи в политике». Это некая разновидность информации, распространяющаяся по неформальным каналам для того, чтобы удовлетворить информационную потребность в ответе на актуальный вопрос в той ситуации, когда существует дефицит информации.

С помощью содержания и видов слухов можно дать оценку тому, как в реальности различные политические институты доносят информацию до общества. Также «слухи» могут показать степень доверия населения к власти, выявить страхи, тревоги и ожидания общества [7].

Рассуждая о том, несут в себе слухи положительное или отрицательное влияние, можно сказать, что чаще всего они запускаются преднамеренно для того, чтобы ввести общество в заблуждение по какой-либо определенной ситуации.

Следующим неформальным источником информации, который влияет на формирование определённых политических предпочтений является – «юмор в политике», который включает в себя различные анекдоты, сатиру и т.д. Удачная шутка, использованная в определенный момент, происходящих политических преобразований закрепляется не только в групповом, но даже в массовом общественном сознании, ведь следует отметить, что юмор – наиболее эффективный механизм, который в большей

степени позволит людям приспособиться к новым изменяющимся внутренним и внешним ограничениям.

Такой неформальный источник политической коммуникации как «граффити» является массовым, но не особо изученным явлением в России. Политические надписи особенно хорошо используются в период различных политических агитаций и политических кампаний. В силу своей анонимности и особой неформальной природы граффити названы «грязными технологиями», так как могут дискредитировать оппонента.

Следующей формой политической коммуникации является устная и письменная агитация и пропаганда, которая осуществляется через различные общественно-политические институты и организации.

В основном агитация проходит по определенному маршруту представленному на рис. 2 [8]:

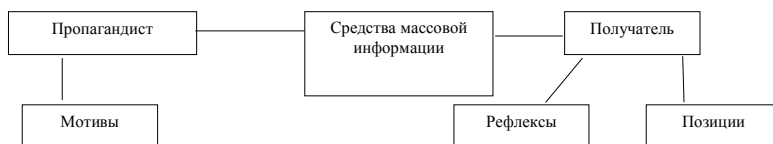

Рис. 2. Схема агитации с помощью средств массовой информации

Таким образом, можно сказать о том, что у пропагандиста (актора политической коммуникации) есть свои определенные мотивы деятельности, которые он выражает с помощью средств массовой информации и направляет на получателя (политическое общество), которые, исходя из своих рефлексов, позиции и своего поведения, воспринимают данную информацию и направляют ее в отрицательное или положительное русло.

Политическая пропаганда – особая деятельность, которая направлена на то, чтобы популяризировать и внедрить идеи власти в общественное сознание. Такая пропаганда и агитация выражается через такие предметы как радио, телевидение, печатные средства массовой информации. Пропагандистская деятельность является главным средством массовой коммуникации, выражающаяся в особых взглядах, знаниях и убеждениях [9].

Целью пропаганды являются обеспечения общей ориентации, положительного или отрицательного отношения к определенному объекту для доведения главных идей и теоретических знаний до широких слоев населения.

Еще одна форма политической коммуникации – печатные и электронные средства массовой информации. Это различные печатные издания, радио, теле и видео программы, а также газеты, журналы, альбомы и т.д.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что политические коммуникационные процессы, которые состоят из определённых тенденций развития, акторов и форм являются неотъемлемой частью современной политической борьбы, в которой информация является ключевым ресурсом влияния на общественное мнение. Применение современных политических коммуникаций в качестве инструмента политического управления позволит повысить эффективность проводимых в стране реформ, программ и кампаний.

Чтобы обеспечить информационную безопасность любой страны, нужно применять на практике уже имеющиеся коммуникационные технологии для повышения прозрачности и эффективности современного информационного взаимодействия органов власти и общественности, ведь политические коммуникации являются неотъемлемой частью демократического развития страны, включающие в себя обмен и распределение информации [10].

Под воздействием информационных процессов политические институты должны быть открытыми и представлять достоверную информацию для всех участников политического коммуникационного процесса. Благодаря этому будет сформировано адекватное общественное мнение, отражающие именно те события, которые существуют в действительности, независимо от того, имеют они положительный или отрицательный характер. Также увеличение числа каналов политической коммуникации может развить грамотную конкуренцию между политическими субъектами, тем самым повысит важность развития информационного общества.

Список литературы

1. Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пос.: в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политиче-

ской коммуникации / З. Ф. Хубецова; науч. ред. С. Г. Корконосенко. – Москва: ООО «Смелый дизайнер», 2017. – 142 с.

2. Акопов, Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций / Г. Л. Акопов. – Москва: КноРус, 2017. – 238 с.

3. Герасимова, Т. А. Проблемы консолидации общества в Интернет-пространстве / Т. А. Герасимова // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. – С. 121–124.

4. Гончаров, И. В. Моделирование процессов информационно-психологического воздействия в социальных сетях / И. В. Гончаров, П. А. Парин, А. А. Сирота // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. – 2018. – №2. – С. 93–104.

5. Грибова, Е. Н. Анализ результативности и эффективности использования социальных сетей в публичной политике / Е. Н. Грибова // Интеллектуальный потенциал XXI века: сб. ст. Международной научно-практической конференции. – Уфа: Омега Сайнс, 2018. – С. 185–189.

6. Экономическая система современной России: пути и цели развития: монография / под ред. А. А. Пороховского (Электронное издание). – Москва: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015. – 896 с.

7. Васильева, М. М. Сетевые информационные технологии во внешнеполитической деятельности / М. М. Васильева // Власть. – 2016. – № 11. – С. 51–55.

8. Хабермас, Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас; под ред. М. Беляева; пер. В. И. Иванова. – Москва: Весь мир, 2016.

9. Чугров, С. В. POST-TRUGH: Трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 2–59.

3.11. Общественное мнение в политико-правовой сфере цифровизирующегося общества*

Шейко Антон Евгеньвич

Шестопап Сергей Станиславович

Любая сфера жизни общества и, в большей мере, политико-правовая развиваются в системе факторов влияния – субъективных и объективных, внешних и внутренних, динамика которых имеет временный и относительно постоянный характер. Общественное мнение – один из социальных институтов, содержание, формы и институты которого в любую историческую эпоху сопровождает развитие или торможение политико-правовых институтов асимметричного социума. Формы и способы его влияния на институты власти меняли своеобразие и интенсивность: от неорганизованного спонтанного вербального или молчаливого (латентного) одобрения/осуждения их деятельности до прямых осознанных целенаправленных форм давления на них – правовых и неправовых, цивилизованных и радикально-агрессивных, которые с разной степенью социального эффекта корректируют смысл и направленность политико-правовых решений, законодательства, электоральной активности и кадровых властно-управленческих решений, динамики политико-правового реформирования, содержания и направленности правовой политики государства, решений муниципальной публичной власти. Усложнение всей системы общественных отношений, широкое внедрение цифровых технологий, распространение социальных сетей, тотальное переплетение реальных и виртуальных отношений, интенсивная дигитализация способов массовой и деловой коммуникации предоставили возможности использования инструментов *взаимного* влияния институтов власти и общества – цифровые информационные ресурсы. Последние вызвали потребность в рационально-правовом нормативном определении пределов и форм контроля за распространением и использованием потоков ин-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке»

формации, способной без каких-либо насильственных средств власти и общества формировать такие составляющие демократического политического режима, как правовые рамки и ограничения функционирования СМИ, сети Интернет, использования в них иных новейших коммуникативных технологий – лоббирование законопроектов группами давления, современные информационные управленческие технологии, электоральный процесс. Общественное мнение, как социальный институт, обозримо и функционально, часто – просто незаменимо, в сфере функционирования институтов публичной власти, политических коммуникациях и правовых решений, особенно если принимаемые политико-правовые решения значимы для национальной безопасности – информационной, военной, экологической, технологической, гуманитарной. . .

Познанию особенностей социальной природы общественного мнения сегодня предшествовало развитие о нем усилиями философской, социологической, психологической наук. Пожалуй, наиболее адекватно его суть раскрывают коммуникативные теории общественного мнения, акцент внимания в которых составляют его социальные функции и механизмы влияния на социальные отношения, в том числе – в политико-правовой коммуникации.

Внимание социологической мысли об общественном мнении сегодня притягивают его *функций* в системе именно *властных* отношений, где принимаются правотворческие, правоприменительные, учредительные и контрольные решения. Содержание и направленность этих функций реализуются в *вертикально-горизонтальной* модели влияния общественного мнения: вертикальная отражает проекцию его воздействия на публично-властные структуры и их социально значимые постановления путем осуществления таких его функций – экспрессивной, консультативной и директивной; горизонтальная – отражает влияние субъекта (носителя) общественного мнения на ординарного гражданина [4, с. 104–05]. Уместно в этом контексте проблемы упомянуть труды авторитетных социологов (Э. Ноэль-Нойман, П. Лазарфельд, Ф. Олпорт).

Ограничимся «вертикальным» измерением общественного мнения, где полем приложения его *функций* является взаимодействие со структурами публичной власти: *экспрессивная* функция создает критерии оценки действий власти в целом и ее конкретных институтов в процессе решения социально значимых проблем, но при этом она «синтезирует в контрольную и оценочную функции»

[6, с. 13]; *консультативная* реализуется в формах создания субъектами общественного мнения алгоритмов конкретных решений общественных проблем разного уровня – от местного до общегосударственного, организации общественного и научного дискурса (публичной коммуникации) в сообщениях СМИ, обсуждениях в сети Интернет в демократической форме публичных дискуссий, общественных слушаний и т.д. При этом статус разных форм объективации общественного мнения имеет совещательный (консультативный) характер. Право «последнего слова» о принятии или непринятии мнения и оформлении властного решения, сохраняется в объеме *полномочий* и *компетенции* органов публичной власти.

Среди форм общественного консультирования наиболее известны обращения граждан, передающих компетентным государственным и негосударственным учреждениям информацию разной степени объективности о мере исполнения подведомственными им органами или учреждениями социальных функций – надлежащего или ненадлежащего. В последнем случае общественное мнение выражает оценку степени выполнения институтами власти социального заказа, адресованного к власти в сфере организации осуществления прав граждан и институтов гражданского общества и обеспечения их безопасности и требуют принятия адекватных правовых мер по легальному использованию всего арсенала ресурсов власти, государственной службы и государственного (публичного) управления, имеющей по определению служебный характер.

При этом в конституциях некоторых европейских государств установлено, что с коллективными обращениями могут обращаться только законно созданные организации или их учредительные органы [2]. В некоторых конституция вообще не предусматривает никаких ограничений права на обращение. Кто угодно *вправе* обращаться в органы публичной власти, государственным служащим и должностным (служебным) лицам, рассмотрение которых, исходя из природы правовой власти, является *обязанностью* ее органов. При этом круг адресатов для таких обращений (учреждений, предприятий и должностных лиц), не должен быть ограничен, как и круг вопросов, которые могут быть их предметом.

Директивная функция общественного мнения выражает обозначенные законом случаи его *императивного* воздействия. Прежде всего, это гарантированные конституционно парципитарные формы электорального участия – выборы, референдумы, где мнение граждан трансформируется в их решения, и, потому уже имеют характер императива для власти. Алгоритм такого реше-

ния при этом подготовлен на стадии реализации всех других функций формирующегося общественного мнения – экспрессивной и коммуникативной. Выборы (общегосударственные и местные) и референдумы – ключевые императивные (обязательные для власти) демократические институты взаимодействия общественного мнения и структур власти. Кроме них законами ряда государств предусмотрены и другие формы такого взаимодействия: Например, «народное вето» в Италии (голосование избирателей за ликвидацию закона); «народный выбор» в Швейцарии, где избиратели пользуются правом самостоятельно голосовать за закон на основе предлагаемой альтернативы законопроектов; «народная инициатива» в Испании и Австрии – законное право избирателей предложить парламенту (или другому представительному учреждению) принять, изменить или отменить конституцию, закон или любой другой акт [2].

Упомянутые функции общественного мнения осуществляются открыто и не проявлено (латентно).

Кроме того, общественное мнение выполняет по сути функцию *социального контроля*. Такое его толкование предложила Е. Ноэль-Нойман, опираясь на изучение социального контроля в трудах Э. Росса, Р. Т. Ла Пьера, Г. Спенсера. Теория общественного мнения как средства социального контроля концентрирует внимание на поддержке достаточного уровня согласия в обществе относительно его ценностей и целей [4, с. 105]. При этом функция социального контроля может реализовать в процессе принятия социальных решений в различных формах: это организованные и части юридически оформлены акции социального поведения, прежде всего – участие граждан в выборах на разных уровнях, в разных ветвях власти, в манифестациях и т.п.; давление морального авторитета общественного мнения; силовое давление на власть (акции протеста и гражданского неповиновения, забастовки и саботаж, массовые беспорядки, вооруженные выступления, деятельность общественных советов, следящие за деятельностью, например, пенитенциарных учреждениях закрытого типа, которые потенциально способны создавать условия для нарушений прав человека).

Общественное мнение среди иных ипостасей своего существования фигурирует и как одно из ключевых понятий *социологии политики*, имеющее значение в политическом процессе. Здесь в исследованиях общественного мнения кроме его консультативной и директивной функции выделяются также *оценочная, кон-*

трольная, защитная. Оценочная функция выражается через *оценочные суждения* масс о деятельности официальных властных институтов и их лидеров, громкие политические события. Своеобразие *контрольной функции* выражается в том, что общественное мнение о любом значимом вопросе формирует внятную позицию, отражает определенное социальное ожидание и стремится к тому, чтобы ей отвечала деятельность органов государственной власти. Общественное мнение может следить за ее действиями и влиять на них.

Суть *защитной функции* в выражении общественного мнения в связи с проблемами реализации гражданских прав – политических, экономических, социальных и в получении возможности включения правового механизма реализации, защиты и восстановления нарушенных прав, создания препятствий и превентивных ресурсов от правонарушений, в том числе, со стороны власти [5, с. 443–446].

Консультативная функция общественного мнения способствует работоспособности механизма взаимодействия власти и общества путем выработки его институтами советов, рекомендаций государственным органам в любой сфере политической, социально-экономической, культурной. Осуществление функции зависит от факторов: 1) способности субъекта к критическому анализу фактов, явлений и процессов правовой реальности – процессов правотворчества, правоприменения (например, судебного), контроля (как части публичного управления), прогнозировать социальные последствия предлагаемых проектов решений (например, отражение в них интересов различных социальных групп асимметричного общества; 2) способность властных структур к восприятию таких предложений, замечаний, советов (консультативная коммуникация) или мнений, имеющих форму императивных решений (императивная, директивная коммуникация).

Интегративную функцию общественного мнения можно признать основной, регулятивной по ее роли, поскольку включается в процесс взаимодействия через регулирование отношений как внутри системы институтов власти, так и отношений между властью и обществом [5, с. 447]. В ней более всего проявлена потенциальная способность общественного мнения детерминировать развитие правовых и политических форм и отношений, корректировать инертность или неуместную неконтролируемую гиперактивность властных институтов – органов, госслужащих, депутатов, влияние лобби и т.п.

Конечно, неизбежным условием и предпосылкой функционирования и всех идеальных форм воздействия общественного мнения на институты власти и правовой системы возможны при условии развитого демократического режима, где декларируются и гарантируются принципы социального партнерства власти и общества, а общественное мнение является одновременно условием и формой сохранения такого режима. Процесс формирования институтов общественного мнения и его реального влияния на политико-правовой сегмент общества опирается на правовые, политические, экономические *гарантии* его свободного и реального функционирования. Правовые гарантии – институты правовой системы, нормы которой императивно предписывают обязанность государства, его органов адекватно реагировать на импульсы общественного мнения в законотворческой, правоприменительной или контрольной форме. *Политические* гарантии, прежде всего, содержит развитая политическая система общества, его политические партии как выразители интересов социальных групп. Учет партиями общественного мнения при создании ими политических программ и разработке социально-политических проектов обеспечивает им поддержку общественности. *Экономические* гарантии заключаются в обеспечении государством и негосударственными организациями инициирования и финансирования мероприятий по сбору данных и изучения общественного мнения [2].

При этом важно понимать, что без развитых форм доступа институтов общества к объективной *информации*, общественное мнение, как таковое всегда будет неистинным, искаженным, неадекватным реальным общественным процессам. Поэтому, лишь комплекс всего механизма гарантий общественного мнения формирует нормальный *правовой режим общественного мнения*, как главную составляющую реального *политического режима* в стране.

В таких условиях общественное мнение приобретает свойства плюрализма, когда различные социальные группы, сообщества получают право свободно выражать свое отношение к фактам, событиям, происходящим в стране и мире. Таким образом, вырабатывается система социального партнерства между властью и общественностью, основанный на учете общественного мнения в процессе реализации механизма социального управления на всех его уровнях. Общественное мнение отражает оценку выполнения органами власти их социальных задач и становится неотъемлемой составляющей системы публичного управления и незаме-

мым фактором развития социума в условиях развития демократического, социального, правового государства.

Можно предложить вывод о том, что общественное мнение является *условием* и одновременно *результатом* реального функционирования демократического режима и залогом развития гражданского общества. При принятии политических решений органы государственного управления должны учитывать общественное мнение, поскольку оно служит источником важной информации для всего управленческого процесса. Сама практика социальных преобразований требует выработки рекомендаций по формам обязательного учета общественного мнения в российском обществе, определение условий и факторов ее реального влияния на властные структуры.

Список литературы

1. Дмитренко, А. Общественное мнение как фактор демократизации политической системы [Электронный ресурс] / А. Дмитренко. – URL: <http://www.personal.in.ua/article.php?id=475>.
2. Набруско, В. И. Общественное мнение как предмет политико-социологического исследования [Электронный ресурс] / В. И. Набруско. – URL: <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1587>
3. Оссовский, В. Л. Социология общественного мнения / В.Л. Оссовский. – Москва: ПЦ «Фолиант»; ИД «Стилос», 2005. – 186 с.
4. Политическая социология / под ред. чл. -корр. РАН Ж. Т. Тощенко. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 495 с.
5. Сурмин Ю. П. Теория общественного мнения: курс лекций / Ю.П. Сурмин – Киев: МАУП, 1999. – 72 с.
6. Володенков, С. В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций / С.В. Володенков // Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2, №. 3. – С. 1–8.
7. Kamensky E., Grimov O. Digitalization: public opinion landscapes (on the example of Russia) // Economic Annals-XXI. – 2019. – Т.180.
8. Enjolras B., Steen-Johnsen K. The digital transformation of the political public sphere: a sociological perspective // Institutional change in the public sphere: Views on the Nordic model. – 2017.

3.12. Государственный режим как аспект политического: понятие и признаки

Слоян Мраз Юрикович

Восприятие, уточнение и усвоение природы публичной власти, ее институтов, освоение методологии познания закономерностей ее функционирования актуализировано ростом внимания к раскрытию и освоению правовой природы государства, механизма осуществления им функций, в котором интенсивность и допустимость использования властных ресурсов создает своеобразие политических составляющих государственного (государственно-правового) режима. Последний формирует выступает показателем легитимности государственной власти, усиливает или нивелирует ее.

Правовые основания и природа государственного режима, способность/неспособность государства соответствовать своему главному назначению – обеспечить реализацию международно-правовых стандартов в сфере прав и свобод человека и гражданина, их прав в гуманитарном пространстве политически асимметричного общества, обеспечить надежный механизм осуществления конституционных *обязанностей* государств в любой сфере человеческой деятельности – мировой тренд, качественный показатель демократического транзита политических режимов в государствах всех континентов, независимо от их принадлежности к правовым системам и семьям мира.

Государственная власть, ее акторы, этико-правовые стандарты организации и деятельности государственных служащих, других субъектов публичного управления сохраняют шанс удержать доверие общества, его неустойчивую текущую субъективно-эмоциональную и относительно стабильную критическую рационально-правовую оценку общественным мнением в процессе постоянного общественного дискурса – ее *легитимность*. Она служит выражением качественной стабильности, адаптивности, динамики показателей дееспособности институтов власти в нестабильных условиях и обоснованности их полномочий, пределов и используемых ресурсов власти. Природа государства выражено в единстве его сути, содержания и формы. Его креативное функ-

ционирование немислимо без юридически определенных средств рационально-правовой организации институтов государственной власти, по определению предназначенной для обеспечения безопасности общества, сохранения его системной целостности путем управления его делами с использованием многочисленных юридически допустимых ресурсов – нормативных, финансовых, организационных и других – в процессе обеспечения беспрепятственного функционирования демократических институтов и реанимации тех, которые под влиянием внешних и внутренних факторов объективного и субъективного свойства существенно деформированы – электоральное участие, политически свободы, авторитарные методы правления, недопустимость контроля в частной сфере жизни людей, неконтролируемость неоправданных бюджетных расходов налогоплательщиков и др.

В общем представлении правовой науки понятие государственного режима охватывает «совокупность методов, способов и средств осуществления государственной власти в обществе» [1, с. 178], которое часто используется как синоним понятия «политического режима», что является дискуссионным моментом принципиального спора об их тождественности/ противоположности, частичной или полной понятийной автономии. В теории государства и права под государственным режимом понимается совокупность используемых группами, классами или слоями, которые находятся у власти, методов и способов реализации государственной власти. Он выступает в качестве важной составной части политического режима, включая, кроме государства, и все другие элементы политической системы общества [2, с. 182]. Согласно убеждению В. Нерсеянца, государственный (политический) режим представляет собой определенный порядок функционирования государства, те или иные процедуры, правовые формы, способы, методы и приемы реализации государственной власти [13, с. 254]. Его функциональная направленность состоит в том, чтобы максимально понять возможные способы, с помощью которых работают институты государственной власти – его органы, полномочные от имени государства устанавливать нормативно-правовые основы и пределы их функционирования, пределы и сферы правового регулирования, их способы, методы, средства, а также необходимые в любом публичном управлении

инструменты контроля за обеспечением правопорядка в обществе – как в публично-правовой, так и в частноправовой сферах.

Вместе с тем, государственный режим в правовой реальности означает степень участия государственно-организованного общества в осуществлении публичной власти и обеспечении собственных основных принципов (фундаментальных ценностей). По моему мнению, государственный режим, как понятие, означает не столько совокупность методов и средств осуществления публичной власти в обществе, сколько степень осуществления государственной властью своих функций, выполнения публичных обязательств (обязанностей) в сфере обеспечения и защиты прав и свобод, гарантии и степень участия граждан страны в осуществлении народовластия, управления в государственных делах, участия в публичном управлении.

Демонстрации этих «режимных» показателей в каждой конкретной стране сохраняет причину для распознавания их специфики, субъективных и объективных факторов влияния на их формирование, что создает методологическую потребность в «типизации» государственных режимов, классификации их свойств, характеристик и содержательных компонентов.

Обобщение научной мысли позволяет увидеть элементы, определяющие государственный режим:

1) реальная роль прав свобод человека в политическом (государственно-организованном) обществе. Речь идет именно об истинном, гарантированном, а не иллюзорном, приукрашенном «статистикой» статусе прав человека в иерархии социальных ценностей, а не только об их формальном законодательном определении – закреплении в источниках права;

2) реальность института народовластия, степень и формы участия институтов гражданского общества в осуществлении публичной власти и изучение влияния на общегосударственную и муниципальную власть. При этом учитываются такие их показатели: а) доля взрослого населения, наделенного электоральными правами. Например, в Великобритании (лидеры мировой демократии) доля лиц старше 20 лет, наделенных правом голоса, составляла: в 1831 – всего 4% населения. В 1864 г. – 9, в 1883 – 18; в 1921 г. – 74, а в 1931 г. – 97% [4, с. 29]; б) наличие (отсутствие) групп населения, законно лишенных избирательного права на основе их социального происхождения, национальной, расовой,

религиозной принадлежности или политических убеждений; в) проведение регулярных и свободных выборов;

3) степень, формы и способы гарантирования государством принципа верховенства права (насколько власть, общество и граждане вмонтированы в правовую реальность, построенную на этом принципе; как право защищено независимым судом). Высокий принцип верховенства права определяется как показатель уровня развитости конституционализма, как фактора лимитации публичной власти;

4) транспарентность институтов публичной власти, степень открытости подготовки их решений, гарантии свободы слова, отчетность публичной власти, прозрачность ее деятельности и результаты, формы общественного реагирования на бездеятельность и прочие дисфункции власти);

5) степень внедрения законодательных условий для активности институтов гражданского общества (наличие гарантий политического и идеологического плюрализма, гарантии развития «третьего сектора») [1, с. 180].

Известная международная правозащитная организация «Freedom House» оценила государственные режимы на основе восьми критериев: 1) избирательный процесс; 2) гражданское общество; 3) независимые СМИ; 4) общегосударственное управление; 5) местное публичное управление; 7) судоустройство и независимость судов; 8) коррупция [1, с. 179].

В исследованиях отмечается, пожалуй, главный показатель отличия государственных режимов – механизм осуществления власти [5, с. 151].

В отличие от формы правления как составляющей формы любого государства, которая выражает способы организации государственной власти на национальном уровне, государственный режим, его формы и способы отражают способы осуществления публичной власти на государственном и местном уровнях. Основной формой легализации режима является конституционная форма, то есть стремление государственного режима – демократического или недемократического – к закреплению в конституционном законодательстве.

В качестве выводов выделим такие позиции:

Во-первых, государственный режим как категория выражает степень и формы участия институтов общества в осуществлении

публичной власти и обеспечении основных принципов – требований, производных от фундаментальных ценностей демократии. Государственный режим представляет собой определенный порядок и процедуры функционирования институтов государства, правовые формы, способы, методы и приемы реализации государственной власти. Содержанием государственного режима являются механизм (способы) легитимации публичной власти институтами общества, с одной стороны, и методы реализации власти в обществе, с другой. эффективности этого механизма.

Во-вторых, критериями для видовой классификации государственного режима выступают, по крайней мере, такие его понятийные элементы (критерии): степень обеспечения прав человека, народовластие, действенности верховенства права, уровень открытости публичной власти и гарантии для активного гражданского общества.

Список литературы

1. Попович, Т. П. Государственный режим как теоретико-правовая категория (понятие, критерии для видовой классификации) / Т. П. Попович, В. В. Лемак // Публичное право. – 2014. – № 4 (16). – С. 177–182.

2. Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. / под ред. М. Марченко. – Москва: Зерцало, 1998. Т. 1: Теория государства. – 416 с.

3. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – Москва: Норма-Инфра, 1999. – 552 с.

4. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 204 с.

5. Цыганков, Л. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: учеб. пособие / Л. П. Цыганков. – Москва, 1995. – 293 с.

6. Agnew J. Sovereignty regimes: Territoriality and state authority in contemporary world politics // Annals of the association of American geographers. – 2005. – Т. 95, №. 2. – С. 437–461.

7. Pavlović D. How Political Parties in Hybrid Regimes Help the Incumbent Maintain a Democratic Facade // East European Politics and Societies, 2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Апольский Евгений Александрович, кандидат юридических наук, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). E-mail: apolski@mail.ru

Берёза Валерия Валерьевна, студент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: leraberezza@mail.ru

Берман Алиса Михайловна, ассистент департамента правового регулирования бизнеса факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия. Москва). E-mail: alisa.berman@mail.ru

Беспалова Татьяна Викторовна, доктор философских наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Россия, Москва. E-mail: tvb09@bk.ru

Ветренко Инна Александровна, доктор политических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС. E-mail: Inna-Vetrenko@yandex.ru

Гребнев Руслан Дмитриевич, советник при ректорате по правовым вопросам Российский университет дружбы народов (Россия. Москва). E-mail: grebnev-rd@rudn.ru

Давиденко Алексей Сергеевич, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: davidenko@list.ru

Енакиева Элина Витальевна, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Исаев Александр Аркадьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры международного маркетинга и торговли,

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: isaevalex@list.ru

Каримова Юлия Ибрагимовна, студент, Дальневосточный федеральный университет. E-mail: karimova2001@bk.ru

Кирьяченко Оксана Игоревна, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Кравченко Артур Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права и процесса Юридической школы ДВФУ

Лихова Алена Борисовна, студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: Alena.LihovaQ@vvsu.ru

Любецкая Ольга Сергеевна, магистрант, Хабаровский государственный университет экономики и права. E-mail: rodionovaolga99@mail.ru

Мамедов Интигам Байрамович, кандидат политических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, E-mail: intiga-m@yandex.ru

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: mamychhev@yandex.ru

Мартьянов Никита Русланович, студент, Дальневосточный федеральный университет. E-mail: nekitos-ak2001@mail.ru

Матюк Юлия Сергеевна, ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: Yuliya.Matyuk@vvsu.ru

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: andreymordovtsev2020@gmail.com

Мордовцева Татьяна Васильевна, доктор культурологии, профессор ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики». E-mail: tatyana.mordovtseva@gmail.com

Перепелица Елена Васильевна, старший научный сотрудник, доцент, Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, Академия управления при Президенте Республики Беларусь. E-mail: perepelinka@gmail.com

Петрук Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: Galina.Petruk@vvsu.ru

Платонова Наталья Игоревна, кандидат юридических наук, МГИМО МИД России. E-mail: platonovani@gmail.com

Пургина Шушанна Аветисовна, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: shus_garicovich@mail.ru

Смольянинова Елена Николаевна, кандидат экономических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: Elena.Smolyaninova@vvsu.ru

Слоян Мраз Юрикович, магистрант, Институт права. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Россия. Владивосток

Шейко Антон Евгеньевич, Институт права. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Россия. Владивосток

Шестопад Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Россия. Владивосток

Фуенсун Анастасия Дмитриевна, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: kgky.nastyaf@mail.ru

Яковенко Андрей Александрович, магистрант, Дальневосточный федеральный университет. E-mail: Ikovenko.aa@dvfu.ru

Научное издание

РОБОТЫ ЗАЯВЛЯЮТ О СВОИХ ПРАВАХ

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЕК ЦИФРОВИЗАЦИИ
И ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ВИРУСНЫХ ЭПИДЕМИЙ**

Коллективная монография

Под редакцией
А.Ю. Мамычева, Г.В. Петрук

Авторский коллектив:

*Апольский Е. А., Берёза В. В., Берман А. М., Беспалова Т. В.,
Ветренко И. А., Гребнев Р. Д., Давиденко А. С., Енакиева Э. В., Исаев А. А.,
Каримова Ю. И., Кирьяченко О. И., Кравченко А. Г., Лихова А. Б.,
Любецкая О.С., Мамедов И. Б., Мамычев А. Ю., Мартыянов Н. Р.,
Матюк Ю. С., Мордовцев А. Ю., Мордовцева Т. В., Перепелица Е. В.,
Петрук Г. В., Платонова Н. И., Пургина Ш. А. Смольянинова Е. Н.,
Фуенсун А. Д., Яковенко А. А., Сляян М. Ю., Шестопал С. С., Шейко А. Е.*

Подписано в печать 25.12.20. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12,8
Тираж 300 [I–25] экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано в Ресурсном информационно-аналитическом центре ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

ISBN 978-5-9736-0622-0

9 785973 606220